

РЕСУРСНЫЙ ЦЕНТР 2.0
практики медиации и социальной интеграции в области межнациональных
и межконфессиональных отношений в регионах приграничья Западной Сибири

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

«Психосоциальные технологии развития коммуникативной
компетентности медиатора в сфере межнациональных
и межконфессиональных отношений»

Барнаул, 2020

ББК 88.5
П232

П232 Психосоциальные технологии развития коммуникативной компетентности медиатора в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений: учебно-методические материалы. Под общей редакцией Максимовой С.Г., Ноянзиной О.Е. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2020. – 160 с.

ISBN 978-5-7904-2473-1

В учебно-методических материалах представлена информация, направленная на более глубокое освоение курса по программе повышения квалификации «Психосоциальные технологии развития коммуникативной компетентности медиатора в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений».

В пособии освещаются проблемы, связанные с теоретическими и методологическими основами межличностных и межгрупповых коммуникаций в межнациональных/межэтнических взаимодействиях. Рассматриваются особенности формирования образа «другого», «этического другого», этническая толерантность; факторы, определяющие этническую толерантность; особенности кросс-культурного диалога и медиации кросс-культурных конфликтов; предмет, роль и технологии медиации; медиация как альтернативы судебным разбирательствам; теоретические основы исследования этничности и национализма; основные закономерности этнонациональных процессов на территории постсоветского пространства, а также в условиях «демократического транзита»; механизмы трансформации теорий и концепций в области этнонациональной политики в реальные практики и отношения.

Освещаются вопросы, направленные на описание роли и технологий медиации; применения этнокультурной компетентности и толерантности, практических форм эффективного межэтнического взаимодействия субъектов полиэтнической среды.

Учебно-методические материалы предназначены для руководителей, сотрудников и волонтеров национально-культурных организаций, общественных объединений, реализующих проекты в сфере национальных и межнациональных отношений, всех заинтересованных в укреплении единства российского народа, сохранении и развитии этнических культур, языков народов России.

Материалы также адресованы специалистам органов управления, работникам образования, учреждений социального обслуживания, и других организаций, включенных в реализацию социальной политики государства, а также социологам, психологам, студентам и аспирантам факультетов социогуманитарного профиля вузов России.

Учебно-методические материалы подготовлены с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов по проекту «Ресурсный центр 2.0: практики медиации и социальной интеграции в области межнациональных и межконфессиональных отношений в регионах приграничья Западной Сибири» № 19-2-019424 от 12.11.2019 г.

ББК 88.5

ISBN 978-5-7904-2473-1

© АКОО ПССОЗ «Позитивное развитие», 2020
© Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив
и содействию интеграции народов и культур в Алтайском крае, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Программа повышения квалификации «Психосоциальные технологии развития коммуникативной компетентности медиатора в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений» <i>Макимова С.Г.</i>	4
Учебно-методические материалы	23
Раздел 1. Психосоциальные технологии в межнациональной и межконфессиональной сфере: методологические подходы	23
Тема 1.1. Этнически мотивированная конфликтность: национализм как идеология и политическая практика <i>сост. Ноянзина О.Е.</i>	23
Тема 1.2. Процесс медиации в управлении конфликтами с религиозной составляющей <i>сост. Ноянзина О.Е.</i>	38
Раздел 2. Межнациональные и межконфессиональные отношения: проблема возникновения конфликтов	67
Тема 2.1. Этническая толерантность и интолерантность <i>сост. Омельченко Д.А.</i>	67
Тема 2.2. Конфликты и способы их разрешения в разных культурах. Межэтническая медиация <i>сост. Омельченко Д.А.</i>	81
Раздел 3. Коммуникативная компетентность медиатора: теория и практика ...	100
Тема 3.1. Основы коммуникативной компетентности личности, коммуникативная компетентность и грамотность медиатора <i>сост. Лукашевич Е.В.</i>	100
Тема 3.2. Анализ коммуникативных ситуаций <i>сост. Лукашевич Е.В.</i>	107
Тема 3.3. Этнокультурная компетентность и условия ее формирования <i>сост. Ноянзина О.Е.</i>	111
Раздел 4. Психосоциальные технологии развития коммуникативной компетентности медиатора	127
Тема 4.1. Impression менеджмент. Эффективные коммуникации для медиатора <i>сост. Черепанова М.И.</i>	127
Тема 4.2. Тренинг по формированию психосоциальных технологий компетентности медиатора по решению конфликтных ситуаций <i>сост. Черепанова М.И.</i>	138
Тема 4.3. Роль невербальной коммуникации в посреднических переговорах <i>сост. Меженин Я.Э.</i>	150
Тема 4.4. Коммуникативный тренинг «Есть контакт? Есть контакт!» <i>сост. Трофимова Ю.В.</i>	155

ПРОГРАММА ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

«Психосоциальные технологии развития коммуникативной компетентности медиатора в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений»

Максимова С.Г.

Общая характеристика программы

1.1. Цель реализации программы

Целью реализации программы является совершенствование и получение новых компетенций, необходимых для профессиональной деятельности, и повышение профессионального уровня в области управления деятельностью НКО в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений.

1.2. Планируемые результаты обучения

Знать теоретические и методологические основы межличностных и межгрупповых коммуникаций в межнациональных/межэтнических взаимодействиях; особенности формирования образа «другого», «этического другого», этническая толерантность; факторы, определяющие этническую толерантность; особенности кросс-культурного диалога и медиации кросс-культурных конфликтов; предмет, роль и технологии медиации; медиация как альтернативы судебным разбирательствам; теоретические основы исследования этничности и национализма; основные закономерности этнонациональных процессов на территории постсоветского пространства, а также в условиях «демократического транзита»; механизмы трансформации теорий и концепций в области этнонациональной политики в реальные практики и отношения.

Уметь определять предмет, роль и технологии медиации; применять этнокультурную компетентность и толерантность, практические формы эффективного межэтнического взаимодействия субъектов полиэтнической среды; основные теоретические и методологические подходы этнополитики, её составляющих и инструментария; выявлять и анализировать основные тенденции этнополитических процессов в Российской Федерации, странах СНГ и государствах дальнего зарубежья; описывать и анализировать отдельные кейсы, связанные с медиативными практиками, этнополитическими процессами и многофакторными ситуациями; выявлять и описывать стратегии поведения отдельных акторов медиации, этнополитики (с акцентом на государственные институты, этнические элиты и СМИ); определять правовые основы деятельности региональных политических акторов и определять природу и характер регионального политического конфликта;

Владеть навыками кросс-культурного диалога и медиации кросс-культурных конфликтов; уметь выявлять конфликтное взаимодействие и диалог сторон; владеть медиаторскими практиками; уметь интегрировать медиацию в кросс-культурные отношения; владеть медиацией как альтернативой судебным разбирательствам конфликтно-генных ситуаций в сфере этнополитических процессов, как на локальном/ региональном, так и на государственном и межгосударственном уровнях; уметь работать с нормативно-правовыми документами, регулирующими национальную политику в РФ, деятельность политических акторов на уровне субъектов федерации и муниципалитетов, а также сферу публичной политики; независимого исследования текущей политической ситуации в отношении конкретного исследовательского объекта (будь то международная организация, государство, регион, этническая общность или же индивид); непосредственного сбора актуальной информации по этнонациональной проблематике по-

средством анализа текстов СМИ, интервью с представителями различных этнических групп и государственных институтов и т.д.; приемами качественной и количественной методологии описания и анализа медиации в области этнополитических процессов.

Владеть психосоциальными технологиями развития коммуникативной компетентности медиатора в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений; методами диагностики, предупреждения и профилактики возникновения межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

1.3. Категория слушателей. К освоению ДПП допускаются лица, имеющие высшее образование, опыт профессиональной деятельности, связанный с реализацией национальной политики, межнационального взаимодействия, образования в сфере национальной политики. Лидеры национально-культурных объединений в области реализации государственной национальной политики, в сфере национальных и религиозных отношений, в области социальных технологий формирования позитивных межнациональных и межконфессиональных отношений; педагогические работники, государственные гражданские и муниципальные служащие.

1.4. Трудоемкость обучения – 72 часа.

1.5. Форма обучения – очно-заочная.

Содержание программы

Учебный план программы повышения квалификации «Психосоциальные технологии развития коммуникативной компетентности медиатора в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений»

№ п/п	Наименование разделов, (дисциплин, модулей)	Общая трудоемкость, (часов, зач. ед.)	Всего ауд. час. (зач. ед.)	Аудиторные занятия, час.			СРС, час.	Форма контроля
				лекции	практич., семинары	Лаборатор.		
1	Психосоциальные технологии в межнациональной и межконфессиональной сфере: методологические подходы	12	8	8			4	
1.1.	Ресурсный центр 2.0 как механизм развития и внедрения практик медиации и социальной интеграции в области межнациональных и межконфессиональных отношений							
2	Межнациональные и межконфессиональные отношения: проблема возникновения конфликтов	6	4	4			2	

3	Коммуникативная компетентность медиатора: теория и практика	26	14	10	2		12	
4	Психосоциальные технологии развития коммуникативной компетентности медиатора	28	12		12		16	
	Итоговая аттестация							
	Итого	72	38				34	

Учебно-тематический план программы повышения квалификации «Психосоциальные технологии развития коммуникативной компетентности медиатора в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений»

	Наименование дисциплин	Общая аудиторная емкость, (часов, зач. ед.)	Всего, ауд. час. (зач. ед.)	Аудиторные занятия, час.		СРС, час.	Форма контроля
				лекции	семинары		
1	Психосоциальные технологии в межнациональной и межконфессиональной сфере: методологические подходы	12	8	8		4	Тест
1.1.	Ресурсный центр 2.0 как механизм развития и внедрения практик медиации и социальной интеграции в области межнациональных и межконфессиональных отношений	2	2	2			
1.2	Достижение межрелигиозной толерантности как основы взаимодействия конфессий	4	2	2		2	
1.3.	Поликультурная медиация как технология переговорного процесса	2	2	2			
1.4.	Специфика компетенций медиатора в сфере религиозно мотивированной конфликтности	4	2	2		2	
2	Межнациональные и межконфессиональные отношения: проблема возникновения конфликтов	6	4	4		2	Тест
2.1	Национальные и этнические движения как субъекты мира и конфликта	4	2	2		2	
2.2	Человеческий (народный) капитал Русского Алтая: история и современность	2	2	2			

3	Коммуникативная компетентность медиатора: теория и практика	26	14	10	2	12	Тест
3.1	Основы коммуникативной компетентности личности	2	2	2			
3.2	Коммуникативная компетентность медиатора	4	2		2		
3.3	Коммуникативная грамотность медиатора	10	2	2		8	
3.4	Анализ коммуникативных ситуаций	2	2	2			
3.5	Профессиональная этика медиатора в конфликтной ситуации с этнической составляющей	6	2	2		4	
3.6	Профессиональная этика медиатора в конфликтной ситуации с конфессиональной составляющей	2	2	2			
4	Психосоциальные технологии развития коммуникативной компетентности медиатора	28	12		12	16	
4.1.	Impression менеджмент. Эффективные коммуникации для медиатора	10	2		2	8	
4.2.	Тренинг по формированию психосоциальных технологий компетентности медиатора по решению конфликтных ситуаций	12	4		4	8	
4.3.	Роль невербальной коммуникации в посреднических переговорах	2	2		2		
4.4	Коммуникативный тренинг «Есть контакт? Есть контакт!»	4	4		4		
	Итоговая аттестация						Зачет
	Итого	72	30			42	

Рабочая программа повышения квалификации «Психосоциальные технологии развития коммуникативной компетентности медиатора в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений»

Раздел 1. Психосоциальные технологии в межнациональной и межконфессиональной сфере: методологические подходы

Тема 1.1. Направления деятельности и роль ресурсного центра 2.0 в области развития и внедрения практик медиации и социальной интеграции в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

Основные направления работы:

организация личных, телефонных и онлайн консультаций по вопросам: реализации государственной национальной политики; государственной поддержки национально-культурных общественных объединений и инициативных групп граждан; организа-

ции этнокультурной, культурно-досуговой деятельности; организации учебно-методической деятельности.

Информационная поддержка национально-культурных общественных объединений.

Тема 1.2. Достижение межрелигиозной толерантности как основы взаимодействия конфессий (4 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

Динамика уровня и характера религиозности в современной России. Специфика формирования межкультурной компетентности к идеям и социокультурным ценностям различных конфессий. Социально-психологические источники межрелигиозного конфликта. Религия как ситуационный фактор межгруппового конфликта.

Тема 1.3. Поликультурная медиация как технология переговорного процесса (2 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

1. Ключевые требования к личности медиатора в процессе разрешения конфликтов этнической мотивации.

2. Конфликтологические компетенции медиатора в этнически мотивированных конфликтах.

3. Сложности управления переговорами в сфере этнического или межэтнического конфликта. Виды переговоров. Этика ведения переговоров. Процедурные соглашения.

Тема 1.4. Специфика компетенций медиатора в сфере религиозно мотивированной конфликтности (2 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

1. Компетентность медиатора в процессе разрешения внутри конфессионального конфликта.

2. Компетентности медиатора в процессе разрешения межконфессионального конфликта.

3. Компетентности медиатора в процессе разрешения конфликта с религиозной (конфессиональной) составляющей.

Раздел 2. Межнациональные и межконфессиональные отношения: проблема возникновения конфликтов (16 час.)

Тема 2.1 Национальные и этнические движения как субъекты мира и конфликта. (2 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

Общее понятие общественных (социальных) движений как группового действия: определение, характеристики, типологии, отличия от других социальных феноменов – институтов, организаций, партий. Классические теории социальных движений (коллективного поведения, массового общества, относительной депривации) и новые подходы (политических возможностей, мобилизации ресурсов, социального влияния, конструктивизм). Новые социальные движения. Этническая мобилизация: сущность, формы и механизмы. Роль этнического в политическом процессе. Этническая мобилизация и этнические движения в СССР и современной России.

Тема 2.2. Человеческий (народный) капитал Русского Алтая: история и современность (2 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

1. Понятие «человеческий капитал» в теоретико-методологической трактовке зарубежных и отечественных исследователей.
2. Русский Алтай в прошлом: почему не состоялась «Калифорния России».
3. Актуальные проблемы демографического воспроизводства качественного людского потенциала в современном Алтайском крае.

Раздел 3. Коммуникативная компетентность медиатора: теория и практика (26 час.)

Тема 3.1. Основы коммуникативной компетентности личности (2 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

1. Цели коммуникации.
2. Законы и принципы коммуникации.
3. Этико-речевые нормы в коммуникации. Деловой этикет. Правила бесконфликтного общения.
4. Критерии коммуникативной компетентности личности.

Тема 3.2. Коммуникативная компетентность медиатора (2 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

1. Охарактеризуйте цели коммуникации.
2. Проанализируйте законы и принципы коммуникации, определите их возможности в деятельности медиатора.
3. Этико-речевые нормы в коммуникации. Проиллюстрируйте правила бесконфликтного общения примерами из сферы межнациональных и межконфессиональных отношений.
4. Назовите критерии коммуникативной компетентности личности. Оцените собственный уровень коммуникативной компетентности.

Тема 3.3. Коммуникативная грамотность медиатора (2 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

1. Коммуникативный имидж и коммуникативное поведение медиатора.
2. Манипуляция в коммуникации.
3. Моделирование конфликтных коммуникативных ситуаций. Диагностика эмоциональной напряженности.
4. Маркеры вербальной и невербальной агрессии в коммуникации.

Тема 3.4. Анализ коммуникативных ситуаций (2 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

1. Охарактеризуйте коммуникативный имидж и коммуникативное поведение медиатора.
2. Какова роль манипуляция в коммуникации.
3. Проанализируйте специфику конфликтных коммуникативных ситуаций. На основе каких факторов можно диагностировать эмоциональную напряженность?
4. Определите маркеры вербальной и невербальной агрессии в коммуникации.
5. Разделившись на микрогруппы, проанализируйте предложенный преподавателем видеоролик, описав особенности коммуникативной ситуации, выявив критерии

коммуникативной компетентности участников ситуации, оценив эффективность коммуникации.

Тема 3.5. Профессиональная этика медиатора в конфликтной ситуации с этнической составляющей (2 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

1. Особенности коммуникации медиатора с представителями сторон конфликта этнической мотивации, в т.ч. иностранными гражданами.
2. Особенности коммуникации медиатора с представителями правоохранительных органов, спецслужб, органов государственной власти и местного самоуправления (при конфликте этнической мотивации).

Тема 3.6. Профессиональная этика медиатора в конфликтной ситуации с конфессиональной составляющей (2 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

1. Особенности коммуникации медиатора с представителями сторон конфликта конфессиональной мотивации.
2. Этика взаимоотношений медиатора с религиозными лидерами или профессиональными религиозными деятелями при разрешении религиозно мотивированных конфликтов.
3. Элементы конфессиональной догматики, канонического права и религиозной этики в компетенции медиатора.

Раздел 4. Психосоциальные технологии развития коммуникативной компетентности медиатора (10 час.)

Тема 4.1. Impression менеджмент. Эффективные коммуникации для медиатора (4 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

1. Эффективные невербальные коммуникации в медиации
2. Эффективные вербальные коммуникации в медиации.
3. Организация коммуникативного пространства.
4. Базовые правила эффективных коммуникаций в процессе медиации.

Тема 4.2. Тренинг по формированию психосоциальных технологий компетентности медиатора по решению конфликтных ситуаций (4 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

1. Упражнение «Психологическое зеркало». Групповая рефлексия.
2. Упражнение «Эмпатия». Групповая рефлексия.
3. Упражнение «Тест на спонтанность». Групповая рефлексия.
4. Групповая дискуссия «Профессионально важные качества медиатора». Групповая рефлексия.
5. Упражнения «Ассертивность медиатора в процессе решения конфликта». Групповая рефлексия.

Тема 4.3. Роль невербальной коммуникации в посреднических переговорах (2 час.)

Вопросы, раскрывающие содержание темы.

1. Значение невербальной информации в медиации.
2. Анализ невербальных сигналов.
3. Распространенные ошибки медиатора.

Тема 4.4. Коммуникативный тренинг «Есть контакт? Есть контакт!» (2 час.)
Вопросы, раскрывающие содержание темы.

1. Понятие и сущность коммуникативной компетентности медиатора.
2. Невербальные и вербальные коммуникативные навыки медиатора.
3. Коммуникативные навыки медиатора при установлении и поддержании контакта со сторонами.
4. Способы реагирования на негативные проявления и сопротивление сторон.
5. Манипуляции в переговорном процессе.

Перечень лабораторных работ и практических (семинарских) занятий по темам

№ темы	Наименование практических (семинарских) занятий лабораторных работ	Ауд. час.
1.2	Достижение межрелигиозной толерантности как основы взаимодействия конфессий: 1. Влияние религиозного типа (фундаменталист/либерал) на потенциальные межконфессиональные противоречия. 2. Культурные и региональные особенности межрелигиозного взаимодействия. Этнические и социальные факторы дискриминации религиозных меньшинств.	2
2.1	Национальные движения и межнациональные конфликты. Практический анализ деятельности национальных движений в современных регионах России. Разбор и анализ результатов этносоциологических исследований в группах.	2
2.2	Политико-исторические факторы деградации человеческого капитала в современном Алтайском крае 1. Дореволюционный социальный и экономический потенциал полиэтничного человеческого капитала в регионе (качественно-статистическая характеристика). 2. Последствия превращения Алтая в своеобразный «полигон» региональной политики общегосударственного административного «центра». 3. Причины негативной экономико-демографической ситуации в крае (возможно ли решение проблемы социальной депрессии?).	2
3.1	Основы коммуникативной компетентности личности	2
3.4	Анализ коммуникативных ситуаций	2
4.1.	Тренинг по формированию психосоциальных технологий компетентности медиатора по решению конфликтных ситуаций	2
4.3	Роль невербальной коммуникации в посреднических переговорах 1. Деловая игра «Контрабанда» 2. Анализ деловой игры.	4

Виды самостоятельной работы слушателей (СРС)

№ п/п	Вид СРС	Трудоемкость, час.
1.2	<p>Темы рефератов:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Проблема достижения толерантности в процессе межрелигиозного взаимодействия. 2. Основополагающие причины религиозной конфликтности. 3. Влияние политического и социального фактора на процесс возникновения религиозной конфликтности. 4. Религиозная толерантность в региональном измерении. 5. Специфика восприятия современных ценностей культуры православным сообществом. 6. Правовое регулирование религиозной конфликтности на современном этапе. 7. Проблемы религиозной толерантности на мусульманском Востоке. 8. Религиозные конфликты в странах СНГ. 9. Влияние секуляризма на процессы межрелигиозного диалога. 10. Специфика религиозного фундаментализма и его влияние на религиозную конфликтность. 	2
1.4	<p>Темы рефератов:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Проблема достижения толерантности в процессе межрелигиозного взаимодействия. 2. Основополагающие причины религиозной конфликтности. 3. Влияние политического и социального фактора на процесс возникновения религиозной конфликтности. 4. Религиозная толерантность в региональном измерении. 5. Специфика восприятия современных ценностей культуры православным сообществом. 6. Правовое регулирование религиозной конфликтности на современном этапе. 7. Проблемы религиозной толерантности на мусульманском Востоке. 8. Религиозные конфликты в странах СНГ. 9. Влияние секуляризма на процессы межрелигиозного диалога. 10. Специфика религиозного фундаментализма и его влияние на религиозную конфликтность. 	2
2.1	Подготовка мини-доклада об одном из этнических движений современности.	2
3.4	Подбор и анализ ситуаций, иллюстрирующих особенности коммуникации в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений	8
3.5.	Познакомьтесь с публикацией: Свободный Ф.К. профессиональное общение медиатора: этапы и приёмы // Гражданское общество и правовое государство. 2013. Т. 2. С. 68–73.	4
4.1.	На основе анализа литературы, интернет-источников проанализировать основные условия и факторы нарушения коммуникаций в процессе возникновения и решения межнациональных конфликтов.	8
4.2	На основе пройденных лекций, тренингов, анализа литературы и интернет источников создать реестр методов, методик и техник по формированию психосоциальной компетентности медиатора в процессе решения конфликтов в межнациональной сфере	8

1. Условия реализации программы (организационно-педагогические)

1.1. Материально-технические условия

Перечень материально-технического обеспечения включает в себя: актовый зал, конференц-зал, каминный зал, зал для выставок;

Для практических занятий по программе повышения квалификации имеется - Мультимедиа видеопроектор Epson EMP TW-620; Экран портативный ScreenMedia Apollo 180*180 MW; Компьютер портативный ASUS F3Sv Merom Core 2 Duo T7500; Компактная цифровая видеокамера формата HDD Sony DCR-SR200E; Фотоаппарат цифровой Kodak EasyShare Z612 с дополнительной картой памяти.

1.2. Учебно-методическое и информационное обеспечение программы

Учебно-методические материалы

Рекомендуемая литература (основная)

1. Аллахвердова О.В., Карпенко А.Д. Методическое пособие для посредников-медиаторов. – СПб., 2005. – 107 с.
2. Альтернативное разрешение споров: учебник / под ред. Е.А. Борисовой. М.: Издательский Дом «Городец», 2019. – 416 с.
3. Багдасарян В.Э., Ларионов А.Э. Информационная политика по профилактике межэтнических конфликтов // ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ №2 (42) 2017. – С. 55–62.
4. Балан, В.П. Медиация: Учебное пособие / В.П. Балан, А.В. Душкин, В.И. Новосельцев и др. – М.: РиС, 2015. – 342 с.
5. Берзон Е.Н. Управление конфликтными ситуациями. Методы разрешения конфликтов // Альманах научных работ молодых ученых университета ИТМО СПб, 2017. – С. 47–49.
6. Гришаева Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие для вузов / Л.И. Гришаева, Л. В. Цурикова. 4-е изд., стер. М.: Академия, 2007.
7. Гришина Н.В. Психология конфликта. – СПб.: Питер, 2012. – 344 с.
8. Дмитриев, А.В. Конфликтология: Учебник / А.В. Дмитриев. – М.: Альфа-М, НИЦ ИНФРА-М, 2016. – 336 с.
9. Иссерс О.С. Речевое воздействие: уч. пособие для вузов. М.: Флинта, 2009.
10. Конфликтология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления и гуманитарно-социальным специальностям / В.П. Ратников, И.К. Батулин, В.Ф. Голубь [и др.] ; под ред. В. П. Ратников. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 543 с.
11. Медиация: Учебник / Под ред. А.Д. Карпенко, А.Д. Осинковского. – М.: Статут, 2016. – 440 с.
12. Нигматуллина, Т.А. Политическая медиация: учеб. пособие для академического бакалавриата / Т.А. Нигматуллина, Л.О. Терновая. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2018.
13. Основы теории коммуникации: учеб. для вузов / под ред. М. А. Васирика. М.: Гардарики, 2005.
14. Поканинова Е.Б. Межрелигиозная толерантность как основа гармонизации государственно-конфессиональных отношений // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – № 11. С.140–143.
15. Попенкова Д.И. Проблема этнических и религиозных конфликтов в современной России // Бюллетень науки и практики. – 2019. № 10. С. 274–279.

16. Религиозная толерантность. Историческое и политическое измерения / Составление и общая редакция А.А. Красикова и Е.С. Токаревой. – М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2006. – 328 с.
17. Религия, конфессии, общество и государство: история и современность взаимоотношений. – Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. – Владимир: Аркаим, 2018. – 212 с.
18. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2004.
19. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта, 2010 (или любое другое издание).
20. Силаева З.В. Теологический анализ религиозного конфликта // *Minbar. Islamic Studies*. 2018 – № 11. – С. 351–358.
21. Стернин И.А. Анализ коммуникативных ситуаций. Воронеж, 2013.
22. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Воронеж, 2012.
23. Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение / И.А. Стернин, Ю.Е. Прохоров. Воронеж, 2006.
24. Суд. АРС. Медиация: Сборник статей /Составитель Ц.А. Шамликашвили. – М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2017. – 140 с.
25. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: учеб. пособие. М.: АСТ, Астрель, Хранитель, 2007.
26. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2008. URL: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785211054721.html> (дата обращения: 12.02.2020).
27. Хухлаев О.Е. Религия и межгрупповой конфликт: современные исследования религиозного фундаментализма // Электронный журнал «Современная зарубежная психология» 2018. Том 7. № 4. С. 32–39.
28. Цветков В.Л. Психология конфликта: от теории к практике: учеб. пособие/ В.Л. Цветков. – М. : ЮНИТИ-ДАНА . – 2015. – 183 с.
29. Шейнов В.П. Управление конфликтами. – СПб.: Питер, 2019. – 576 с.
30. Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2012. – 600 с.

Рекомендуемая литература (дополнительная)

1. Berry, J. W., Poortinga, Y. H., Pandey, J., Segall, M. H., & Kâğıtçıbaşı, Ç. (1997). *Handbook of cross-cultural psychology: Theory and method (Vol. 1)*. John Berry.
2. Buechler S.M. New social movement theories // *Sociological Quarterly*. – 1995. – Т. 36. – № 3. – С. 441–464.
3. Buechler S.M. New social movement theories // *Sociological Quarterly*. – 1995. – Т. 36. – № 3. – С. 441–464.
4. Caponio T., Jones-Correa M. Theorising migration policy in multilevel states: the multilevel governance perspective. – 2018.
5. De Haas H. et al. International Migration: Trends, Determinants, and Policy Effects // *Population and Development Review*. – 2018.
6. Diani M. The concept of social movement // *The sociological review*. – 1992. – Т. 40. – № 1. – С. 1–25.
7. Diani M. The concept of social movement // *The sociological review*. – 1992. – Т. 40. – № 1. – С. 1–25.

8. Hui, C.H., & Triandis, H.C. (1985). Measurement in cross-cultural psychology: A review and comparison of strategies. *Journal of cross-cultural psychology*, 16(2), 131–152.
9. McAdam D. Culture and social movements // *New social movements: From ideology to identity*. – 1994. – С. 36–57.
10. McAdam D. Culture and social movements // *New social movements: From ideology to identity*. – 1994. – С. 36–57.
11. Scipioni M. Failing forward in EU migration policy? EU integration after the 2015 asylum and migration crisis // *Journal of European Public Policy*. – 2018. – Т. 25. – № 9. – С. 1357–1375.
12. Snow D.A., McAdam D. Identity work processes in the context of social movements: Clarifying the identity/movement nexus // *Self, identity, and social movements*. – 2000. – Т. 13. – С. 41–67.
13. Snow D.A., McAdam D. Identity work processes in the context of social movements: Clarifying the identity/movement nexus // *Self, identity, and social movements*. – 2000. – Т. 13. – С. 41–67.
14. Van de Vijver, F.J., Leung, K., & Leung, K. (1997). *Methods and data analysis for cross-cultural research* (Vol. 1). Sage.
15. Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. М., 2004.
16. Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // *Социологические исследования*. 2014. № 12. С. 43–45.
17. Агаджанов Ю.Г. Культура межнационального общения: сущность, структура, функции // *Юридический вестник*. 2015. № 1. С. 37–42.
18. Агапов М.Г. и др. Постколониальность Сибири: региональный синдром // *Философские науки*. 2015. № 8. С. 66–78.
19. Аетдинов Э.Х. Этнополитическая мобилизация как реакция на внешние вызовы: кейс крымскотатарского национального движения // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. – 2009. – Т. 5. – № 3.
20. Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX века. Барнаул. 2017. 560 с.
21. Андюсов Б.Е. Сибирь и субэтнос русских старожилов [Электронный ресурс]: URL: <http://myaltai.ru/history/mir-sibiri-chelovek> (дата обращения 28.01.2020)
22. Анцупов А.Я. *Конфликтология*. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 591 с.
23. Арутюнян Ю.В. и др. *Этносоциология*. М.: Аспект Пресс, 2013. – 271 с.
24. Ачкасов В.А. Этнополитическая мобилизация: попытка концептуализации понятия // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения*. – 2014. – № 3.
25. Багдасарян В.Э., Ларионов А.Э. Информационная политика по профилактике межэтнических конфликтов // *Информационные войны* № 2 (42) 2017. – С. 55–62.
26. Балибар Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. / Пер. с фр. – М.: Логос, 2014. – 288 с.
27. Бесемер Х. Медиация: посредничество в конфликтах. Калуга, 2009 г. 267 с.;
28. Бормотова Т.М., Юдина Т.Н. Миграционная политика как инструмент обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // *Социальная политика и социология*. – 2016. – Т. 15. – № 2. – С. 88–95.
29. Васильева Т.А. Миграционная политика, гражданство и статус иностранцев в странах западной демократии // М.: Институт права и публичной политики. – 2010. – С. 47.
30. Винер Б.Е. Этнические организации в Санкт-Петербурге // *Социологический журнал*. – 2001. – № 1.

31. Витковская Г. С. Новые диаспоры в Центральной Азии: миграционный материал // Социологические исследования. – 1999. – № 2. – С. 45–53.
32. Вишнякова Н.Ф. Конфликтология. Мн.: Университетское, 2012. – 246 с.
33. Восковский А. / Медиация в России: легализация и перспективы развития// Еженедельник «Экономика и жизнь». – № 31. – 2010.
34. Всероссийская перепись населения 2010 т.: Национальный состав России [Электронный ресурс]: URL: <http://www.statdata.ru/nacionalnyj-sostav-rossii> (дата обращения 28.01.2020).
35. Герасименко О. «Как колонией была, так и останется» // Коммерсант Власть. 2012. № 15 (969).
36. Глухова А.В. Типология политических конфликтов. Воронеж: МОДЭК, 2015. – 184 с.
37. Гришаева Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие для вузов / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. 4-е изд., стер. М. : Академия, 2007.
38. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. – Языки русской культуры, 1998.
39. Дегтярева С.Л. Становление и развитие медиации в России//[Электронный ресурс] – Электр. дан. – URL: [<http://mediacia.com/aboutus.htm>].
40. Денисенко М. Б. и др. Миграционная политика в зарубежных странах и Российской Федерации: опыт сравнительного анализа. Москва. – 2003.
41. Дмитриев А.В. Конфликтология. М.: Гардарики, 2013. – 320 с.
42. Дмитриев А.В. Этнический конфликт: Теория и практика. М.: ЮНИТИ, 2011. –218 с.
43. Дойч М. Разрешение конфликта. / Пер. с нем. // Социально-политический журнал. 2015. № 7. С. 40–52.
44. Дробот Г. А. Глобальная миграция: факторы, последствия, регулирование, диаспоры // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 2.
45. Дэна, Д. Преодоление разногласий: как улучшить взаимоотношения на работе и дома / Д. Дэна. – СПб., 2010. – С. 35.
46. Жигунова М.А. Сибиряк как новая национальность: миф или реальность? // Родина. 2011. С. 11–15.
47. Жигунова М.А., Ремнев А.В., Суворова Н.В. Сибирский ракурс региональной идентичности // Национальные приоритеты России. 2014. № 2 (12). С. 48–62.
48. Зайцев, А.И. Негосударственные процедуры урегулирования правовых споров / А.И. Зайцев, Н.В. Кузнецов, Т.А. Савельева. Саратов, 2010. – С. 34.
49. Зарипов И.Ю. Социализм – этнос – этничность – нация – национализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 1. С. 35–47.
50. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект Пресс, 2012. – 286 с.
51. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М.: МГУ, 2015. – 160 с.
52. Здравомыслова Е. А. Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. – 1990. – №. 7. – С. 88–94.
53. Зотова Л.Э., Краева М.Ю. Социально-психологическая диагностика окружающей среды: Учеб. пос. для студ. вузов. М.: Издательский дом Академии естествознания. 2016.
54. Иванова, Е.Н. Медиация как альтернативный суду способ разрешения конфликтов / Е.Н. Иванова // Развитие альтернативных форм разрешения правовых конфликтов. Ч. 1. – Саратов, 2010. С. 28.

55. Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система: теория и политика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2008. – № 2.
56. Ивонин А.Р., Колупаев Д. История Алтайского казачества. Барнаул, 2008. 168 с.
57. Калашникова, С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. – М.: Ин-фотропик Медиа, 2011. – 304 с.
58. Качкин А.В. Этническая мобилизация и процесс регионализации: формы и механизмы // Мир России. Социология. Этнология. – 2000. – Т. 9. – № 4.
59. Киноян О.В. Политизация этнической идентичности как фактор мобилизации этнических групп в условиях конфликта. Дисс.на соис.уч.степ. канд.пол.наук. Ставрополь, 2009.
60. Колобашкина С.С. Проблемы использования адвокатом переговоров и медиации как внесудебных средств разрешения спора // Адвокат, 2011. – № 2.
61. Коннов А.Ю. Понятие, классификация и основные виды альтернативных способов разрешения споров // Журнал российского права. 2009. – № 12.
62. Конусова В.Т. Стадии медиации//[Электронный ресурс] – Электр. дан. – URL:[http://www.rusnauka.com/10_NPE_2008/Pravo/29716].
63. Корякин В.М. Медиация как способ урегулирования споров, и возможность ее применения к воинским правоотношениям // Право в Вооруженных Силах. – 2010. – № 10.
64. Конфликтология. / Под ред. А.С. Кармина. – СПб.: Лань, 2014. – 448 с.
65. Кремер И. Этнократия – новая угроза // Мировая экономика и международные отношения. 2012. – № 5. – С. 108–117.
66. Кузьмина М.Н. Медиация как альтернативная форма разрешения правовых конфликтов. Развитие альтернативных форм разрешения правовых конфликтов в России: практика, проблемы, перспективы // Тезисы участников Всероссийской конференции 19–21 октября 2009 г.
67. Лебедев М.М. Политическое урегулирование конфликтов. М.: Аспект Пресс, 2012. – 271 с.
68. Лебедева Н.М. Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х гг. М.: Дело, 2014. – 216 с.
69. Лебедева Н.М. Этническая и кросс-культурная психология. М., 2011.
70. Лоскутова М. Техника «медиации» по-русски // Консультант. 2010. – № 17.
71. Мамсуров Т.Д. Российский федерализм: национально-этнический контекст. М.: ВЛАДОС, 2011. – 340 с.
72. Мнацаканян М.О. Нации и национализм. М.: ЮНИТИ, 2014. – 367 с.
73. Музаев Т. Этнический сепаратизм в России. Панорама, 1999.
74. Мукомель В. и др. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. Социология. Этнология. – 2011. – Т. 20. – № 1.
75. Нации и национализм. / Под ред. Б. Андерсон и др.; Пер. с англ. Л.Е. Переяславцева. – М.: Практикс, 2012. – 416 с.
76. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. М.: Республика, 2011. – 250 с.
77. Основы теории коммуникации : учеб. для вузов / под ред. М.А. Васирика. М.: Гардарики, 2005.
78. Поканинова Е.Б. Межрелигиозная толерантность как основа гармонизации государственно-конфессиональных отношений // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – № 11. С. 140–143.
79. Попенкова Д.И. Проблема этнических и религиозных конфликтов в современной России // Бюллетень науки и практики. – 2019. – № 10. С. 274–279.

80. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология: Учебное пособие. Стандарт третьего поколения. Издательский дом «Питер», 2011.
81. Празиускас А.А. Этнонационализм, многонациональное государство и процессы глобализации // Политические исследования. – 2013. – № 2. С. 40–53.
82. Приходные ясачные книги 1706–1718 г. Томск. 1893.
83. Пряхин В.Ф. Региональные конфликты на постсоветском пространстве. М: ГНОМ и Д, 2012. – 344 с.
84. Религиозная толерантность. Историческое и политическое измерения / Составление и общая редакция А.А. Красикова и Е.С. Токаревой. – М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2006.– 328 с.
85. Религия, конфессии, общество и государство: история и современность взаимоотношений. – Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н.Г. Столетовых. – Владимир: Аркаим, 2018. – 212 с.
86. Ремнев А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Политика. 2011. № 3(62). С. 109–128.
87. Романенко Л.М. Социально-политические технологии разрешения конфликтов гражданского общества. М.: МГУ, 2015. – 322 с.
88. Савельев А. Этнополитика: От теории к практике // Вестник аналитика. 2011. № 6. С. 5–12.
89. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2004.
90. Сатарова А.А. Формирование института медиации в современной России: проблемы и перспективы // Юридический мир. – 2011. – № 1.
91. Сатрапов В. Борьба этносов за существование // Политический журнал. 2014. – № 4. – С. 45–57.
92. Сверкунова Н.В. Региональная сибирская идентичность? Опыт социологического исследования. СПб.: Питер, 2002.– 191 с.
93. Свод законоположений и распоряжений относящихся до поземельного устройства приписных крестьян, мастеровых урочников Алтайского и Нерченского округов, составляющих собственность Его императорского величества 1852–1882 гг.
94. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта, 2010 (или любое другое издание).
95. Сибирь в составе Российской империи. М.: НЛО, 2007. – 368 с.
96. Сикевич З. В. О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Т. 2. – № 2.
97. Силаева З. В. Теологический анализ религиозного конфликта // Minbar. Islamic Studies. 2018 – № 11. – С. 351–358.
98. Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2015. – 203 с.
99. Солдатова Г.У., Кравцова О.А., Хулаев О.Е.. Психодиагностика толерантности // Психологи о мигрантах и миграции в России: инф.-аналит. бюллетень. – 2002. – № 4. – С. 59–65.
100. Степанов Е.И. Конфликтология переходного периода. М.: РАН, 2015. – 156 с.
101. Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение / И.А. Стернин, Ю.Е. Прохоров. Воронеж, 2006.
102. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – Аспект Пресс, 2013.
103. Строгальщикова З.И. Этническая мобилизация прибалтийско-финских народов в Карелии: особенности и итоги // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2011. – № 3. – С. 17–24.

104. Суздалева Т.Р. Миграционная политика: практика XXI века // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. – Т. 2. – С. 2015.
105. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Миграционные процессы и межнациональные межконфессиональные отношения в России: взаимовлияние и роль СМИ // Этносоциум и межнациональная культура. – 2016. – № 2. – С. 9.
106. Таран П. Глобализация и трудовая миграция: необходимость политики, основанной на правах человека // Век глобализации. – 2010. – № 1.
107. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Исследование социальных аксиом: структура и взаимосвязи с социально-экономическими установками россиян // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2008. – Т. 5. – № 4.
108. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии // М.: НИУ ВШЭ. – 2011. – Т. 238.
109. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур : учеб. пособие. М. : АСТ, Астрель, Хранитель, 2007.
110. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 2008. URL : <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785211054721.html>.
111. Тишков В.А. Забыть о нации // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 27–35.
112. Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М.: РОССПЭН, 2013. – 432 с.
113. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. Барнаул. 1995. 228 с.
114. Уолцер М. О терпимости. / Пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, 2010. – 160 с.
115. Фельдман Д.М. Политология конфликта. М.: Стратегия, 2013. – 200 с.
116. Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. – Институт социологии РАН, 2007.
117. Хасан Б.И., Сергоманов П.А. Разрешение конфликтов и ведение переговоров. М.: МИРОС, 2012. – 176 с.
118. Хотинец В. Ю. Методологические основы этнической и кросскультурной психологии. – 2012.
119. Хухлаев О.Е. Религия и межгрупповой конфликт: современные исследования религиозного фундаментализма // Электронный журнал «Современная зарубежная психология» 2018. Том 7. № 4. С. 32–39.
120. Шабров О.Ф. Конфликт социальный и конфликт политический: проблема управления // Политическая теория: тенденции и проблемы. Вып.2. - М.: Республика, 2015. С. 140–162.
121. Щербинин Д.И. Конфликтный потенциал современного сибирского сепаратизма. Автореф. дисс.... канд. социолог. наук. Барнаул, 2010. – 18 с.
122. Этническая конфликтология. / Под ред. Е.Н. Соколова. – М.: РИК, 2012. – 154 с.
123. Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2012. – 600 с.
124. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень. 2000. 336 с.
125. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 506 с.

126. Язык и этнический конфликт / Под ред. М. Брилла и др. – М.: Гендальф, 2011. – 150 с.

127. Яницкий О. Н. Социальные движения. Новый хронограф, 2013.

Интернет-источники

Ассамблея народов России <http://ассамблеянародов.рф>.

Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ <http://raipon.info>.

Фонд президентских грантов <http://президентскиегранты.рф>.

Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействию интеграции народов и культур в Алтайском крае <http://rescenter22.ru>.

КАУ «Алтайский краевой Российско-Немецкий Дом» <http://ak-rnd.org>.

Комитет Госдумы по делам национальностей <http://komitet2-4.km.duma.gov.ru/>.

Комитет Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера <http://region.council.gov.ru/>.

Комиссия по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям <https://sovetsnational.ru/>.

Совет при Президенте РФ по межнациональным отношениям <http://www.kremlin.ru/events/councils/by-council/28>.

ФАДН России <http://fadn.gov.ru>.

Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации

<http://unro.minjust.ru/>.

Департамент Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края по вопросам внутренней политики <https://www.altairregion22.ru/gov/administration/isp/kompart/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika/>.

Ассоциация национальных СМИ <http://nationalsmi.ru/>.

Всероссийский конгресс этножурналистов <http://ethnokongress.ru/>.

Медиапроект Гильдии межэтнической журналистики «Национальный акцент» <https://nazaccent.ru/>.

Московский информационно-аналитический портал «Палитра диаспор» <http://www.palitra-diaspor.ru/>.

Первый российский национальный канал <https://tvrnk.ru/>.

Ресурсный центр ассамблеи народов России <http://ресурсныйцентр-анр.рф>.

Информационный портал НКО Алтайского края <http://nko22.ru>.

Сайт о национально-культурных объединениях Алтайского края <http://наш-алтай.рф>.

Алтай многонациональный. Проект КАУ «Алтайский краевой Российско-Немецкий Дом» <http://altaymn.ak-rnd.org/>.

Центр исследования межнациональных отношений, Институт социологии РАН <https://www.isras.ru/cimo.html>.

Центр миграционных исследований, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН <http://www.migrocenter.ru/>.

Личный блог С.Н. Абашина в соцсети (миграция, миграционная политика) <https://www.facebook.com/sergey.abashin>.

Личный блог В.Ю. Зорина в соцсети (национальная политика) <https://www.facebook.com/v.y.zorin/>.

Личный сайт В.А. Тишкова (национальная политика) <http://www.valetytishkov.ru>.

Оценка качества освоения программы (форма аттестации, оценочные и методические материалы)

Оценка качества освоения программы проводится в формах внутреннего мониторинга и внешней независимой оценки (организации могут на добровольной основе). Приводятся конкретные формы и процедуры текущего, промежуточного (при наличии) и итогового контроля. С целью оценивания содержания и качества учебного процесса, а также отдельных преподавателей со стороны слушателей и работодателей проводится анкетирование, получение отзывов.

Краткое описание модели и методики оценки результатов повышения квалификации

Цель текущего контроля освоения слушателями дополнительной профессиональной программы – выявить проблемы и затруднения социальных педагогов в освоении содержания программы и своевременно внести соответствующие коррективы в организацию процесса обучения.

Формы текущего контроля: групповая работа слушателей, которая осуществляется в ходе практических занятий с использованием различных типов практических заданий, предлагаемых слушателям для решения.

Итоговый контроль освоения слушателями дополнительной профессиональной программы осуществляется на основе утвержденного в АлтГУ Приказом ректора от 27.02.2013г. №212/п Положения «Об итоговой аттестации педагогических работников общеобразовательных учреждений, прошедших обучение по образовательным программам повышения квалификации, программ профессиональной переподготовки в ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет».

Цель итогового контроля – установление соответствия образовательных достижений слушателей (знаний, умений, компетентностей) требованиям к результатам обучения, предусмотренным дополнительной профессиональной программой.

Форма итогового контроля – индивидуальная, которая реализуется как защита социально-педагогического проекта.

Оценка результатов освоения программы складывается из оценки, полученной по результатам текущего контроля, и оценки, полученной по результатам итогового контроля. Максимальное количество баллов, которое может получить слушатель по результатам освоения программы – 20. При этом данные результаты могут быть разнесены по трем уровням:

- допустимый – 7–11 баллов;
- базовый – 12–17 баллов;
- инновационный – 18–20 баллов.

Таблица

Оценка результатов освоения дополнительной профессиональной программы в зависимости от типа контроля

№ п/п	Виды контроля Количество баллов	Уровни		
		допустимый	базовый	инновационный
1	Текущий	4-6	6-9	9-10
2	Итоговый	3-5	6-8	9-10
Всего:		7-11	12-17	18-20

Оценочные материалы для итогового контроля

Подготовка информационных материалов о лучших практиках, включая фото и другие иллюстративные материалы.

Лучшие практики

Тема этнического многообразия уже на протяжении многих веков является неотъемлемой частью жизни российского государства. В последнее время остро стоит вопрос о передаче следующим поколениям россиян этого уникального опыта.

Межнациональные, этнические и этнокультурные проекты сегодня – это будущее нашей страны завтра. Успешные, востребованные проекты следует тиражировать на уровне города, края, области, страны. Именно поэтому важно рассказать о том, что знаем и умеем. Чтобы таких проектов было как можно больше.

Что такое успешный этнокультурный проект? Проект, который создан с учетом среды, запросов, эффективен, то есть должен достигать максимальных результатов с минимальными затратами. Он востребован и уникален, имеет изюминку, а значит – будущее. Хорошо если этот проект партнерский, то есть его создавали вместе люди из нескольких сфер.

При описании проекта рекомендуем придерживаться следующей схемы:

- ✓ **АКТУАЛЬНОСТЬ** проблематики проекта
- ✓ **ЦЕЛЬ** проекта
- ✓ **ЗАДАЧИ** проект
- ✓ **ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ** проекта
- ✓ **КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ** проекта (*теоретическое, технологическое обоснование*)
- ✓ **КЛЮЧЕВАЯ ИДЕЯ** проекта
- ✓ **МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ** проекта
- ✓ **СИСТЕМА МОНИТОРИНГА ИЗМЕНЕНИЙ** в результате реализации проекта
- ✓ **ПЛАН МЕРОПРИЯТИЙ** по реализации проекта
- ✓ **ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ** проекта
- ✓ **МАСШТАБНОСТЬ** проекта
- ✓ **ВОСПРОИЗВОДИМОСТЬ ОПЫТА** в других условиях
- ✓ **РИСКИ РЕАЛИЗАЦИИ** проекта

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Раздел 1. Психосоциальные технологии в межнациональной и межконфессиональной сфере: методологические подходы

Тема 1.1. Этнически мотивированная конфликтность: национализм как идеология и политическая практика¹

сост. Ноянзина О.Е.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ В отечественной науке термин «национализм» традиционно понимается в негативном смысле – как проявление превосходства одного народа над другими. Наиболее характерное определение представляет собой понимание национализма как признание собственной нации (в этническом понимании) наивысшей ценностью.
- ✓ На Западе национализм понимается как идеология, основанная на убеждении в том, что народ, имеющий общие характеристики языка, религии и этнической принадлежности, представляет собой своеобразную политическую общность.
- ✓ Необходимо четко различать гражданскую и этническую форму национализма. При этом если в первом случае речь идет только о политическом содержании национализма как идеологии и практики создания национального государства, то во втором случае мы сталкиваемся с требованием не только «совпадения этнических и политических единиц», но и совпадения этнического и, например, культурного пространства, и тогда этнонационализм может определяться и как политический, и как культурный в зависимости от содержания, целей и требований.
- ✓ Л. Гринфельд выделяет индивидуалистический и коллективный типы национализма. Первый предполагает моральное и политическое первенство индивида. Принципы, положенные в его основу, – это, по сути, принципы либеральной демократии. Свобода и достоинство человека имеют приоритет и воплощаются в политических институтах государства. Примером могут служить США и Англия. Второй тип национализма распадается на гражданский и этнический. Примером гражданского национализма может служить Франция, этнического – Германия и Россия, которым в возможностях либерализма отказывается.
- ✓ Степень деструктивности и конфликтогенности как этнического, так и гражданского национализма зависит от объективных условий социальной реальности и политической практики.
- ✓ Идея национального государства уже не всеми и не во всех случаях воспринимается как оптимальный и единственно возможный в современном мире вариант политического оформления крупных человеческих сообществ. Все это требует не только парадигмального сдвига на уровне политико-идеологических концепций в государственной этнонациональной политике, но и более глобальных изменений на социокультурном и ментальном уровнях.

¹ При подготовке темы использованы материалы учебного пособия: Управление национальными отношениями в России : учеб. пособие / Л. В. Савинов ; СибАГС. – 2-е изд., доп. и перераб. – Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2011. – 187 с.

- ✓ Преодоление социальных проблем межэтнического взаимодействия возможно как минимум при установлении стабильных отношений взаимного доверия между социальными субъектами.

Нации и национализм

Наиболее авторитетные исследования *национализма* связаны с именами западно-европейских и американских ученых.

В то же время в последние годы и в России проблема национализма, а также иных феноменов данного социально-политического ряда обусловила появление большого количества теоретических и эмпирических исследований. Тем не менее, развитие и уточнение понятийного аппарата, идущие параллельно с накоплением и анализом эмпирического материала, не привели к возникновению даже минимального консенсуса по поводу базовых категорий и понятий.

В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона *национализм* определяется как превращение живого народного самосознания в отвлеченный принцип, утверждающий «национальное» как безусловную противоположность «универсального» и «свое родное» как безусловную противоположность «чужеземного»².

В отечественной науке термин «*национализм*» традиционно понимается в негативном смысле – как проявление превосходства одного народа над другими. Наиболее характерное определение представляет собой понимание национализма как признание собственной нации (в этническом понимании) наивысшей ценностью.

Напротив, в авторитетном на Западе социологическом словаре под редакцией Н. Аберкромби, С. Хилла, и Б.С. Тернера *национализм* понимается как идеология, основанная на убеждении в том, что народ, имеющий общие характеристики языка, религии и этнической принадлежности, представляет собой своеобразную политическую общность³. Такая интерпретация наиболее соответствует контексту нашего исследования, и поэтому она принята в качестве базовой для дальнейшего анализа.

Различные трактовки национализма свидетельствуют о бинарности содержания понятия «*нация*». В одном случае она понимается как свободный и добровольный союз граждан – традиция, условно персонифицируемая с Сиейсом; в другом случае подразумевается этническое понимание национально-государственного феномена — традиция, олицетворяемая Гердером⁴. В силу этого принято различать гражданский и этнический национализм, или этноцентризм по Дж. Келласу. Следовательно, вся проблема заключается в том, что понимается под нацией: согражданство или соэтнос.

Первый из обозначенных подходов восходит к принципам гражданского сообщества, сформулированным в эпоху Великой французской революции и требующим национального единства по «праву почвы». Второй, так называемый германский (немецкий), путь восходит к концепции культурного сообщества и требованию единства нации по «праву крови».

В России жесткое теоретико-методологическое противостояние представителей двух концепций нации и национализма привело к тому, что один из ведущих российских этнологов В. Тишков предлагает «нулевой вариант», т. е. отказ от попыток определения научных понятий нации вообще, что противоречит принципам научного анализа в целом и абсолютно неприемлемо в исследовании особо острых вопросов⁵.

² Энциклопедический словарь: 41 т. (82 кн.) / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1897. – Т. 20а (кн. 40). – С. 710.

³ Социологический словарь : пер. с англ. / под ред. Н. Аберкромби, Б. С. Тернера. – М., 2004. – С. 282.

⁴ См.: Савинов Л. В. Общество и этнополитика... – С. 54–55.

⁵ Там же. – С. 55.

Итак, необходимо четко различать гражданскую и этническую форму национализма. При этом если в первом случае речь идет только о политическом содержании национализма как идеологии и практики создания национального государства, то во втором случае мы сталкиваемся с требованием не только «совпадения этнических и политических единиц», но и совпадения этнического и, например, культурного пространства, и тогда этнонационализм может определяться и как политический, и как культурный в зависимости от содержания, целей и требований.

Исходя из этого важно четко различать понятия этнонационализма и этницизма.

Этницизм, по словам Л. Дробижевой, больше чем идентичность, поскольку на личностном уровне означает не только осознанное отношение к себе как члену этнической общности, но и заинтересованность в ее поддержании и развитии, готовность к идеологической и политической мобилизации, к действиям во имя сохранения народа⁶.

Этницизм и этнонационализм – это две формы актуализации этнического на индивидуальном и групповом уровнях, что может проявляться как в позитивном (нейтральном), так и в деструктивном аспекте политической действительности.

И здесь трудно согласиться, например, с С. Рыбаковым, согласно которому требования «совпадения политических и этнических единиц» оказываются лишь разными сторонами единого процесса создания национального государства⁷, поскольку такое требование возможно и внутри полиэтничного национального государства как условие политической автономии и, например, создания, восстановления или сохранения этно-территориальных субъектов. Так, сегодня инициированные федеральным центром тенденции к объединению автономных округов с соответствующими краями и областями приводят к молчаливому, но при этом не менее значимому сопротивлению в этнонациональных республиках и прежде всего со стороны местных этноэлит⁸.

Гражданский национализм предполагает такую перестройку общества, когда этническая структура приведена в соответствие политической, а этнический национализм, напротив, пытается подстроить политические структуры под этническую идентичность, воспринимаемую в качестве естественной данности⁹.

В этой связи значительный исследовательский потенциал несет в себе геллнеровское понимание национализма. Так, Э. Геллнер считает, что «национализм – это теория политической законности, которая требует, чтобы этнические границы не выходили за политические и чтобы этнические границы внутри определенного государства не отделяли бы держателей власти от остального населения»¹⁰. Однако требования о таких совпадениях, как мы уже отмечали, могут носить и более широкий характер, включая в свою орбиту все сферы социальной действительности.

В зависимости от целей и средств их достижения *национализм* принято определять как *либеральный* (толерантный) и *интегральный* (экстремистский). При этом обзор литературы показывает, что исследование либерального национализма значительно отстает от изучения *интегрального* национализма, хотя оно и ведется на протяжении достаточно долгого периода, начиная с работ Милля и Эктонна.

Чтобы представление о политическом содержании исследуемого феномена было более полным, отметим необходимость различения *национализма*, обусловленного «*закрытым обществом*», в котором постоянно «подчеркивается автохтонный характер нации, общее происхождение людей (раса, кровь) и укоренение в земле предков», и *национализма «открытого общества»*, отражающего единство граждан независимо от

⁶ См.: Дробижева Л. М. Постперестроечный национализм... – С. 229.

⁷ См.: Рыбаков С. Е. Национализм и нация // Этнографич. обозрение. – 1999. – № 4. – С. 9.

⁸ См.: Капитонов А. Нужны ли России субъекты-матрешки? // Рос. газ. – 2004. – 13 мая. – С. 5.

⁹ Snyder J. Nationalism and the crisis of the Post-Soviet state // Survival. – L., 1993. – Vol. 35, № 1. – P. 5–26.

¹⁰ Цит. по: Морозов А. «Нация» и «национализм» // Россия. XXI век. – 1994. – № 6/8. – С. 29.

их этнической принадлежности¹¹. Данное замечание видится нам принципиальным в силу того, что наше исследование предполагает изучение национализма в России именно в условиях переходного периода от закрытого к открытому обществу.

Еще более актуальным, с учетом российской специфики, видится разделение *национализма* на «западный» и «восточный» типы. В рамках данной концепции «западный» национализм понимается как либеральный, основанный на рациональном, свободном выборе и лояльности граждан нации, а «восточный» – как органический, иррациональный, основанный на принципе преданности этносу и имеющий культурную основу.

Очевидно, что такое сложное социальное явление, как национализм, требует объемного, разностороннего рассмотрения. Одним из наиболее признанных теоретико-методологических принципов в исследовании национализма выступает сравнительный, или кросскультурный, подход.

Американский социолог Л. Гринфельд¹², представительница функционалистского направления, развивая идеи Г. Кона о «восточном» и «западном» национализме, выделяет индивидуалистический и коллективный типы национализма.

Первый предполагает моральное и политическое первенство индивида. Принципы, положенные в его основу, – это, по сути, принципы либеральной демократии. Свобода и достоинство человека имеют приоритет и воплощаются в политических институтах государства. Примером могут служить США и Англия.

Второй тип национализма распадается на гражданский и этнический. Примером гражданского национализма может служить Франция, этнического – Германия и Россия, которым в возможностях либерализма отказывается.

Однако не стоит резко противопоставлять «западные» и «восточные» модели национализма. В подтверждение своей позиции приведем аргументы признанных авторитетов. Так, по Э. Смиту, оба типа национализма имеют как культурную, так и территориальную основу. По Р. Брубейкеру, они не только накладываются друг на друга, но и со временем могут даже менять свое значение¹³.

Степень деструктивности и конфликтогенности как этнического, так и гражданского национализма зависит от объективных условий социальной реальности и политической практики. И правы те, кто отмечает, что гражданский национализм зачастую отнюдь не столь толерантен и беспристрастен, как декларируется. На деле он может быть таким же жестким и бескомпромиссным, как и этнический национализм¹⁴.

ЭТНОКОНФЛИКТ

- "Межэтнический конфликт – это любая форма гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны, или одна из сторон, мобилизуются, действуют или страдают по принципу этнических различий».
- Академик Валерий Александрович Тишков

¹¹ См.: Доган М. Сравнительный анализ спада национализма в Западной Европе: динамика взглядов поколений // *Международ. журн. социал. наук.* – 1993. – № 3. – С. 38.

¹² См.: Савинов Л. В. *Общество и этнополитика...* – С. 58–59.

¹³ Brubaker R. *Citizenship and Nationhood in France and Germany.* – Cambridge Mass, 1992. – P. 9–11.

¹⁴ См.: Смит Э. Проблемы гражданского и этнического национализма // *Этнос и политика : хрестоматия / авт.-сост. А. А. Прусаускас.* – М., 2000. – С. 121.

Исторический подход к изучению национализма позволяет проследить генезис этого социального явления. В рамках данного научного направления выход национализма на общественную арену объясняется развитием капитализма и усложнением общественных отношений в ранний период индустриализации. В силу этого национализм понимается как продукт основных характеристик модерного общества и прежде всего особенностей неравномерного распределения достижений индустриализации. Данный подход позволяет сформулировать вывод о принципиальном отличии национализмов различных исторических периодов и возможности трансформации каждого из них вследствие изменения социальных условий.

Так, У. Альтерматт выделяет две основные причины современного всплеска национализма в Европе. Во-первых, национализм как идеология выполняет компенсаторную функцию в условиях секуляризованного общества. Во-вторых, этнонационализм в Европе есть ответная реакция на модернизацию, несущую с собой ускорение развития поликультурности общества¹⁵. Вывод У. Альтерматта актуален и для российской действительности.

В современном мире национализм все чаще выступает как оппозиционная реакция на политическую модернизацию. При этом существуют разные стратегии националистической оппозиции (сепаратизм, реформа, унификация) и различные функции националистических идей внутри этих оппозиций (координация, мобилизация, легитимация).

Однако сводить все только лишь к модернизационным реалиям было бы упрощением предмета исследования. Ведь национализм никогда не выступает отдельно, он всегда сочетается с другими социальными и мировоззренческими принципами, выбор которых зависит от конкретных исторических условий. Более того, история национальной идеи в ее лучших проявлениях показывает, что она может совмещаться и с ценностями как рационализма, так и либерализма.

Признанными авторитетами исторического, или функционального, направления являются К. Дойч и Э. Геллнер.

Представляется ценным положение К. Дойча о том, что модернизация, связанная с процессами социальной мобилизации, в свою очередь, способствует стандартизации и унификации общества, что в рамках отдельной страны ведет к ассимиляции меньшинств. При этом, по К. Дойчу, ассимиляция является предметом социальной инженерии. И если она опережает модернизацию или идет наравне с ней, то государство стабильно и процесс формирования гражданской нации успешен. В обратном случае, когда модернизация опережает ассимиляцию, формирование нации проблематично.

Автор известной работы «Нации и национализм» Э. Геллнер также связывает развитие национализма с эпохой модернизации. Им высказана чрезвычайно важная мысль о том, что представителям малых этнических групп в условиях модернизации для успешной инкорпорации в социальную общность недостаточно освоить господствующую культуру. Необходимо, чтобы ключевые характеристики индивида были совместимы с нормативной моделью этой культуры и совпадали с представлениями людей этой культуры о себе. Например, расовые или религиозные различия могут стать существенным препятствием к включению индивида в стандартизированную культуру модернизирующегося или модернизированного общества. У таких аутсайдеров, по Э. Геллнеру, появляются основания стремиться к альтернативным гражданской идентичности формам проявления национализма¹⁶.

Как нам представляется, исторические теории в совокупности с достижениями кросскультурного анализа позволяют нацелить исследовательские программы на изучение региональной специфики как русского национализма, так и национализма мино-

¹⁵ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе : пер. с нем. – М., 2000. – С. 15–16.

¹⁶ См.: Геллнер Э. Нации и национализм : пер. с англ. / ред. и предисл. И. И. Крупника. – М. : Прогресс, 1991. – С. 132.

ритарных этнических групп в условиях переходного периода — фактически периода глобальной модернизации российского общества.

Кроме того, справедлива точка зрения директора Института социологии РАН Л. Дробижевой, которая подчеркивает необходимость использования социально-экономического подхода к изучению национализма. Именно социальный и экономический контексты определяют, по мнению Л. Дробижевой, процесс развития националистического дискурса, политики и практики.

Согласно такому пониманию, готовность тех или иных социальных групп и всей массы населения поддержать национальные идеи элит зависит от состояния общества: уровня экономического развития, политической структуры государства, социально-культурных факторов, в том числе норм и ценностей, доминирующих в обществе, доверия политическим институтам, чувства гражданства и взаимного доверия граждан, степени осознания единства государства и др.¹⁷

Из представленного понимания полипарадигмальной значимости культурного, исторического, экономического и социального контекста мы приходим к выводу о ситуативности и пластичности национализма, ее многоаспектности и инструментальности.

Подводя предварительные итоги, отметим, что большинство современных исследователей «сходятся во взглядах об “инструментальном” качестве этнического возрождения. Это означает, что этнические общности рассматриваются все большим и большим числом людей как важные средства в достижении привилегии – богатства, престижа, власти – того, чем обладают одни и к чему стремятся сейчас другие. Произошла революция ожиданий, и этничность является самым лучшим способом ее реализации. Этнические группы более эффективны, чем классы, в реализации чьих-либо стремлений: они сочетают основу для удовлетворения экономических и политических интересов с эмоциональной потребностью»¹⁸.

Сегодня многие специалисты в области этнополитики признают, что этничность стала средством политической мобилизации в форме национализма. Поэтому одной из актуальнейших проблем современной России является проблема сопряжения этнонационализма, национального самоопределения, сепаратизма и требований сецессии. М. Фадеичева указывает, что в последнее десятилетие XX в. с этничностью оказались связанными ключевые политические проблемы – проблемы власти и государства. По мнению авторитетных экспертов, именно этнонационализм и этнонациональные противоречия стали возможными причинами распада союзного государства – СССР.

ЭТНОКОНФЛИКТ

- Межэтнический конфликт – это конфликт между представителями этнических групп, обычно проживающих в непосредственной близости
- Одной из структурных базовых причин межэтнического конфликта является столкновение различных социально-нормативных культур
- Ценностная компонента в этноконflikте является очень важной
- Межэтнический конфликт влечет за собой мобилизацию по социально-культурному признаку, в частности – восприятие представителей другой группы в качестве источника зла

Институт социальных и этнокультурных исследований. Н.И. Григорьев

¹⁷ См.: Дробижева Л. М. Постперестроечный национализм... – С. 219.

¹⁸ Smith A. History and Liberty: Dilemmas of Loyalty in Modern Democracies // Ethnic and Racial Studies. – 1986. – Vol. 9, № 1. – P. 46.

Понимание того, что значительные трансформационные изменения, произошедшие во всех институциональных системах российского общества, оказывают существенное влияние и на характер межэтнических отношений в политической сфере, позволяют актуализировать проблематику этнонационализма не только в теоретическом, но и в политико-прикладном аспекте.

Вместе с тем этнический национализм как значимый фактор этнополитического процесса, как вызов политической стабильности все еще недостаточно представлен в научном дискурсе.

Многие исследователи рассматривают национализм как ответ на политические стратегии государства в отношении этнического большинства и/или этнических меньшинств. Ответная реакция этнических общностей (по Дж. Брейли) обычно выражается в форме правительственного, сепаратистского, реформаторского и ирредентского национализма. И то, что Дж. Брейли выделяет как правительственный национализм, Б. Андерсон называет официальным национализмом, а Э. Хобсбаум – правительственной перспективой мобилизации элитами этничности граждан.

В этих подходах, не лишенных исследовательской логики, для анализа региональных этнополитических процессов важным является выделение национализма на макро-, мезо- и миниуровнях, а также четкое его разграничение по содержанию.

К *институционализированным формам* национализма необходимо отнести прежде всего государственный, а также религиозный, правовой, экономический, культурный, языковой, политический, административный. Крайними формами государственного национализма являются запрещенные нормами международного права нацизм, апартеид, геноцид, фашизм.

Неинституционализированные (индивидуализированные) формы бытового, домашнего, уличного и другого *национализма* проявляются тогда, когда люди осознанно или неосознанно используют в своей речи ценностно-ориентированные термины и понятия: «лицо кавказской национальности», «жид», «негр/черный», «чурка», «узкоглазый» и т. п.

Возможны также и *полуинституализированные переходные формы* национализма, например ирредентизм как форма трудовой дискриминации по этническому признаку.

Обзор и анализ концепций и типологий национализма позволяют сформулировать вывод о том, что в современной западной и отечественной политологии не сложилось однозначных трактовок данного феномена. Вместе с тем большинство авторов соглашаются с суждением, согласно которому в основе национализма всегда лежат национальные (этнические) интересы, тем или иным образом ориентированные и выраженные. Идеино-теоретическое оформление этих интересов осуществляется в национальных идеологиях, формулирующих социальное и историческое предназначение этноса и определяющих пути решения его проблем. Именно поэтому теоретическая характеристика сущности типов национализма, в частности выделение пангерманизма, пантюркизма, панславизма, сионизма и т. д., важна для адекватного понимания этнополитической действительности.

Современная этнополитология, к сожалению, не дает четкого ответа на принципиальный вопрос о пределах конструирования этнонационализма.

В условиях «электронного общества» и превращения СМИ как социального института в основной канал политизации, в том числе и этнической, возможности конструирования, деконструирования и реконструирования таких идеологем и концепций, как этнический национализм в любых его формах, становятся практически неограниченными.

Если исходить из попперовской традиции социоинженерии, то вопросы о возможности и необходимости конструирования социальной реальности отпадают. Вместе с тем дру-

гая, не менее популярная сегодня научная парадигма – социосинергетическая – если не отрицает, то крайне пессимистично относится к возможности какого-либо влияния человека на природные, в том числе и социальные процессы, которые сами по себе являются сложными, нелинейными, самореферентными и самоорганизующимися.

Однако и в первом, и во втором случае необходимо объяснение природы и динамики этнонационализма, механизмов их актуализации и драматизации, а также возможностей и ограничений для конструирования, реконструирования и деконструирования как социальной проблематики национализма, так и самих межэтнических отношений. Вместе с тем невозможно бесконечно объективизировать и произвольно конструировать социальную реальность, т. е. онтологизировать социальный мир (миросистему) в силу процессуальности любых социальных изменений.

Не менее важной представляется проблема, связанная с воспроизводством этнокультурной информации в процессе политического развития общества. Но этот аспект требует дополнительного анализа.

Следовательно, национализм – это не только следствие социальной реальности, но и во многом результат целенаправленной деятельности этнических антрепренеров. Поэтому поддерживаемый нами инструменталистский подход дает дополнительные возможности объяснения этнического национализма в условиях региональной специфики.

Подводя окончательные итоги, подчеркнем, что национализм как политическое явление есть не только объективная реальность, но и продукт социального конструирования. Поэтому в нашем понимании *национализм* — это идеологическое оформление сложноструктурированного и многоаспектного отражения социально-политической действительности, понимаемое как принцип или требование-действие, предполагающее совпадение этнических (национальных) и иных (политических, экономических, духовных и др.) единиц. То есть мы исходим из геллнеровского понимания, когда национализм не оценочное суждение, а следование принципу, согласно которому политические и этнические единицы должны совпадать.

В силу этого *этнический национализм (этнонационализм)* – это формируемая этническими антрепренерами идеология и политическая практика, предполагающие совпадение основных кодов индивидуальной и групповой этнической идентичности с базовыми политическими, экономическими и культурными институтами и ценностными структурами.

Представляется, что это определение позволяет выделить инструментальный и потому ситуативный характер этнонационализма на индивидуальном и групповом уровнях во всех основных социальных сферах.

Как мы уже отмечали, по своей природе этничность как этническое сознание политически нейтральна. Она приобретает политическую направленность под влиянием этнических антрепренеров. При этом характер такой направленности и ее содержание зависят от политической ориентации этнических акторов, их базовых интересов в условиях конкретного политического пространства и времени. Поэтому возможность появления этнического национализма как политического, так и культурного содержания всегда неоднозначна.

По мнению авторитетных исследователей, этнонационализм как форма деструктивной мобилизации этничности особенно опасен в сфере политики и политических отношений. Ставя под сомнение политическую организацию, основанную на понятии гражданства, они призывают к возврату к так называемым «естественным обществам». Это ведет к разрушению территориальности как политического и правового феномена, замене ее некоторым «пространством происхождения», на котором строится государство по самым экстремистски националистическим проектам. Такое замещение ведет к неста-

бильности, к желанию каждого народа обосноваться на своей «земле обетованной», что возможно лишь путем депортации населения, насильственного изменения его состава, включая этнические чистки и геноцид¹⁹. Именно поэтому концептуальное решение проблемы национализма видится нам только в рамках гражданского понимания нации и либеральной трактовки решения национальной проблемы. Представляется, что только долгий и трудный путь по преодолению советской традиции «этнонационализации» социального пространства позволит выйти на приоритеты индивидуального над коллективным, антропного над этническим.

Вместе с тем необходимо учитывать тот факт, что идея национального государства уже не всеми и не во всех случаях воспринимается как оптимальный и единственно возможный в современном мире вариант политического оформления крупных человеческих сообществ, – об этом свидетельствуют, например, дискуссии вокруг идей «конституционного патриотизма» (Ю. Хабермас), «постнациональной идентичности» (Ж.-М. Ферри) или «постсуверенной нации» (П. Тибо)²⁰.

Все это требует не только парадигмального сдвига на уровне политико-идеологических концепций в государственной этнонациональной политике, но и более глобальных изменений на социокультурном и ментальном уровнях. При этом базисом новой этнонациональной политики должна стать идеология и практика либерального гражданского национализма – «концептуальной конструкции и политической модели формирования российской гражданской нации как гражданского сообщества на полиэтничной основе в условиях толерантности, деполитизации и приватизации этничности, лояльного отношения этнического индивида и этнических групп к государству, формирования гражданских качеств индивида»²¹.

Предлагаемый тезис представляется актуальным и в силу того, что на современном этапе политического развития в России *обозначился ряд значимых, на наш взгляд, тенденций*, определяющих настоящее и будущее как межэтнического взаимодействия, так и этнонационализма.

Во-первых, это тенденции, связанные с реакцией на объективные процессы, определяемые основными вызовами современного мира (научно-технический прогресс, глобализация, урбанизация, распространение массовой культуры западного образца) и стремлением этнических групп, особенно малых, противостоять этим вызовам. В качестве ответа мы наблюдаем стремление сохранить, в том числе и политическими средствами, традиции и обычаи народов, их собственный образ жизни и т. д.

Во-вторых, это тенденции, детерминированные стремлением меньшинств устранить реальное или мнимое политическое, социально-экономическое, культурное или иное неравенство, разного рода дискриминации по расовому, этническому, религиозному, языковому и иному признаку.

В основе обозначенных тенденций лежат как объективные, так и субъективные причины. При этом мы считаем, что этнонационализм в широком смысле продуцируется не столько столкновением идеологий, сколько конфликтом этнических ценностей и идентичностей.

В свою очередь, этнонационализм во всех его проявлениях порождает целый ряд этнополитических предубеждений (территориальное, лингвистическое и предубеждение самоопределения), которые каждый в отдельности и все вместе продуцируют этнополитическую напряженность²².

¹⁹ См.: Дьекофф А., Жафрело К. От государства-нации к постнационализму? // Мировая политика и междунар. отношения в 1990-е годы: взгляды амер. и фр. исследователей: пер. с англ. и фр. – М., 2001. – С. 163.

²⁰ См.: Каспэ С. И. Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. – М., 2001. – С. 4.

²¹ Фадеичева М. А. Указ. соч. – С. 179.

²² См.: Фадеичева М. А. Указ. соч. – С. 13–14.

Основной вывод из изложенного заключается в том, что в специфических условиях современного развития российского общества национализм может выступать и как катализатор внутренней консолидации общества, мобилизации этнических групп на осуществление целей политической, экономической, культурной и иной модернизации, и как идеология, политика и практика этноцентризма. При этом процесс может носить как позитивный, так и деструктивный характер.

Итак, под национализмом чаще всего понимается идеология, основанная на убеждении о том, что народ, имеющий общие характеристики языка, религии и этнической принадлежности, представляет собой своеобразную политическую общность²³.

В зависимости от целей и средств их достижения национализм чаще всего определяется как либеральный (толерантный) и интегральный (экстремистский)²⁴. При этом исследование либерального национализма²⁵ значительно отстает от изучения интегрального²⁶. В основе такой идеологии лежит требование идентичности политического и этнического пространств.

Выход на общественную арену гражданского (политического) национализма как социального явления большинство современных авторов связывают прежде всего с развитием промышленного производства и усложнением общественных отношений в ранний период индустриализации²⁷. Иначе говоря, такой национализм — продукт основных характеристик современного общества и особенностей неравномерного распределения достижений индустриализации.

Этнонационализм как социальная проблема

Сегодня все большую значимость приобретают изучение и анализ национализма как социального явления и социальной проблемы. Для российского общества проблема культурного национализма актуальна и в силу ее изначальной исторической полиэтничности.

При этом изучение этнонационализма в рамках российской традиции социальных наук носит достаточно выраженный монопарадигмальный характер. Однако сложность исследуемого явления требует принципиально иного методологического аппарата.

В рамках полипарадигмального и междисциплинарного подходов трактовка социального феномена этнического национализма является наиболее перспективной в силу сложности самого онтологического понимания, мировоззренческого объяснения и научного оправдания исследуемой проблематики. Следует также подчеркнуть эвристический потенциал именно такой постановки предмета исследования.

Как уже отмечалось, в социальных науках, изучающих этнонациональные аспекты функционирования и институционализации социальных общностей — этнологии (культурной и социальной антропологии), этносоциологии, этнополитологии, социальной этнопсихологии, этнолингвистики, — сложились две диаметрально противоположные *научные традиции: эссенциалистский и конструктивистский подходы*.

²³ См.: Социологический словарь: пер. с англ. / Н. Аберкромби, С. Хил, Б. С. Тернер; под ред. С. А. Ерофеева. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. — С. 182.

²⁴ См.: Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследования. — М., 1999. — С. 202.

²⁵ См.: Малинина О. Ю. Либерализм и концепт нации // Полис. — 2003. — № 2. — С. 96–111.

²⁶ См.: Линд М. В защиту либерального национализма // Панорама-Форум. — Казань, 1996. — № 1 (4).

²⁷ См.: Геллнер Э. Нации и национализм... — С. 122–143.

В основе *эссенциалистского* понимания (подхода) национализма лежит традиция, восходящая к работам исследователей, в которых этническое видится как общность расы, языка, территории, религии, экономики, материальной культуры и т. п., т. е. неких объективных характеристик.

В рамках же *конструктивистской парадигмы* национализм понимается как конструкт и продукт риторики.

Инструменталисты считают, что национализм всего лишь инструмент для достижения политических, экономических, культурных и иных преимуществ и преференций. В силу этого для них не принципиально: используется эссенциалистская или конструктивистская демаркация сущности национализма.

Необходимо отметить, что методологические споры выходят далеко за рамки принятого противостояния эссенциализма и конструктивизма. Все чаще исследователи используют такие относительно новые методологические подходы, как экспрессивизм (Дж. М. Йенгер), модернизм, субстантивизм и т.д. Например, исследователи все более широко используют исторический подход²⁸, кросскультурные сравнительные²⁹ и другие методы при определении и демаркации национализмов как социальных явлений.

Итак, и гражданский (политический) и культурный (этнический) национализмы – это сложные социальные явления, требующие глубокого научного анализа и философского осмысления.

В силу этого представляется важным определить актуальность и содержание этих двух форм национализма в рамках социальной проблематизации.

В первом случае речь идет прежде всего о социально-политической проблеме формирования (строительства) российской гражданской нации.

Во втором случае речь идет о том, когда национализмы становятся социальной проблемой? И этот вопрос, во многом теоретико-проблемный, требует серьезного научного анализа и социальной экспертизы.

В свою очередь, понятие «социальная проблема» есть результат долгой эволюции социальных представлений о добре и зле. Однако значительную роль в признании существования социальных проблем сыграли идеи светского рационализма и гуманизма, к которым пришла в конце XVIII в. Западная Европа.

В социологии сложилось двойственное понимание природы социальных проблем³⁰. Существует и различное понимание самого термина «*социальная проблема*»³¹. Так, всю гамму концепций, так или иначе объясняющих природу социальных проблем, можно привести к двум *основаниям*.

Во-первых, социальная проблема понимается как объективно возникающее в процессе функционирования и развития общества противоречие – задача, требующая решения средствами социального управления³². То есть социальные проблемы – это результат экономических, социальных, политических, социокультурных и иных процессов негативного содержания, и они объективно детерминированы.

Во-вторых, социальная проблема понимается как конструкция, которая появляется в результате риторики или требований (выступления в СМИ, митинги, протесты,

²⁸ См., например: Альтерматт У. Этнонационализм в Европе... – С. 15–16.

²⁹ См., например: Этнические меньшинства в современной Европе / отв. ред. А. Кожановский. – М.: Вост. лит., 1997.

³⁰ См.: Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хил, Б. С. Тернер... – С. 124–125.

³¹ См.: Вавилина Н. Д. Бедность в России как социальное явление и социальная проблема : моногр. – Новосибирск : СибАГС, 2000.

³² Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. акад. РАН Г. В. Осипова. – М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – С. 409.

забастовки и т. д.), адресуемых социальным институтам, конкретным организациям или социальным группам.

Второй подход берет свое начало из постмодернистской философской традиции объяснения проблематизации как явления, фиксирующего в своем содержании феномен превращения того или иного социокультурного явления в предмет рефлексивного осмысления и рационального анализа.

По определению М. Фуко, *проблематизация* – это совокупность дискурсивных и недискурсивных практик, вводящих нечто в игру истинного и ложного и конституирующих эту игру в качестве объекта мысли (будь то в форме морального размышления, научного познания, политического анализа и т. п.). Следовательно, проблематизации подвергается та сфера социальной предметности, сущности, смысл и культурный статус которой оказывается предметом культурной рефлексии.

Наиболее характерной для объективистского подхода к определению социальных проблем представляется позиция российских социологов Л.Т. Волчковой и В.Н. Мининой. Согласно их позиции, *социальная проблема* – это объективное противоречие, приводящее к нарушению пропорций социального функционирования и развития и на этой основе – к дисбалансу интересов различных социальных групп и разрушению доминирующих социальных ценностей. Вследствие этого изменяются существенные свойства социума и возникает «угроза» его привычной, устоявшейся (и в этом смысле) нормальной жизнедеятельности³³. В рамках объективистского направления социальные проблемы изучаются прежде всего как социальная патология и как следствие социальной дезорганизации³⁴.

В основе субъективистского подхода (направления) лежит тезис о том, что «каждая социальная проблема состоит из объективного условия и субъективного определения». Американские исследователи Р. Фуллер и Р. Майерс считают, что в основе любой социальной проблемы лежит ценностный конфликт. Они одними из первых выдвинули идею о стадийности развития социальных проблем и выделяли стадию осознания, стадию выработки политики и стадию реформы³⁵.

В жесткой методологической оппозиции к предыдущим теориям находится конструктивистский подход³⁶, представители которого полностью отказываются от объективного социального условия как составляющей социальной проблемы – «всякое определение социальных проблем, которое начинается словами: «социальные проблемы – это те условия...», ведет в концептуальный и методологический тупик»³⁷. Взамен выдвигается идея о том, что социальная проблема есть только результат риторики – *социальные проблемы* определяются как деятельность индивидов или групп, выражающих недовольство и выдвигающих утверждения требовательного характера относительно некоторых предполагаемых условий³⁸.

Таким образом, центральным вопросом для теории социальных проблем, по мнению конструктивистов, является объяснение возникновения, характера и поддержания деятельности по выдвижению утверждений-требований (*claims-making activity*) и ответной деятельности (рисунок).

³³ См.: Волчкова Л. Т., Минина В. Н. Стратегия социологического исследования бедности // СОЦИС. – 1999. – № 1. – С. 53–54.

³⁴ См.: Контексты современности-II: хрестоматия. – 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и ред. С. А. Ерофеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – С. 134–138.

³⁵ Там же. – С. 139.

³⁶ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности... – С. 10; Контексты современности-II... – С. 164–175; Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: хрестоматия: пер. с англ. / сост. И. Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. – С. 7–12.

³⁷ Средства массовой коммуникации и социальные проблемы... – С. 13.

³⁸ Средства массовой коммуникации и социальные проблемы... – С. 14.

НСП		НСП			
		$O_{сп}$	$(O_{сп}+K_{сп})$	$K_{сп}$	j
		1	2	3	n
1	O_H	$(O_H+O_{с/п})$	$O_H+(O_{сп}+K_{сп})$	$O_H+K_{сп}$	O_H+j
2	(O_H+K_H)	$(O_H+K_3)+$ $+ O_{сп}$	$(O_H+K_H)+$ $+ (O_{сп}+K_{сп})$	(O_H+K_H) $+ K_{сп}$	$(O_H+K_H)+j$
3	K_H	$K_H+O_{сп}$	$K_H+(O_{сп}+K_{сп})$	$K_H+K_{сп}$	K_H+j
m	i	$I+O_{сп}$	$I+(O_{сп}+K_{сп})$	$I+K_{сп}$	$I+j$

Национализм как социальная проблема

*Матрица национализма
как социальное явление и социальная проблема. Автор: Савинов Л.В.*

НСП – национализм как социальная реальность; НСП – национализм как социальная проблема; O_H – национализм как объективная реальность; (O_H+K_H) – национализм как объективная реальность и конструкт; K_H – национализм как конструкт; $O_{сп}$ – национализм как объективная социальная проблема; $(O_{сп}+K_{сп})$ – национализм как объективная и сконструированная социальная проблема; $K_{сп}$ – национализм как конструированная социальная проблема; n, m – возможные теории национализма; i, j – возможные варианты объяснения национализма

Представленный спектр методологических подходов к исследованию социальных проблем позволяет включить проблематику национализмов в полипарадигмальную междисциплинарную научную область. Именно при таком максимально широком методологическом охвате возможно наиболее продуктивное исследование национализмов как социальных проблем.

Анализ теоретико-методологических подходов к определению национализмов позволяет также представить вариантное соотношение и сопряжение национализмов как социальных явлений и социальных проблем в матрице порядка (nm) .

Смысловое содержание матрицы позволяет сформулировать вывод о сложной структурированности исследуемого феномена. Это требует его изучения и анализа с позиции полипарадигмального подхода.

Каждая из возможных теорий (nm) объясняет лишь определенную форму проявления национализма как социального явления и социальной проблемы. Однако в комплексе они позволяют представить системное видение феномена национализмов во всех возможных проявлениях и интерпретациях.

Как нам представляется, матрица позволяет найти более четкие ответы на следующие вопросы:

1. Национализмы – это феномены объективной или субъективной реальности или в них содержатся элементы того и другого?
2. Как возможны национализмы как социальные проблемы?
3. Национализмы – это социальные проблемы объективного характера (проблема-реальность) или это полные/неполные конструкты (проблема-миф)? Если да, то всплывают вопросы значительного эвристического содержания о возможностях и ограничениях такого конструирования, а также реконструирования и деконструирования

национализмов как социальных проблем. Если да, то каковы механизмы такого конструирования, кто архитектор?

Каждый из возможных вариантов (*ij*) объяснения национализма имеет свои преимущества и недостатки. И если объективистские трактовки социальных проблем рассматривают национализмы в статике, обращая внимание на генетическую природу явления (национализмы как проблемы, детерминированные экономическими, политическими, социальными, духовными и другими факторами), то субъективистские и конструктивистские подходы позволяют исследовать национализмы в динамике.

Рассмотрение национализма как конструкций позволяет значительно расширить методологический диапазон исследовательских программ. Например, представляет значимый научный интерес исследование национализмов как социальных проблем в рамках теорий «публичных арен», «моральной паники», «нормализации» социальных проблем, «наркотизирующей дисфункции» средств массовой коммуникации (СМК), «усталости сострадать» и т. д.

Социальная, в том числе и политическая практика современной России свидетельствует о значительной роли средств массовой коммуникации и в первую очередь СМИ в актуализации, а иногда и в прямом конструировании проблем межнациональных и межэтнических отношений. В этой связи важно понимание того, что СМК не только транслируют информацию, но и формируют общественное мнение, устанавливая пункты повестки дня (*agenda-setting*). Медиа-контролеры (*gate-keepers*) выстраивают не только информационную картину, но и проблематику публичных дискуссий³⁹. При этом в силу ограниченности пропускной способности публичных арен появляется конкуренция не только между информационными событиями, но и между социальными проблемами.

Конструктивистские теории позволяют более глубоко анализировать значение элит в формировании этносоциальной семантики посредством СМК, а также лидеров общественного мнения и т. д. Не менее важной представляется проблема, связанная с воспроизводством этнокультурной информации в процессе политического развития общества.

Итак, национализмы – это не только следствие социальной реальности, но и дискурсивная практика. Поэтому поддерживаемый нами полипарадигмальный подход к объяснению национализмов позволяет сформулировать более адекватные и корректные формы разрешения социальных проблем в первую очередь политического характера. При этом появляются дополнительные возможности объяснения национализмов в рамках общего, особенного и уникального (единичного) в координатах конкретного социального пространства и исторического времени.

Полипарадигмальный подход позволяет также сформулировать адекватные месту и времени эффективные ответы этнонациональным вызовам современности. Представляется, что для современной России актуальна не патерналистская, а субсидиарная модель этнонациональной политики на основе принципов интернационализма, мультикультурализма и воспитания этнонациональной толерантности.

Значительные трансформационные изменения, произошедшие во всех институциональных системах российского общества, оказывают существенное влияние и на характер межэтнических отношений в политической сфере. Существует проблема сопряжения национализмов, национального самоопределения, сепаратизма и требований сецессии.

В рамках конструктивистского подхода необходимо также признать актуальность применения комплексных PR-технологий долговременного характера для решения стра-

³⁹ См., например: Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. – Екатеринбург, 1999; Кольцова Е. Ю. Кто и как влияет на производство новостей в современной России // Pro et Contra. – 2000. – № 4 (Осень 2000). – С. 82–108.

тегически важных задач в сфере межэтнических отношений. Однако сложность заключается в том, что в рамках российской социологической и политической теории и практики отмечается отсутствие фундаментальных научных исследований, раскрывающих смысл, принципы и методы применения технологий связей с общественностью в национальной политике.

При использовании технологий связей с общественностью в национальной политике кроме этнических необходимо учитывать и другие особенности социальных групп – адресатов, на которых они направлены: конфессиональные, социокультурные, психологические и ментальные и др. Речь идет о принципе дифференцированного подхода и учете различий. Только тогда гибкие и универсальные PR-технологии будут содействовать установлению благоприятного социального фона для развития всех этнических групп.

В заключение отметим, что национализмы как социальные явления есть не только объективная реальность, но и продукт социальной практики и прежде всего риторики. Национализмы как социальные проблемы – это сложноструктурированное и многоаспектное отражение социальной действительности, понимаемое как принцип или требование-действие, предполагающее совпадение этнических (национальных), политических, экономических, духовных, примордиальных и иных единиц.

Преодоление социальных проблем межэтнического взаимодействия возможно как минимум при установлении стабильных отношений взаимного доверия между социальными субъектами. Известный современный американский социолог А. Стигмен отмечает, что выдвигание на первый план в современных обществах таких понятий, как консенсус, идеология прагматизма, методология решения проблем, технократическая экспертиза, а также управление конфликтами (в противовес идеологическому противоборству), продиктовано представлениями об обществе как о переплетенных сетях доверия: между гражданами, семьями, добровольными общественными организациями, религиозными деноминациями, гражданскими ассоциациями и т.п.⁴⁰

По нашему мнению, прочность этих сетей зависит и оттого, каков характер межэтнического взаимодействия, какие национализмы и в какой степени проявляются в том или ином обществе в условиях конкретного социального пространства и конкретного времени.

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

Snyder J. Nationalism and the crisis of the Post-Soviet state // *Survival*. – L., 1993. – Vol. 35, № 1. – P. 5–26.

Альтерматт У. Этнонационализм в Европе... – С. 15–16.

Дробижева Л.М. Постперестроечный национализм... – С. 219.

Капитонов А. Нужны ли России субъекты-матрешки? // *Рос. газ.* – 2004. – 13 мая. – С. 5.

Морозов А. «Нация» и «национализм» // *Россия. XXI век.* – 1994. – № 6/8. – С. 29.

Рыбаков С.Е. Национализм и нация // *Этнографич. обозрение.* – 1999. – № 4. – С. 9.

Савинов Л.В. Общество и этнополитика... – С. 58–59.

Управление национальными отношениями в России : учеб. пособие / Л.В. Савинов ; СибАГС. – 2-е изд., доп. и перераб. – Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2011. – 187 с.

Этнические меньшинства в современной Европе / отв. ред. А. Кожановский. – М.: Вост. лит., 1997.

⁴⁰ Стигмен А. Проблема доверия / пер. с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. – М. : Идея-Пресс, 2002. – С. 8.

Тема 1.2. Процесс медиации в управлении конфликтами с религиозной составляющей

сост. Ноянзина О.Е.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ Религиозные конфликты имеют политический аспект, потому что большинство наций формировалось на основе одной общей религии. Большинство нынешних конфликтов европейских, азиатских и африканских государств возникли в результате стремления национально-религиозных меньшинств этих стран к политической и религиозной независимости. Поэтому, на современном этапе человеческого существования, чисто религиозных конфликтов не существует, по своей природе они ближе к национально-религиозным или религиозно-политическим конфликтам.
- ✓ Религиозные конфликты могут иметь идеологическую характеристику, выражающуюся в разных взглядах на взаимосвязь между религией и политикой. Среди разнообразия взглядов к подходу понимания связи между религией и политикой, существует три подхода по данному вопросу. Первый подход заключается в том, что религия и политика – есть два отличных друг от друга мира, которые не пересекаются. Второй подход заключается в том, что религия есть фактор, объединяющий людей для отражения внешней угрозы, одоления внутренних проблем. Третий подход утверждает, что религия и политика есть два равных друг другу явления и полностью тождественны.
- ✓ Религиозный конфликт имеет исторический аспект, который позволяет более точно разобраться с происхождением конфликтов, а также с их внешними границами во времени и пространстве. Например, существуют так называемые «возрастные конфликты» между церковью и государством, между религиями, которые продолжали и продолжают иметь место быть на протяжении всего периода существования этих верований во всех странах мира.
- ✓ Религиозным конфликтам свойственны психологические характеристики. Любой конфликт – это многомерное психологическое явление, которое влечет за собой духовные и физические силы, а иногда и жертвы. Психологический аспект отвечает за поведение человека в конфликте. Типы поведения людей в подобном конфликте могут быть очень агрессивными. Наиболее опасным является религиозный фанатизм-нетерпение, то есть враждебное отношение к другим вероисповеданиям, действиям и мыслям, которые могут представлять угрозу для их религии.
- ✓ Религиозный конфликт – противостояние различных индивидов или групп индивидов по поводу различных позиций в вопросах вероучения, религиозной деятельности и правил построения религиозной организации. К особенностям религиозных конфликтов, на наш взгляд, необходимо отнести их специфический, сложный характер, выражающийся в сочетании различных сфер общественной жизни и подходов к их анализу.
- ✓ Религиозная медиация подразумевает под собой процесс управления конфликтом, где медиатором выступает религиозное лицо, либо представитель, который понимает и знает историю религии, особенности и ценности всех религиозных учений мира. Религиозная медиация может помочь создать смысл и обеспечить понимание конфликтных катализаторов.

- ✓ Роль медиатора заключается в том, чтобы выявить истинные мотивы и потребности стороны и помочь сторонам выстроить конструктивный диалог. Медиатором может выступать представитель церковной организации или специалист, который разбирается и изучает основы религиозных учений всего мира.
- ✓ Медиация обладает преимуществами, поскольку является более выгодной для сторон конфликта. Потребность в данном процессе остается актуальной и продолжает развиваться. Будущее медиации в конфликтах с религиозной составляющей представляет новые возможности для всех сфер человеческой жизни, поскольку религия и ее ценности пронизывают каждого индивида и каждую структуру. Полученные результаты и текущая ситуация в мире доказывают, что медиация будет востребована многие годы, разрастаясь и укрепляясь.

Медиация и ее процесс

Понятие «медиация» пришло к нам от латинского слова «mediatio», что в переводе означает «посредничать»⁴¹. Медиация относится к альтернативным методам разрешения споров, смысл которого заключается в участии третьей нейтральной стороны, медиатора, оказывающей содействие сторонам, прибывающим в состоянии спора, и которые желают прийти к взаимовыгодному решению.

Использование медиатора или медиаторов для урегулирования споров берет свое начало еще с древних времен. Так в Древней Греции существовала практика использования медиаторов, существовал даже специальный термин для их обозначения – «proxenetas». Римское право, начиная с кодекса Юстиниана, признавало посредничество, и для обозначения понятия «медиатор» использовались различные термины, в том числе и «mediator». Во многих странах и традиционных культурах к фигуре медиатора относились с особым почитанием и уважением. Зачастую его приравнивали по статусу и авторитету к жрецам или вождям племени⁴².

Медиация в своем современном понимании начала развиваться во второй половине XX века, прежде всего в странах англо-саксонского права, таких как Великобритания и США, а после получила распространение и в Европе. Первые попытки применения медиации распространялись на решение споров в семейной сфере, но впоследствии медиация получила признание и стала применяться для разрешения конфликтов и споров во многих других сферах.

В зарубежной литературе выделяются два основных подхода к определению понятия медиации: концептуальный и описательный⁴³.

Концептуальный подход представляет собой определение данного понятия через основные цели, принципы и задачи примирительной процедуры с участием третьей стороны. К данному виду определение можно привести понимание медиации, как добровольной конфиденциальной процедуры урегулирования спора, в ходе которой нейтральное лицо содействует сторонам в проведении переговоров в целях заключения взаимоприемлемого соглашения⁴⁴.

⁴¹Ушакова. Д.Н. Толковый словарь – Москва: ОГИЗ; Государственное издательство иностранных и национальных слов, 1935-1940. – Том №3.

⁴²ЛитвиновА. В. Введение в медиацию// Самиздат. [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/l/litwinow_aleksandr_walentinowich/med1.shtml (дата обращения: 05.03.2018г.).

⁴³Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – С. 47.

⁴⁴Boulle L., Nestic M. Mediation: principles, process, practice. – London, Dublin, Edinburgh: Butterworths, 2001. – P. 4.

Концептуальные определения несут теоретический характер, и с их помощью представление складывается об идеальной модели медиации, чем о той, что происходит в реальности во время примирительной процедуры.

Напротив, описательный подход в большей степени близок к практике. Так, например, знаменитый в Великобритании эксперт по семейной медиации Мариан Робертс предлагает следующее определение: «Медиация – это процедура урегулирования конфликта, при которой спорящие стороны встречаются с медиатором и разговаривают, после чего делают попытку разрешить противоречия»⁴⁵.

В российской научной литературе также нет единого подхода к определению понятия медиации. Ряд ученых-исследователей, давая определение понятию «медиации», используют его в качестве синонима к понятию «посредничество», перенимая практику зарубежных коллег.

Термины «посредничество» и «медиация» схожи и зачастую приравниваются по значению в зарубежных и отечественных исследованиях. Так, Наталья Владимировна Гришина предлагает рассматривать медиацию как содействие третьей стороны двум другим в решении спорной проблемы и поиске соглашения⁴⁶.

Решение Верховного суда о запрете ношения хиджабов в школе – ещё не окончательная точка в многочисленных конфликтах, в Ставрополье, Башкортостане, Татарстане и Республике Алтай. Такие конфликты будут повторяться снова и снова и на многие десятилетия вперед. Наилучшей альтернативой судебному способу разрешения спора является медиация.

*«Крестик, паранджа и борода: право на атрибут». Евгения Лакеева
www.emediator.ru*

Анатолий Яковлевич Анцупов и Анатолий Иванович Шипилов определяют медиацию как специальный вид деятельности, заключающийся в оптимизации с участием третьей стороны процесса поиска конфликтующими сторонами решения проблемы, которое позволило бы прекратить конфликт⁴⁷.

Другие ученые-исследователи, напротив, разделяют понятия «посредничество» и «медиация». Так, Дмитрий Леонидович Давыденко предлагает интерпретировать посредничество в более широком смысле как процедуру урегулирования спора в порядке переговоров при содействии нейтрального третьего лица, который оказывает сторонам помощь в организации и ведении процесса переговоров, но не имеет права выносить обязательное для них решение. В свою очередь «медиация» – это понятие более узкое и подразумевает процедуру посредничества, при которой третье лицо не дает рекомендации по отношению к возможным условиям урегулирования спора, но оказывает им профессиональную помощь в организации и проведении процесса переговоров⁴⁸.

Формулируя определение понятия «медиация», ученые-исследователи вкладывают в него различное содержание. Одни исследователи под медиацией понимают форму примирения сторон, в ходе которой нейтральное лицо, добровольно назначенное сторонами, проводит переговоры⁴⁹. Другие авторы под медиацией понимают процесс переговоров и деятельность эксперта по урегулированию спора. Одни исследователи

⁴⁵ Там же. – Р. 5.

⁴⁶ Гришина Н.В. Психология конфликта. – СПб: Питер, 2008. – С. 281.

⁴⁷ Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. – СПб.: Питер, 2009. – С. 368.

⁴⁸ Давыденко Д. Л. Вопросы юридической терминологии в сфере «альтернативного разрешения споров» // Третьейский суд. 2009. № 1. С. 40–53.

⁴⁹ Решетникова И. В. Право встречного движения. Посредничество и российский арбитражный процесс // Медиация и право. Посредничество и примирение. – 2007. N 2(4). С. 12–14.

ставят на первое место содержательный аспект процедуры, то есть участие нейтрального лица в процессе переговоров сторон, другие обращают внимание в большей степени на результат медиации, а именно на мирное завершение конфликта, третья группа экспертов старается отобразить как содержание, так и конечную цель проведения примирительной процедуры⁵⁰.

Несомненно, медиация может быть рассмотрена в различных позициях. Так Роман Григорьевич Мельниченко предлагает рассматривать медиацию в нескольких проявлениях: этимологический подход, деятельностный подход, субъектный и юридический подход.

Этимологический подход – это исследование происхождения самого слова «медиация». Деятельностный подход медиации подразумевает ее определение с помощью социальной деятельности, то есть медиация, как и другие виды социальной деятельности – экономическая, политическая, юридическая, является ее разновидностью. Субъектный подход позволяет дать определение медиации, ориентируясь на тех субъектах, которые принимают в ней участие.

Юридический подход в определении медиации основан на идее «альтернативных процедур урегулирования споров». Так, согласно Федеральному закону от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием медиатора (процедуре медиации)» процедура медиации трактуется как способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения⁵¹.

Понятие «медиация» можно рассматривать в нескольких аспектах. Первым аспектом является рассмотрение понятия медиации в динамике, то есть как процесс ведения переговоров с участием медиатора. В данном варианте, можно говорить именно о «процедуре медиации». Как и любой процесс, процедура медиации имеет своей установленный порядок проведения, субъекты и объект. Вторым аспектом является рассмотрение медиации в статике, системно, то есть как составной элемент более крупного образования, в частности, как один из видов посредничества, как альтернативный способ урегулирования споров, как один из способов примирительных процедур в гражданском, арбитражном судопроизводстве.

Сложность однозначного понимания медиации связана, во-первых, с обширным спектром ее применения и, во-вторых, с многообразием организационных форм, видов и моделей примирительной процедуры с участием медиатора. Определение понятия «медиация» необходимо для понимания особенностей медиации и для определения ее роли и места в праве и законодательстве⁵².

В первую, медиация является способом разрешения конфликтов, который ориентируется на реализацию интересов сторон. Медиация – это урегулирование конфликта не на основе права, а в рамках права. Итогом медиации становится медиативное соглашение, которое базируется на взаимодовлетворяющих договоренностях сторон, а не на суждении, выносимом медиатором. Это является отличительным признаком – решение принимается самими сторонами на добровольной основе⁵³.

В процедуре медиации правовой статус сторон не имеет решающего значения. Наиболее значимым является выявление и удовлетворение истинных потребностей

⁵⁰ Аллахвердова О.В., Карпенко А.Д. Медиация – переговоры с участием медиатора. СПб, Роза мира, 2007. – С. 7.

⁵¹ Мельниченко Р.Г. Медиация: учебное пособие для бакалавров. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2014. – С. 87.

⁵² Интернет журнал «Российская газета». [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/gazeta/rg/2010/07/30.html> (дата обращения: 13.01.2018г.)

⁵³ Аллахвердова О.В., Карпенко А.Д. Медиация – переговоры с участием медиатора. СПб, Роза мира, 2007. – С. 7–11.

участников конфликта. Это означает, что урегулирование спора с помощью процедуры медиации предполагает добровольность участия в ней сторон, добровольность принятия любых решений на основе равноправия сторон.

Право в медиации не применяется. Участники конфликтной ситуации остаются в рамках правового поля, опираясь на право, но и рассматривают сложившуюся ситуацию во всем ее многообразии, также включая эмоциональную составляющую.

Медиация занимает особенное место в системе альтернативного разрешения споров (АРС). С одной стороны, в ней выделяются более формализованные процедуры, как третейский суд, где решения принимаются третьим независимым лицом, и также неформализованные процедуры, например, переговоры сторон.

Повестка и основные цели определяются сторонами самостоятельно. В связи с этим сфера применения медиации является, действительно, широкой.

Наилучшие результаты в урегулировании споров с помощью медиации будут в первую очередь в тех случаях, когда у сторон спора есть заинтересованность в мирном урегулировании конфликта. В целом, медиация наиболее эффективна в следующих случаях: 1) когда главными являются будущие интересы сторон конфликта, возможность сохранения отношений (например, партнерские отношения в бизнесе); 2) когда личная или эмоциональная вовлеченность сторон мешает строить конструктивную беседу (например, деление собственности между супругами); 3) когда необходимо сохранить конфиденциальность; 4) когда отношения слишком значимы для сторон (доверие к партнеру); 5) когда решение, принятое на основе права, не может учесть всего многообразия элементов спора и привести к полному урегулированию разногласий; 6) когда сторонам необходимо выработать условия взаимовыгодного прекращения отношений⁵⁴.

Таким образом, наиболее часто к процедуре медиации прибегают в решении тех конфликтов, участники которых осознают необходимость в достижении соглашения и сохранении отношений.

Медиация – неформализованная процедура, в которой большое внимание уделяется комфорту участников спора. Это проявляется в создании благоприятных условий проведения процедуры и сохранение полной конфиденциальности⁵⁵.

Существуют примеры с ситуаций, которые были определены кандидатом философских наук, координатором Центра конфликтологических исследований РАН Чумиковым Александром Николаевичем, когда проведение медиации может быть менее эффективно или вовсе нецелесообразно:

- когда есть радикальный дисбаланс сторон;
- при необходимости вынесения быстрого решения, подлежащего принудительному исполнению;
- когда непосредственная сторона конфликта не может принимать участие в его урегулировании, либо не может осознать последствия своих действий;
- при необходимости вынесения решения, которое будет основано на праве⁵⁶.

Для медиации характерен свой процесс и своя определенная совокупность элементов и действий, которые влияют на качество и успешность. К данным критериям относятся определенные стадии медиации, качества медиатора и включенность сторон.

⁵⁴United States Institute of Peace. Global Peacebuilding Center. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.buildingpeace.org> (дата обращения: 08.02.2018 г.)

⁵⁵Аллахвердова О.В., Карпенко А.Д. Медиация – переговоры с участием медиатора. СПб, Роза мира, 2007. – С. 7–11.

⁵⁶Чумиков А. Н. Управление конфликтом и конфликтное управление как новые парадигмы мышления и действия. – М.: Социс, 1995. – С. 53.

Если один из перечисленных компонентов отсутствует, то процесс медиации может стать безуспешным или даже породить новый конфликт⁵⁷.

Так, к примеру, если одна из сторон обратилась к медиатору под давлением второй стороны, то процесс выстраивания диалога будет некорректным, поскольку стороне будет неинтересен или безразличен исход. Также, если в процессе обсуждения стадий медиатор нарушит регламент, то, в случае возникновения необходимости обсудить текущее положение с каждой из сторон по отдельности, стороны могут неверно истолковать данное действие и усомниться в беспристрастности медиатора.

Но сам процесс, в традиционном понимании, говорит нам больше о структуре и об отсутствии определенной «гибкости» в исходе и динамике. В медиации присутствует доля непредсказуемости, поскольку в ходе данного процесса стороны могут кардинально изменить свои позиции, либо поведение сторон будет препятствовать продолжению диалога.

Поэтому, на наш взгляд, следует рассматривать и определять процесс медиации в более широком смысле, как метод работы с конфликтом, а именно как совокупность правил и принципов, используя которые стороны и медиатор достигают определенного результата⁵⁸. В данной формулировке отсутствует привязанность к строгой последовательности действий и позволяет добавить в процесс медиации возможность более нестандартного мышления медиатору.

Таким образом, подытожив все вышесказанное, можно сформулировать следующее определение понятия «медиация» и «процесс медиации». Медиация – это особая форма посредничества и особая форма примирительной процедуры, которая позволяет сторонам при содействии беспристрастного медиатора выработать на добровольной основе решение, которое отвечает их интересам. Процесс медиации нами понимается как выстраивание диалога между конфликтующими сторонами, используя определенные правила и принципы, и опираясь на нормы и ценности, результатом которого сторонами и медиатором достигается результат. Для эффективного проведения медиации необходимо не только соблюдать ее основные условия, но и осознавать полную картину ситуации медиатору. Только взаимное сотрудничество сторон и медиатора позволит вывести конфликтную ситуацию в конструктивное русло.

Религия и религиозная составляющая

Религия – это особая составляющая часть человеческой культуры, которая является одним из древнейших социальных институтов. Она регулирует духовную жизнь людей за счет формирования основы понимания и восприятия мира.

Религия является неотъемлемой частью общества на протяжении многих веков. С тех пор, как возникла жизнь, человек продемонстрировал естественную склонность к вере и поклонению всему, что он считал трудным для понимания и осмысления. «Его религия» заключалась в попытке получить благосклонность от высшего существа, которого он боялся. Это привело к возникновению различных ритуалов, которые переросли в традицию и сохранялись как закон.

В древности существовало несколько толкований и точек зрения относительно генезиса слова «религия». Так, римский оратор, политический деятель и писатель Цицерон рассматривал «религию» как благоговение перед высшими силами, Божеством.

⁵⁷Карпенко А.Д., Осинковский А.Д. Медиация: Учебник. – СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2016. – С. 300–311.

⁵⁸Конт-Спонвиль А. / Перевод с французского Головиной Е.В. Философский словарь – М.: Издательство «Этерна». – 2012. С 281.

Знаменитый античный писатель и оратор Лактаций определял религию, как союз человека с Богом. Такого мнения придерживался и Августин Блаженный. Он также толковал религию как некогда утерянную связь человека с Богом, которую человек стремится воссоздать⁵⁹.

В эпоху средневековья, религия занимала центральное положение в жизни человека. Так, известный философ и теолог Средневековья Фома Аквинский, полагал, что религия есть часть всего сущего, выражающаяся в стремлении познавать новое, открывать мир, сотворенный Богом⁶⁰.

На следующем этапе истории человечества – эпохи Возрождения, религия рассматривается уже с практически-политической позиции. Никколо Макиавелли трактовал религию как нечто свойственное человеку. Также он вывел теорию, согласно которой у мира материального есть свои законы, они же есть и у мира духовного и создал их Бог в виде судьбы, но Он более не вмешивается в них. Такая закономерность в обществе постоянна и поэтому, стремление познать закономерность между законами земными и законами «судьбы» Макиавелли видел в религии.

Далее, в эпоху Просвещения, видные деятели, философы, такие как Франсуа Мари Вольтер, Жан-Жак Руссо, Дени Дидро отрицали само понятие «религия», считая ее суть ложью, но при этом не исключали существование Бога и признавали его, как движущую силу Вселенной⁶¹.

В двадцатом столетии многие ученые и философы также выявляли особенности религии и ее значимость для человека и общества.

Так, Зигмунд Фрейд толковал религию как: «специфическую форму мировоззрения, которая сформировалась как результат насильственного вытеснения бессознательных влечений и действия комплекса Эдипа». Религия, по мнению Зигмунда Фрейда, выполняет три основных функции: 1) удовлетворяет любознательность, то есть объясняет происхождение и развитие мира; 2) вселяет уверенность в добром исходе, утешает в горе; 3) дает авторитетные предписания, запреты, ограничения, правила и советы для поведения⁶².

Учения Зигмунда Фрейда отразились на работах многих исследователей-психологов. Поэтому, на основе учений Фрейда относительно религии. Эрих Фромм выявил, что религия – это «проявление духа конкретно-исторического процесса, специфических социальных и культурных обстоятельств данного общества»⁶³.

В XXI веке осмысление термина «религия» весьма противоречиво. В силу цифрового прогресса и огромных успехов в науке, все больше людей придерживаются атеистических взглядов, либо, если это касается представителей ортодоксальных вероучений, то постепенно превалируют более либеральные настроения. Примером «ослаблений» в религиозном мире может служить отношение нового Папы Римского Франциска к однополым бракам: два года назад Папа Франциск призвал Римско-католическую церковь попросить прощения за длительное гонение представителей однополых союзов и принять законным подобные браки.

Помимо всего прочего, религия является, в том числе и социальным институтом. В ее основе лежит соответствующая общественная потребность, для удовлетворения которой религия и возникла. Также она базируется на основе социальных связей, взаи-

⁵⁹ Яблоков И.Н. Религия как общественный феномен // Религиоведение: Учебное пособие и Учебный словарь-минимум. – М.: Кн. дом «Университет», 2005. – С. 242.

⁶⁰ Пийримяэ Х.А. Страны Северной Европы // История Европы. – 2010. – №1. – С. 30–47.

⁶¹ Огурцов А. П. Философия науки эпохи Просвещения. – М.: Институт философии РАН, 1993. – С. 143–165.

⁶² Головин С.Ю. Словарь практического психолога. – Минск.: Харвест, 1998. – С. 465.

⁶³ Лейбин В. Словарь-справочник по психоанализу. – М.: АСТ, 2010. – С. 165.

моотношении индивидов, социальных групп и общностей и имеет организационное оформление, то есть является совокупностью организаций, учреждений и лиц, выполняющих специфические функции. Все эти признаки являются неотъемлемой частью любого социального института.

Религия постоянно востребована и в современно мире, а значит, ее можно назвать функционально целесообразной. Можно выделить следующие функции религии как социального института:

Во-первых, самая уникальная функция – утешительная. Ее суть заключается в том, что вера в некие высшие силы помогает человеку пережить трудности и смириться с неизбежным.

Во-вторых, воспитательная функция. Она заключается в том, что религия способна укреплять и усиливать действие принятых в обществе социальных норм и правил поведения. Эти нормы в любой религии представляют собой единую систему ценностных ориентиров, норм, правил и обычаев, которые регулируют общественную и личную жизнь человека⁶⁴.

В-третьих, религия обладает интегративной функцией. Она объединяет единоверцев, способствует упрочнению и сплочению общества. В результате постоянного взаимодействия, люди, исповедующие одну религию, могут чувствовать себя частью единой общности, за счет чего появляются положительные эмоции: радость, сочувствие, успокоение, сочувствия и так далее.

Институту религии присуще еще одна противоречивая функция – стабилизирующая по отношению к внутренней группе и дестабилизирующая по отношению к внешним группам. Сплачивая единоверцев, религия одновременно может противопоставлять их народам других конфессий, что зачастую является причиной многих дискриминаций, конфликтов и войн на религиозной почве.

Зачастую, религия может проявиться в качестве основного фактора в рамках конфликтной ситуации по целому ряду причин.

Во-первых, религия часто представляет собой основной источник идентичности. И этническая принадлежность, и религия могут существовать взаимозависимо. Однако у религии есть также и иная способность – порождение и расширение этнических различий.

Во-вторых, акторы (участники) в конфликте могут подключать религиозные власти или религиозный язык, чтобы мобилизовать последователей и, таким образом, расширить основу их поддержки. Это может произойти на политическом уровне, когда лидеры используют религиозную беседу, чтобы собрать общественную поддержку для определенных стратегических целей. Вооруженные силы или политические лидеры могут использовать религию как один из тактических способов – инструмент для вербовки.

В-третьих, религиозное учение может обеспечить оправдание за совершенные чрезвычайные действия, если таковые требовались для создания и укрепления мира⁶⁵.

Приведенные пункты свидетельствуют о том, что в конфликтном взаимодействии причастна не религия в целом, а лишь одна или несколько ее составляющих.

Поскольку религия является социальным институтом, то, как и у каждой системы, религия имеет свою определенную структуру, общую для разных конфессий, и в которой можно выделить три основных составляющих.

Первая составляющая – религиозное сознание, которое представляется в виде теорий, учений, преданий, основой которых является вера в священное. Это эмоцио-

⁶⁴ Решетников С.В. Политология. – Минск: ТетраСистемс, 2010. – С. 426–445.

⁶⁵ Решетников С.В. Политология. – Минск: ТетраСистемс, 2010. –С. 446–468.

нально окрашенное сознание, которое способно вызвать чувство восторга, трепета, и которое подкреплено системой нравственных норм и правил поведения.

Второй составной частью религии как социального института являются религиозные действия. Это, прежде всего, религиозные церемонии, связанные с различными ценностями, нормами, значимыми событиями в жизни человека, например, крещение, венчания и так далее. Культовые действия являются своего рода способом взаимодействия с божественными силами, и человек, таким образом, переносит себя в мир священного. Данную составляющую привел к основным чертам социального института религии французский философ Эмиль Дюркгейм.

Третья составляющая религии – это организации, упорядочивающие жизнь религиозных общин. Эти организационные структуры возникают в ходе развития общин, и представлены они религиозными организациями, которые характеризуются особым способом руководства религиозной общиной и определенным характером связи между обществом и государством. Прежде всего, примером подобных организаций является церковь. Это достаточно крупные религиозные организации, которые появились в определенных исторических условиях как способ упорядочить религиозную жизнь верующих и установить взаимоотношение государства со светскими организациями.

В социологии изучение института религии происходит не только исходя из типов, функций и его динамики, но и еще исходя из двух важных показателей – уровень и степень религиозности социальных субъектов. Когда речь идет об уровне религиозности изучается коллективный субъект (группа, населенный пункт, определенная страта и так далее) и методом опроса выявляется соотношение верующих и неверующих в данной структуре.

По показателям степени религиозности исследуется, насколько для данного человека важна вера и здесь обнаруживаются три степени религиозности:

Первая группа – истинно верующие. Это люди, которые посвятили свою жизнь служению Богу, и чья жизнь полностью детерминируется верой.

Вторая группа – это те верующие, которые в своей жизнедеятельности руководствуются не столько верой и религиозными канонами, сколько национальной культурой, традициями и обычаями.

Третья, самая многочисленная группа – это верующие «от случая». Эти люди, которые формально относят себя к верующим (крещеные, например), но которые повседневно живут светской жизнью, вне религии. Они, порой, не знают вероучений, религиозных обрядов, не соблюдают заповедей, но в значимые минуты жизни обращаются к Богу.

Таким образом, под религиозной составляющей понимается неотъемлемая часть структуры социального института религии, которые формируют ее изнутри. Это религиозное сознание, религиозные действия, организации, уровень и степень религиозности индивида.

Религиозные составляющие являются самостоятельными показателями степени веры человека и основаны только на религии. Поэтому в контексте изучения медиации в конфликтах не стоит приравнивать конфликты с религиозной составляющей к религиозным конфликтам.

Религиозный конфликт – это сложное, многомерное явление. Сам конфликт возникает внутри объединений, между различными конфессиями и направлениями. Подобные конфликты всегда выражались и выражаются в расколах, образовании сект, в разногласиях и спорах, в конкуренции и борьбе, конфронтации и религиозной вражде, в религиозных войнах, в религиозно-политических движениях и так далее.

При определенных условиях религиозный конфликт становился формой выражения классовых, сословных, межэтнических противоречий, противоборства госу-

дарств. По своим характеристикам религиозные конфликты являются социальными, поскольку религия как явление есть духовная основа человеческого общества. Но данный вид конфликта также включает в себя целую группу особенностей для рассмотрения.

Во-первых, религиозные конфликты имеют политический аспект, потому что большинство наций формировалось на основе одной общей религии. Большинство нынешних конфликтов европейских, азиатских и африканских государств возникли в результате стремления национально-религиозных меньшинств этих стран к политической и религиозной независимости. Поэтому, на современном этапе человеческого существования, чисто религиозных конфликтов не существует, по своей природе они ближе к национально-религиозным или религиозно-политическим конфликтам.

Во-вторых, религиозные конфликты могут иметь идеологическую характеристику, выражающуюся в разных взглядах на взаимосвязь между религией и политикой. Среди разнообразия взглядов к подходу понимания связи между религией и политикой, существует три подхода по данному вопросу. Первый подход заключается в том, что религия и политика – есть два отличных друг от друга мира, которые не пересекаются. Второй подход заключается в том, что религия есть фактор, объединяющий людей для отражения внешней угрозы, одоления внутренних проблем. Третий подход утверждает, что религия и политика есть два равных друг другу явления и полностью тождественны.

В-третьих, религиозный конфликт имеет исторический аспект, который позволяет более точно разобраться с происхождением конфликтов, а также с их внешними границами во времени и пространстве. Например, существуют так называемые «возрастные конфликты» между церковью и государством, между религиями, которые продолжали и продолжают иметь место быть на протяжении всего периода существования этих верований во всех странах мира.

В-четвертых, религиозным конфликтам свойственны психологические характеристики. Любой конфликт – это многомерное психологическое явление, которое влечет за собой духовные и физические силы, а иногда и жертвы. Психологический аспект отвечает за поведение человека в конфликте. Типы поведения людей в подобном конфликте могут быть очень агрессивными. Наиболее опасным является религиозный фанатизм-нетерпение, то есть враждебное отношение к другим вероисповеданиям, действиям и мыслям, которые могут представлять угрозу для их религии⁶⁶.

На наш взгляд, можно сформулировать следующее определение религиозного конфликта. Под религиозным конфликтом мы будем понимать противостояние различных индивидов или групп индивидов по поводу различных позиций в вопросах верования, религиозной деятельности и правил построения религиозной организации. К особенностям религиозных конфликтов, на наш взгляд, необходимо отнести их специфический, сложный характер, выражающийся в сочетании различных сфер общественной жизни и подходов к их анализу.

Сложно привести примеры, где основной причиной конфликта является религия. Зачастую такие конфликты представляю совокупность нескольких мотивов. Так, самый известный пример такого рода конфликта – Арабо-Израильский конфликт, где политические и экономический притязания переплетаются с религиозными.

⁶⁶Яблоков И.Н. Религия как общественный феномен // Религиоведение: Учебное пособие и Учебный словарь-минимум. – М.: Кн. дом «Университет», 2005. – С. 205–231.

Это – общемировая проблема

Исследование американского аналитического центра Pew Research Center демонстрирует, что в период с 2007 по 2010 год в мире усилились ограничения, касающиеся ношения религиозных символов, будь то одежда или иные знаки принадлежности к той или иной конфессии. Если в 2007 году религиозное облачение и иная символика подлежали регулированию в 21 стране мира (11% от общего числа), то в 2010 году таких государств стало 57 (29%).

В некоторых странах – в первую очередь мусульманских, например, в Саудовской Аравии или Иране, закон обязывает граждан носить наряды, соответствующие исламским обычаям. В других государствах, напротив, внешние проявления вероисповедания ограничены. Как раз такого рода регулятивные меры и усилились в последние годы. Для мусульманских стран дресс-код, продиктованный религиозным обычаем, – древняя традиция. Распространяется она в первую очередь на женщин. Так, ношение хиджаба – традиционного женского головного платка – является одним из важных положений шариата. Однако женщины понемногу начинают проявлять недовольство этими предписаниями.

Инженер и активистка в борьбе за права женщин из Судана Амира Осман Хамед заявила, что хоть и является мусульманкой, но носить хиджаб отказывается. За свое вольномыслие она предстала перед судом. Окончательного решения по ее делу еще нет, но в случае обвинительного приговора в качестве наказания к ней могут применить порку – до сорока ударов.

*«Крестик, паранджа и борода: право на атрибут». Евгения Лакеева
www.emediator.ru*

Конфликт с религиозной составляющей – это вид конфликта, в котором задействован один или несколько элементов структуры института религии. Принципиальное отличие религиозного конфликта от конфликта с религиозной составляющей заключается в том, что религиозный конфликт является следствием, конечным итогом и подразумевает конфронтацию между сторонами на религиозной основе или под предлогом религиозной основы, в то время как конфликт с религиозной составляющей является самостоятельным явлением, которое основано только на вопросах веры и религии.

Примеров подобного рода противоречий в рамках медиации – множество. Как правило, такие противоречия возникают в рамках института семьи и брака, когда один из субъектов опирается на свои убеждения, идущие вразрез с представлениями другого. Также можно привести пример, когда возникает необходимость передать детей на воспитание в детский дом или отказаться от ранее усыновленного ребенка. Данные примеры объединяет одно – в подобных ситуациях задействованы ценности и нормы, которыми участники руководствуются в процессе принятия решения, то есть те составляющие, из которых формируется религия.

Таким образом, религия представляет собой совокупность норм и правил, которыми руководствуется индивид при прохождении своего жизненного пути. Под религиозной составляющей понимается неотъемлемая часть структуры социального института религии, которые формируют ее изнутри. Это религиозное сознание, религиозные действия, организации, уровень и степень религиозности индивида. Религиозные составляющие являются самостоятельными показателями степени веры человека и основаны только на религии. Поэтому в контексте изучения процесса медиации в конфликтах не стоит приравнивать конфликты с религиозной составляющей к религиозным конфликтам.

Религиозная медиация и правила применения медиации в рамках конфликта с религиозной составляющей

Религия часто рассматривается как ключевая причина конфликта, как в отдельном обществе, так и на международной арене. Сторонников данного предположения великое множество, но центрально место занимает американский социолог Сэмюэл Хантингтон, который частично заимствовав идею, выдвинутую британско-американским историком Бернардом Льюисом, стал самым выдающимся представителем. Он утверждал, что религиозная и культурная идентичность будет основным источником международного конфликта в новом миропорядке после окончания Холодной войны. Он утверждал, что, хотя национальное государство останется самым влиятельным актором на международной арене, «столкновение цивилизаций» станет новой силой, подпитывающей конфликт. Его категоризация мира на девять разных цивилизаций базируется в основном на религиозной составляющей. Он утверждал, что конфликты могут происходить как на местном уровне внутри государства с группами, принадлежащими к разным цивилизациям, или между соседними государствами, а также на глобальном уровне и между государствами, принадлежащими к разным цивилизациям. Цивилизации конкурируют на международной арене, и эта конкуренция может превратиться в насильственный конфликт, по причине разных религий, которые сформировали эти цивилизации.

Помимо изучения религии как движущей силы насильственного конфликта, ученые также обеспокоены тем, насколько религия может косвенно воспитывать или приучать к насилию. Связь между верой и конфликтом прослеживается в религии как причине структурного насилия посредством дискриминации. Это суждение поддерживается тем фактом, что религиозные личности могут возводить мощные границы и провоцировать ожесточенную конфронтацию внутри группы для защиты абсолютных истин. Антропологи часто изучают как, внутри и между обществами, религия используется для создания различий среди людей. Политологи утверждают, что религия через ее неотъемлемое различие между внутригрупповой и внешнегрупповой организации, может привести к конфликтам как внутри общества, так и на международной арене.

Литература по религии и международным делам богата публикациями, в которых утверждается, что религия полезный, если необходимый, инструмент достижения мира. Более конкретно, религиозные убеждения, ценности, религиозные лидеры и религиозные организации которые, как считается, обладают огромным потенциалом в деле содействия миру в любом обществе или на международной арене. Фактически, дипломатическая «вера» была изобретена в США. Институт мира США разработал ресурсы для межконфессиональных проектов и публикаций, а также правительство США недавно создал офис для «религиозного участия» в государстве.

Однако некоторые важные работы в этом ключе появляются и в Европе. Вдобавок к академической литературе, многочисленные религиозные группы и НПО также мобилизуют и подготавливают проекты по вопросам политики в целях поощрения и расширения вклада религиозных участников в процессе примирения.

Разные авторы выделяют различные причины, аспекты и приоритеты, почему стоит прислушиваться и активно вовлекать религию в процесс миротворчества. Можно разделить данные причины по направлениям:

- 1) Религиозные убеждения и ценности.

Американский историк и ученый Скотт Р. Эпплби в своей работе «Ambivalence of the Sacred» подчеркивает, что этические и этические убеждения, выраженные через религиозные убеждения, являются основными движущими силами мира. Независимо от того, какая религия может распространяться, этическая сила религии может помочь объединить разделенные общества.

Для Кеннет Томаса религия тоже играет определенную роль, тем более что она может содействовать диалогу о «добродетелях» для формирования лучшего общества. Однако, признавая это и полезные характеристики религиозных сетей и НПО, он предостерегает от редуционистского подхода, в котором инструменталистская перспектива религии и логика решения проблем преобладают, в то время как необходимость решения других вопросов и привлечения других участников преуменьшается или вовсе забывается.

Каждая религия включает в себя понятие мира и своей целью ставит мирное существование и гармонию.

В литературе существует большое количество свидетельств о христианском вкладе в достижение мира. Ключевыми понятиями являются примирение, которое основано на собственном примирении Бога с греховным человечеством, мощная модель самопожертвования Иисуса, который искупит грехи человечества, и его напутствие «подставить другую щеку» и, наконец, его внимание к бедным и маргинализированным слоям общества, что побуждает христиан заботиться о человеческой личности. В христианстве есть близость отношения между социальной справедливостью и примирением. Христианские ценности также лежат в основе Западной концепция прав человека.

После Второй мировой войны работа христианских деноминаций и экуменическое движение были важными опорами для мирной реконструкции Европы и в создание Европейских сообществ, хотя позже проект европейской интеграции приобрел весьма светский и либеральный характер, в основном ориентированный на экономические и политические соображения.

Христианское учение и ценности служат основой для «христианского миротворчества», то есть христианство предоставляет целый набор ненасильственных ответов на конфликты во всем мире, как внутри, так и между обществами⁶⁷.

Мусульманский ученый Абу-Нимер утверждал, что ислам основан на фундаментальных человеческих ценностях, которые прописаны в Коране, и связанные религиозные писания, и исламская традиция. Исходя из этих ценностей, мусульманское общество разработало значительный набор ненасильственных инструментов для разрешения конфликтов и приобрел собственный опыт миростроительства. Традиционные арабомусульманские механизмы разрешения споров включают стороннее посредничество и арбитраж в любой форме социального конфликта. Такие механизмы также включали традиционные методы примирения, основанные на ценности прощения и общественно-го раскаяния.

Абу-Нимер также рассматривает, как ислам разработал теорию фактически, только военные принципы, ссылающиеся на *jus ad bellum* и *jus in bello*: «Война разрешена в целях самообороны и в четко определенных пределах, когда она должен быть активирована (но не безжалостно), но только для восстановления мира и свободы вероисповедания. В любом случае, не должны быть нарушены строгие ограничения: женщин, детей, старых и немощных мужчин не следует привлекать, и они не должны пострадать, также не должна страдать ни природа, ни урожай, ни Земля». В то же время ислам имеет традицию ненасильственного сопротивления, также процитированную Абу-Нимером, примером чего являются мирные протесты против британского колониального господства в Египте в 1919 году, иракское восстание 1948 года, революция Ирана в 1978–79 годах и суданское восстание 1985 года⁶⁸.

⁶⁷Appleby S., *The Ambivalence of the Sacred: Religion, Violence, and Reconciliation*, Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict. – Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2000. – P. 1–19.

⁶⁸Abu-Nimer M. *Religion and Peacebuilding: Reflections on Current Challenges and Future Prospects*. Washington, DC: USIP. – 2015. 43P.

Социальная справедливость является фундаментальной концепцией ислама. Согласно исламу, нация не может выжить без принятия справедливых и адекватных мер по обеспечению пропитания и благосостояние всех бедных, обездоленных и обездоленных каждого сообщества. Конечной целью было бы устранение их страданий и бедности.

Исламские ценности основаны на всеобщем достоинстве человечества, равенстве всех рас, этнических групп, а святость человеческой жизни и прощение – это ценности которые лежат в основе любой формы позитивного разрешения конфликтов и помогают строить мирное общество.

В своей работе Эпплби Р. Скотт подробно анализируют вклад в процесс миротворчества азиатских религий, таких как буддизм или даосизм, со ссылкой на общую теорию Галтунга. Представляя идеи 18 выдающихся буддийских лидеров, было расширено понимание буддийских миротворческих традиций. Начиная и подчеркивая центральную роль достижения внутреннего мира, он подчеркивает, что у буддизма есть большой опыт обеспечения мирных ответов на социальное и политическое насилие, в частности посредством его всемирной работу. Однако существует критика буддизм за то, что он состоит из индивидуалистической традиции, которая не особо подчеркивают важность того, чтобы быть в мире с другими, и что он упускает возможности для достижения мирных решений, например, в Шри-Ланке и Тибете. Также и конфуцианство имеет потенциал для общего блага, благодаря понятию гармонии и ее нравственных ценностях и ритуалов.

Он утверждает, что религия и религиозные ценности необходимо объединить с традиционным разрешением западных конфликтов политики и практики, и что религиозные ценности, такие как эмпатия, ненасилия и неприкосновенности человеческой жизни, следует использовать для языка разрешения конфликтов. Для достижения этой цели необходимо понимание религиозных ценностей, институтов и практики, в частности, способов, которыми они традиционно и исторически приближались в вопросах войны и мира и сложность, изменчивость интерпретации в каждой из религий. Использование религиозных ценностей и стратегий разрешения конфликтов будет в значительной степени зависеть от контекста.

В своем заключении Эпплби Р. Скотт предлагает широкий список рекомендаций для религиозных деятелей и для политиков, как во всем мире, так и на региональном уровне. Особенно важными являются предложения о том, что необходимо: поддерживать религиозных лидеров, ознакомиться с потенциальными последствиями политики для религиозной жизни общин, не уходить в крайности и не наделять религиозных субъектов подавляющей властью, но позволять привносить свои суждения и прислушиваться к их мнению⁶⁹.

2) Религиозные лидеры и религиозные организации

Богатая цепочка исследований рассматривают роль религиозных организаций и религиозных лидеров в содействии мирному разрешению конфликтов через посредничество. Ведение на основе религии рассматривается как важное, способствующее урегулированию конфликтов и поддержанию мира.

Новаторская работа Джонстона и Сампсона⁷⁰ подчеркивает сравнительное преимущество религиозных деятелей. Основываясь на выводах по тематическим исследованиям из Восточной Германии, Филиппин, Южной Африки и Зимбабве, они утверждали, что лица, которые основывали свою работу либо на религиозном, либо на ду-

⁶⁹ Appleby R. Scott. *The Ambivalence of the Sacred: Religion, Violence and Reconciliation*. – New York: Rowman & Littlefield Publishers Inc., 2000. – P. 43–62.

⁷⁰ Johnston D., Sampson C. *Religion, The Missing Dimension of Statecraft*. New York: Oxford University Press. – 1994.

ховном мышлении были в лучшем положении среди региональных и местных субъектов, чем политики, которые этого не сделали. Аналогично, Кокс утверждал, что религия может хорошо подходить для длительных, тупиковых или неразрешимых конфликтов. Основные характеристики, связанные с религиозными лидерами, которые позволяют им оказывать помощь в конфликтных ситуациях включает в себя полномочия, доверие, профессионализм и также культурную и эмпирическую близость к вовлеченным людям.

На прагматическом уровне, особенно когда разрешение конфликтов и поддержание мира осуществляются в сотрудничестве с программами развития, религиозные организации и лидеры также оказались особенно эффективными в предоставлении помощи. Это связано с тем, что религиозные общины, помимо того, что им доверяют, являются недорогими, и они быстро работают, опираясь на широкие сети добровольцев, которые горячо посвященные делу и готовые положить свою жизнь. Это оказалась более эффективным, чем работа наемного персонала крупных и бюрократические международные организации, и светские НПО. Даже когда мирные процессы не ведут к устойчивому миру, религия, тем не менее, считает, что она позитивно способствует и может способствовать укреплению доверия между социальными группами и отдельными людьми. Ученые также отметили, что во многих конфликтах, даже если нет религиозной составляющей, религиозные лидеры могут сыграть полезную роль в содействии миру⁷¹.

Религиозные движения и лидеры могут также содействовать установлению национальных и международных норм в области мира и в целом содействовать миру во всем мире путем изменения международного дискурса о религии и мире. Исторический вклад Мартина Лютера Кинга в распространение ненасильственное сопротивление и международная, и национальная антидискриминация законов является ярким примером миротворческой динамики, обсуждаемой широко в научной литературе.

В тематических исследованиях проанализирована трансформационная сила религии и это способствовало научным размышлениям о том, какие религии имеют общее, а не на то, что их делит. В своей работе Эпплби приводит примеры из разных религиозных традиций: католическая НПО «Сант'Эджидио»⁷², которая продвигает этические ценности в конфликтных ситуациях в Африке и использует посредничество как инструмент содействия миру; буддийские акторы, поощряющие права человека в Камбоджа; мусульманские общины, которые успешно поддерживают мир в некоторых частях Ближнего Востока. Совсем недавно его работа была сосредоточена на «Католических подходах к миростроительству», глядя на работу многих транснациональных католических НПО, таких как «Каритас».

Дуглас Джонстон также подчеркнул важную роль религиозных организаций по предотвращению и разрешению конфликтов. Он полагает, что местные организации могут иметь прямое влияние в своих обществах и они особенно эффективны, поскольку они способствуют и разрешают конфликт, и могут иметь важный моральный авторитет⁷³.

Немецкий социолог Маркус Вейнгардт⁷⁴ всесторонне изучил потенциал религий, их собственной положительной силы и, в частности, роль религиозных лидеров. Его

⁷¹Appleby R. Scott. *The Ambivalence of the Sacred: Religion, Violence and Reconciliation*. – New York: Rowman & Littlefield Publishers Inc., 2000. – P. 42–50.

⁷²Community of Sant'Egidio. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.santegidio.org/pageID/30008/langID/en/THE-COMMUNITY.html> (дата обращения: 03.03.2018).

⁷³Johnston D., Sampson C. *Religion, The Missing Dimension of Statecraft*. New York: Oxford University Press. – 1994. P.

⁷⁴Appleby R. Scott. *The Ambivalence of the Sacred: Religion, Violence and Reconciliation*. – New York: Rowman & Littlefield Publishers Inc., 2000. – P. 53–70.

первый главный аргумент в том, что большинству исследователей необходимо понять роль, которую религии могут играть в де-эскалации насильственных политических конфликтов и содействия миру. В то время как основные научные работы сосредоточены на негативной роли, которую религия играла в конфликтах в мире и всей истории. Вайнгардт утверждает, что религия также сыграла позитивную роль в предотвращении, контроле и окончании конфликтов. Он согласен с тем, что трудно, если не невозможно, получить точное измерение мирного потенциала религий, но, тем не менее, соглашается, что религии имеют неотъемлемый потенциал для мира и должны рассматриваться как фактор, который способствует де-эскалации конфликта.

Второй главный аргумент Вейнгардта заключается в том, что мирный потенциал религии лежит в основах, таких как писания, учения и традиций, а не самих институтов. Медиатор должен основываться на всестороннем понимании их религии, а не на ограниченном, индивидуалистическом. Поступая таким образом, они могут содействовать миру не только в религиозных конфликтах, но также и в конфликтах с отсутствием религиозной составляющей. Такими субъектами могут быть религиозные общины и религиозные учреждения, а также их представители, отдельные лица, инициативы, движения, которые не обязательно принадлежат к религиозным учреждениям. Вейнгардт приводит примеры Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга, а также сторонники «Сант'Эджидио», все из которых были вдохновлены религиозными ценностями, и использовали их для содействия миру различными путями, включая предотвращение прямого насилия, борьбу со структурным насилием и достижения позитивных социальных изменений.

Религиозные акторы принадлежат к разным религиям и конфессиям, но работают как отдельные лица или в межрелигиозном сотрудничестве, и имеют разную степень институциональной привязанности, известности, политического влияния и последствий в конфликте. Они также отличаются своими подходами к сокращению насилия, их методы, действия, эффективность и их влияние в конфликте разнятся. Другими словами, мирный потенциал для религии огромен, его можно использовать для содействия миру в различных ситуациях.

Уверенность в том, что религиозные акторы вдохновляют стороны конфликта, зависит от трех характеристик: уверенность в своих профессиональных и специфических для конфликта квалификациях, в их этической и моральной квалификации, а также в их эмоциональной квалификации. Все действующие лица, которые хотят содействовать миру, должны иметь эти характеристики.

Ключевой вывод из доказательств во всей литературе на данную тематику состоит в том, что нет единого пути для религиозных организаций или религиозных лидеров сделать универсальный способ разрешения конфликтов, должен присутствовать гибкий подход.

Большинство экспертов по религии и политике, национализму и конфликтам согласны с тем, что конфликты обычно характеризуются определенным набором мотивов и их взаимодействием и, следовательно, существует необходимость анализировать их в совокупности, а не ограничивать только одной составляющей, например, религиозной, политической, исторической или экономической.

Сама религия также не является хорошим или плохим явлением, но ее сила может быть использована для ускорения насилия или содействовать миру во всех обществах.

Пытаясь различать «религиозное» и «светское» насилие не только бесполезно, но и опасно, поскольку некая «привилегия» религиозных объяснений также служит для деполитизации в политической сфере. Религия не должна приниматься как само собой разумеющееся, как главная движущая сила насилия и конфликтов, но она не может исключаться из международных отношений и внутренней политики.

Одним из направлений исследований на данную тему можно обозначить возможности использования трансформационную силу религии и ее потенциал объединения общества, и содействие мирным международным отношениям.

Миротворчество, основанное на религии, раскрыто в трудах Дугласа Джонстона и Брайана Кокса⁷⁵. «Примирение» сосредоточено на восстановление здоровых и уважительных отношений между сторонами. Этот тип вмешательства в конфликтную ситуацию влечет за собой четыре компонента.

Во-первых, он предлагает «новое (моральное) видение» того, как реальность и отношения сопоставимы друг с другом. Во-вторых, он строит «мосты», то есть материальные и нематериальные связи между различными группами, чтобы они могли сообщать о своих потребностях и устремлениях. Он также «исцеляет» фактический конфликт, обычно посредством посредничества, и, наконец, он также «исцеляет раны истории», которые препятствовали будущему здоровым отношениям.

В дополнение к этому проводится анализ различных этапов религиозных преобразований в процессе конфликтов, предоставленное американским историком Эпплби Р. Скоттом⁷⁶. Он утверждает, что трансформация религиозного конфликта должна происходить на всех уровнях цикла. В нем задействовано несколько инструментов. Одним из них является «управление конфликтами», которое должно поддерживаться путем повышения осведомленности общественности о конфликтах и их истоков. Другое – это «разрешение конфликтов», которое должно быть выстроено на основе диалога и образовательной деятельности. Кроме того, посреднические мероприятия и добрые услуги должны осуществляться религиозными лидерами. Другими инструментами являются «постконфликтное миростроительство», и «структурная реформа», которые требуют вмешательства религиозных лидеров и организаций посредством гуманитарной деятельности и социальных интеграций, особенно для наиболее уязвимой части общества.

Эпплби также определяет три способа трансформации религиозных конфликтов.

Во-первых, это «мобилизация кризисов», социальная мобилизация, вдохновленная религией во время острого кризиса, такого как ненасильственная оппозиция Ганди против Британского колониального господства.

Во-вторых, это режим насыщения или выстраивания мирной работы на разных уровнях общества, которая ведет к институционализации миротворческой деятельности в обществе, такой как мирная работа совершенное в Северной Ирландии в течение нескольких десятилетий.

В-третьих, «интервенция» или действия, осуществляемые религиозными субъектами, внутренними и внешними, такие как посреднические и учебные мероприятия⁷⁷.

Таким образом, религия может помочь создать смысл и обеспечить понимание конфликтных катализаторов. Политике необходимо развивать и активно продвигать потенциал религий, чтобы справиться с насилием и преодолеть конфликты, что религии могут помочь обществам разработать общее видение совместной ответственности и обязательств друг перед другом. Углубленное изучение систем религиозной ценности может помочь лучше понимать конфликтные источники внутри религий и в конечном итоге превращать их в факторы миростроительства.

С более практической точки зрения, можно выделить несколько факторов, которые могут усилить роль религиозных акторов в построении мира:

⁷⁵Johnston D., Cox B. Faith-Based Diplomacy and Preventive Engagement, in: Douglas Johnston (ed.) Faith-Based Diplomacy – Trumping ealpolitik. New York: Oxford University Press. – 2003. P 11–33.

⁷⁶Appleby R. Scott. The Ambivalence of the Sacred: Religion, Violence and Reconciliation. – New York: Rowman & Littlefield Publishers Inc., 2000. – P. 1–70

⁷⁷Johnston D.,Cox B. Faith-Based Diplomacy and Preventive Engagement. – New York: Oxford University Press, 2003. – P. 11–33.

1. «Акции, основанные на религии», необходимо достаточное количество финансовых и технических ресурсов для подготовки экспертов, а также связи со средствами массовой информации.

2. Необходимы внутренние религиозные субъекты. Даже если внешние субъекты хотят участвовать в деятельности по разрешению конфликтов, они с большей вероятностью преуспеют, если будут полагаться на внутренних участников конфликта. Такие субъекты должны быть значимы и котироваться для участников, они должны поддерживаться соответствующими организациями и субъектами посредством тренингов, лекций и прочих профилактических работах.

3. Религиозное образование должно быть сосредоточено на позитивных аспектах религии.

В то время как религиозная неграмотность сама по себе не как не приводит к конфликту, религиозные образования, которые фокусируется преимущественно на конфронтационных и насильственных действиях и элементах религии могут быть использованы политическими и религиозными лидерами в целях пропаганды насилия.

Таким образом, просвещение по мирным элементам собственной религии и религий других людей может стать сильным фактором для противодействия насилия. Так, Государственный департамент США и Управление иностранными делами Великобритании и по делам Содружества уже рассмотрели рекомендации и создают учебные программы по религиозной грамотности их персонала, хотя участие осуществляются на добровольной основе.

4. Необходимо поддерживать умеренных религиозных лидеров. Международное сообщество должно оказывать поддержку этим лидерам, их роль в качестве партнеров по диалогу и сотрудничеству должна усилить, чтобы противодействовать фундаменталистским тенденциям в религии.

Этот пункт также заслуживает некоторого критического рассмотрения из-за некоторых присущих недостатков. Во-первых, может быть весьма трудно идентифицировать таких лидеров, отчасти из-за смещения приоритетов, которые они могут расставить и поскольку это может быть проблемой для «непрофессионала» установить критерии, посредством которых религиозный лидер может быть отнесен к категории «умеренный».

Во-вторых, акцент на лидерах, вероятно, будет игнорировать голос женщин, так как большинство организованных религий выстроены по патриархальным линиям, но женщины являются важными субъектами, часто и на национальном уровне в содействии миру.

В-третьих, когда правительства или дипломаты вмешиваются в религиозную сферу и начинают спонсировать определенные группы веры или отдельных лиц, автономия и легитимность последних часто становятся запятнанной в глазах их собственных религиозных общин. Примером может послужить тот факт, что при попытке правительства Великобритании продвинуть умеренный ислам в контексте антитеррористической политики 2000-х годов, среди британских мусульманских общин было высказано мнение о том, что эти организации и отдельные лица, которые сотрудничали с правительством или получали государственное финансирование, потеряли доверие⁷⁸.

Авторы также подчеркивают, что идеи религий могут помочь обществу судить политические события. Религии предоставляются «инструментарием» для продвижения мира, их сравнительное преимущество – их перспектива трансцендентности. Различные религии могут быть использованы для предотвращения различных форм насилия. Буддизм, например, создает перспективы решения проблемы прямого насилия. Ислам

⁷⁸Johnston D., Cox B. Faith-Based Diplomacy and Preventive Engagement. – New York: Oxford University Press, 2003. – P. 11–33.

можно использовать для борьбы со структурным насилием. Однако необходимо провести дополнительные исследования, чтобы полностью понять те уроки, которые мы можем извлечь из разных религий.

Исследования в сфере построения мира еще не успели полностью раскрыть и овладеть понятием «инструментализация» религии, или как ее можно организовать и адаптировать для своих дисциплин. Опять же, необходимо провести дополнительные исследования, чтобы понять сложность экономических, социальных, политических и этнических сил.

Дуглас Джонстон и Брайан Кокс⁷⁹ систематизировали составляющие, которые позволяют религиозным лидерам и религиозным учреждениям влиять в миротворческом процессе. Во-первых, эти акторы, которые имеют «хорошо развитое и широко распространенное влияние в обществе». У них также есть «уникальный рычаг для согласования сторон конфликта и они обладают «способностью мобилизовать общественную, национальную и международную поддержку для мирного процесса». Но самое главное, они оказывают трансцендентный авторитет для их последователей, который является предметом зависти для большинства временных лидеров.

На основе миротворческой силы религии возникает особый способ управления конфликтом – религиозная медиация. Религиозная медиация подразумевает под собой процесс управления конфликтом, где медиатором выступает религиозное лицо, либо представитель, который понимает и знает историю религии, особенности и ценности всех религиозных учений мира. Это может быть как представитель миротворческой организации, специализирующийся в данной тематике, либо представитель церковной организации.

Особенности данного вида медиации заключается в необходимости досконального изучения проблемы и знаний в области тех религиозных ценностей, которые характерны для сторон. Порядок проведения и стадии остаются без изменений, но существенно усиливается этап подготовки медиатора.

Христианская доктрина или политика компании?

Проблемы с религиозной атрибутикой возникали и в Великобритании. В 2006 году сотрудница авиакомпании British Airways Надя Эвейда была уволена из-за того, что у нее на шее висел крестик в рабочее время: это противоречило правилам ношения формы. Через год Эвейда смогла вернуться на прежнюю должность, так как предписания изменились. Однако она подала жалобу в ЕСПЧ, поскольку британский суд по вопросам, касающимся работы и трудоустройства, в удовлетворении иска отказал. Суд аргументировал отказ тем, что ношение креста не является необходимым условием соблюдения христианской доктрины, и если это противоречит политике компании в отношении униформы, необходимо следовать правилам организации. Однако Страсбургский суд постановил, что в данном случае запрет на ношение крестика нарушил право открыто заявлять о своих религиозных предпочтениях.

Вместе с жалобой Эвейды рассматривалось и дело сотрудницы одной из британских больниц Ширли Чаплин. Начальство неоднократно просило ее не надевать крестик или по крайней мере убирать его под одежду. Чаплин не согласилась, и ее уволили. Не удовлетворившись отказом национального правосудия, медсестра обратилась в ЕСПЧ, однако там мнение заявительницы не поддержали. В отличие от случая Эвейды, запрет на ношение крестика в больнице был связан с мерами безопасности. Страсбургский суд посчитал, что здоровье больных и самой сотрудницы дороже выражения религиозных чувств. Впрочем, Чаплин не отчаивается. «Я ни о чем не жалею. Я должна была бороться за мою веру», – говорит она.

⁷⁹Там же. – Р. 33

Несмотря на то что, согласно исследованию Pew Research Center, в 2009–2010 годах ограничения на религиозные практики в США ужесточились, в Штатах, где проживают представители самых разных конфессий, законы в немалой степени оберегают религиозную символику. Существующая в Америке Коалиция сикхов (общественная организация, защищающая гражданские права последователей религии, которая родилась в северо-западной части Индии) подала иск против Калифорнийского исправительного центра. Администрация центра пыталась заставить заключенного по имени Сукхджиндер Басра, обвиненного в торговле наркотиками, побриться. Дело в том, что правила центра запрещали ношение бороды длиной более половины дюйма (около 1,3 см), а Басра, будучи сикхом, отказывался, поскольку его религия бритье бороды отрицала. В итоге к нему были применены меры административного наказания. Но впоследствии суд вынес решение в пользу заключенного сикха. Более того, в результате этого дела власти Калифорнии обратили внимание на данную проблему и разрешили заключенным не бриться, если это противоречит их вере.

*«Крестик, паранджа и борода: право на атрибут». Евгения Лакеева
www.emediator.ru*

К сожалению, полное разрешение конфликта с религиозной составляющей, на наш взгляд, неосуществимо. Под разрешением конфликта, согласно доктору социологических наук С.Б. Давлетчиной, понимается процесс устранения противоречий, которые вызвали конфликт, и установление нормальных отношений между противоборствующими сторонами⁸⁰. В контексте религиозного противоречия, в котором сталкиваются противоположные ценности и мировоззрение невозможно повлиять на полное изменение основ жизненного устройства. Поэтому, такие конфликты не поддаются полному урегулированию, подразумевая полное устранение причины, лежащей в основе конфликта, но данного рода конфликтами можно управлять. При наличии грамотного медиатора, который сможет направить конфликт в конструктивное русло и не допустить его эскалации. Данный процесс представляется нам возможным и осуществимым, если стороны осознают необходимость прекращения вражды.

Если допустить эскалацию конфликта с религиозной составляющей, то данный конфликт может перерасти в религиозный конфликт. Примером может послужить ситуация, когда одна из сторон решит выстраивать свои аргументы на основе вероисповедания только из-за нежелания идти на уступки или воспринимать всерьез оппонента. В таком случае религиозные ценности прикрывают за собой конкретные материальные или нематериальные блага, которые сторона хочет заполучить.

Задача медиатора заключается в том, чтобы выявить истинные мотивы и потребности стороны и помочь сторонам выстроить конструктивный диалог.

Возрастающий интерес международного сообщества к роли религии в конфликте и мире начинает развиваться, но для этого необходимы конкретные условия, необходимые для понимания и применения этой перспективы. Существуют следующие условия, при которых данная практика будет успешной:

1) Религия не является осязаемым или «самодостаточным» объектом, чтобы попытаться понять его исключительно как совокупность доктрин, конкретное учреждение, конкретное лицо или группа. Скорее, это следует понимать, как систему взаимосвязанных переменных с ролью, которая изменяется, сокращается или расширяется в зависимости от ряда конкретных обстоятельства, исторических изменений и внешних факторов.

⁸⁰ Давлетчина С.Б. Словарь по конфликтологии. – Улан-Удэ: ВСГТУ, 2005. – С. 68.

2) Следует проявлять осторожность, чтобы не переоценивать роль религии в конфликтных или миротворческих ситуациях. Так же следует помнить, что взаимодействие с религией не может заменить другие подходы к поиску решений к проблемам.

3) Правительствам и дипломатам следует избегать использования чисто инструментального подхода к религиозным общинам, лидерам и НПО для обеспечения законности сторонников, основанных на вере.

4) Нет лучшей или идеальной методологии, или дисциплины для понимания того, что такое религия и как она работает. Следовательно, дебаты о «научности» к изучению религии неуместны.

Таким образом, религиозная медиация подразумевает под собой процесс управления конфликтом, где медиатором выступает религиозное лицо, либо представитель, который понимает и знает историю религии, особенности и ценности всех религиозных учений мира. Религиозная медиация может помочь создать смысл и обеспечить понимание конфликтных катализаторов.

В качестве превентивной меры, необходимо развивать и активно продвигать потенциал религий, чтобы справиться с насилием и преодолеть конфликты, что религии могут помочь обществам разработать общее видение совместной ответственности и обязательств друг перед другом. Углубленное изучение систем религиозной ценности может помочь лучше понимать конфликтные источники внутри религий и в конечном итоге превращать их в факторы миростроительства.

Роль медиатора в управлении конфликтами с религиозной составляющей

Говоря о возможности управления конфликтами с религиозной составляющей, прежде всего, необходимо понять роль и задачи медиатора. Поскольку данного рода конфликты носят особый характер, в основе которых лежат религиозные ценности или нормы, то наиболее целесообразно будет обращаться за помощью в содействии лицу, которое разбирается в истории религии, знает нормы и обычаи, либо к медиатору, который прямо или косвенно относится к институту религии

Практика использования религиозных субъектов в процессе разрешения конфликтов не нова, такая практика существует давно, так, например, еще в средние века люди обращались за советом к членам института религии, чтобы те способствовали установлению мира и завершению конфликта.

Бельгийский ученый в области социологии и политики Люк Рейхлер⁸¹, проанализировав примеры из всемирной истории, выдвинул шесть основных причин, почему сила религиозных субъектов в миротворческом процессе проявляется наиболее сильно:

1) для людей, которые принадлежат к религии, мнение эксперта в этой области является авторитетом; 2) религиозные организации имеют возможность мобилизовать людей и развивать отношения прощения и согласия; 3) религиозные организации используют мягкий источник «энергии» для влияния на мирный процесс: силу вознаграждения, силу экспертного мнения, выступают, зачастую, как законная власть, используют силу средств массовой информации; 4) неправительственные организации выполняют задачи, для которых традиционная дипломатия неэффективна; 5) большинство религиозных организаций могут использовать их транснациональных организации; 6) религиозные организации находятся в поле зрения всех граждан.

Эти условия создают реальную возможность для вхождения религиозных медиаторов в процесс разрешения споров быстрее, чем их светские коллеги.

⁸¹Reychler L. Religion and Conflict: Introduction: Towards a Religion of World Politics?// International Journal of Peace Studies. – №1.– 1997.

Опираясь на данное суждение, что основанный на вере медиатор непосредственно влияет на процесс примирения, важно понять характерные признаки, ресурсы и мотивацию религиозных медиаторов, которые могут влиять на эффективность процесса медиации.

А. Характерный признак.

Медиаторы обладают уникальными характеристиками и сильными сторонами, которые поддерживают процесс медиации. Например, как медиаторы, основанные на вере, центра борьбы с религиозными предрассудками «Танебаум» для межрелигиозных конфликтов. Уже более 25 лет сторонники данной организации помогают в разрешении и выступают как медиаторы, волонтеры, кураторы в конфликтных ситуациях по всему миру. Миротворцы, действующие на основании религии, должны обладать определенным эмоциональным интеллектом и желанием противостоять предрассудкам. Они также должны опираться на исторический опыт и обладать способностью сочувствовать обеим сторонам в международном споре.

В совокупности исследований, Люк Рейхлер приписывает шесть основных качеств успешного медиатора в процесс конфликта: 1) моральная легитимность; 2) нейтральность; 3) способность продвигать политическое положение других, но остающаяся независимым; 4) способность «достучаться» (мирным путем) до общественного сознания; 5) использует и опирается на исторический опыт; 6) действует открыто, но сохраняет конфиденциальность.

Хотя исследования действительно выявили различные эффективные качества религиозных лидеров и религиозных акторов, окончательный список эффективных качеств для вероисповедающих медиаторов еще не определен. Большая часть успеха акторов, основанных на вере, тесно связана с их статусом. Следовательно, качества, которые обычно приписывают эффективным религиозным лидерам, такие как приверженность служению, целостность, терпение, способность вдохновлять, всепрощающее отношение, чувствительность и прочее, также могут считаться ценными качествами для религиозных медиаторов.

Помимо личных качеств, медиаторы, основанные на вере, также обладают гибкостью для расширения сферы посредничества, для включения нетрадиционных методов, потому что часто «неофициальные» медиаторы имеют свободу пренебрегать протоколом, предлагать нетрадиционные средства или процедуры. Эта способность обойти традиционные роли медиатора – является уникальным и самым весомым качеством для религиозных медиаторов.

В. Ресурсы.

Религиозные медиаторы в свете своей религиозной самобытности и членства в местном сообществе, как, например, папа Григори IX, который смог предложить «кредит доверия», которое было создано его моральным авторитетом, религиозные медиаторы пользуются моральной легитимностью, что позволяет им использовать как моральные, так и духовные ресурсы для разрешения конфликтов. Исследования показали, что религиозные лидеры, религиозные акторы, скорее всего, будут восприниматься как беспристрастный, заслуживающий доверия и обладающий сильным моральной и духовной приверженности субъекты, чем их светские коллеги.⁸²

Однако чтобы поддерживать этот авторитет и отношения, религиозные лидеры должны по-прежнему рассматриваться как «законная возможность» и законный медиатор. Например, это было важно на пути к успеху верующих медиаторов в конфликте в Сьерра-Леоне, которым они были и считались надежными и уважаемыми медиаторами для правительства, повстанцев и населения в целом. Без этого стандарта легитимности,

⁸²Bercovitch J. The role of faith-based actors in international conflict resolution. *International Negotiation*, – USA: Ayse, 2009. – P. 190–212.

лидеры переворота никогда бы не согласились продолжить обсуждения. Поэтому, несмотря на веру, медиаторы могут пользоваться своим законным статусом по умолчанию, они должны усердно работать, чтобы продолжать пользоваться своей репутацией.

С. Мотивация.

Наконец, медиаторы, основанные на вере, более склонны к бескорыстному урегулированию споров, чем нерелигиозные медиаторы. Эта особая мотивация – результат духовных и религиозных ценностей, побуждающих медиатора искать мира во всем. Эти моральные столпы, из которых возникает обязательство добиваться мира, создает сильнейшую мотивацию к разрешению конфликтов. И так как эффективная медиация требует проявления беспристрастности, становится ясно, что религиозные акторы придерживаются беспристрастности, которая вытекает из их положения, а не их мотивации.

Религия и конфликты сосуществовали на протяжении всей человеческой истории. В литературе встречается как положительные примеры истории включения религии в процесс медиации, так и отрицательные. Текущая ситуация такова, что сфера глобальных конфликтов продолжает меняться, и сейчас наступает лучшее время для переоценки власти религиозного диалога и влияния религиозных акторов на миротворческий процесс. Понимая, что эти организации и отдельные лица обладают уникальными характеристиками с возможностью значительного влияния на ход конфликта, оценки и решения конфликта, настает время посвятить изучению всего потенциала религии как ресурса для мира и урегулирования конфликтов. В частности, больший акцент следует уделять миротворческим качествам религии в повседневном дискурсе.

Попытки полностью удалить религию из диалога должны быть заменены продуктивными разговорами о возможностях миротворчества. В конечном счете, общее понимание роли религии в конфликте должно перейти от конфликтного фактора к конфликто-разрешению.

Таким образом, построение общих религиозных ценностей, использование религиозных текстов и личность медиаторов, основанных на вере, может переопределить способы разрешения глобальных споров. И хотя религия не может существовать как единственное решение, существенно необходимо, чтобы религия стала жизнеспособным вариантом. Сейчас пришло время выявлять, поощрять, развивать, мобилизовать и расширять возможности специальных ресурсов и потенциалов религиозных субъектов для конструктивной трансформации конфликта и внесения своего вклада в миростроительство.

Религиозные представители могут принимать различные задачи посредничества и трансформации конфликтов, в зависимости от характера конфликта, условий и, в которых место и роль религии соотносится в каждом конкретном контексте по-разному. Они потенциально способны играть определенную роль на всех этапах развития конфликта, от превентивной до постконфликтной. Однако стоит особо подчеркнуть важность профилактики, поскольку считается, что сильный моральный авторитет религиозных лидеров играет ключевую роль на этом этапе. Религия может иметь как превентивную, так и эскалационную роль; религиозные лидеры и религиозные деятели могут оказывать значительное влияние на возникновение конфликта.

Что касается постконфликтного этапа, то роль религиозных лидеров в содействии примирению и социальному исцелению также значительна. Моральные кодексы, предлагаемые религией, и авторитет религиозных лидеров предоставляют им значительный потенциал для поддержания процесса постконфликтного примирения.

Религиозные представители играют в разных типах конфликтов различную роль. В конфликтах с сильной напряженностью или нарушением свободы, существует необходимость в религиозном диалоге для поддержки официального процесса и ослабления

напряженности, этот диалог не может быть осуществлен только политическими деятелями. Тем не менее, мирная работа, выполняемая религиозными лидерами, не ограничивается исключительно религиозными конфликтами, здесь также религиозные представители могут оказывать техническую и финансовую поддержку.

Когда речь заходит о национальных и политических процессах, то религиозные лидеры могут, хоть и не напрямую, влиять на их результаты, оказывать влияние на их сообщества для косвенной поддержки процессов.

Одной из главных задач «миростроительства», является трансформация и предотвращение отношений, поддерживающих и движущих насильственные конфликты. Это может, например, иметь место в форме распространения мирных и толерантных посланий, а также формирование негативных изображений врагов в сообществах. Это тесно связано с возможностями религиозных представителей, которые, зачастую, выступают в качестве лидеров общественного мнения; из-за положения они могут иметь значительное влияние над образами мышления в их сообществах. Медиаторы могут выступать в качестве моральных лидеров, предоставляя моральные кодексы, приводя пример, осуждая насилие и опираясь на религиозные ценности в целях содействия миру. Они также играют важную роль в поощрении и поддержании диалога, особенно внутри- и межрелигиозных форм. Помимо укрепления доверия между различными группами, религиозные лидеры могут укреплять доверие к официальному мирному процессу, чтобы он мог укорениться и увеличить свое распространение.

Кроме того, религиозные медиаторы могут облегчать общение между акторами, например, действуя как представители между ними и путем создания соединений, соприкосновений во взглядах и методов общения между сторонами конфликта. Они также могут выступать в качестве гарантов и покровителей мирного процесса и достигнутых соглашений.

В целом, выявленные действия взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга; нет четких границ, которые можно легко провести между различными задачами и действиями. Из-за своего положения в обществе, религиозные представители могут способствовать созданию и поддержанию ненасильственных способов регулирования межгрупповых споров не только во время конфликта, но и на постконфликтной стадии. Таким образом, они могут предотвратить рецидивы насилия и создать основу для более мирных отношений между группами и индивидами, особенно между теми, кто разделены религиозной принадлежностью.

Сильные стороны такой медиации уходят корнями в традиционно ключевую позицию, которую религия занимает в общества, в которых религиозные лидеры являются или могут быть вовлечены в построение мира. Длительная история религии и религиозных структур в организации социальной и общественной жизни означает, что религиозные лидеры обычно имеют большой опыт и знания местного сообщества. Эта уникальная позиция, основанная на исторической функции религиозных структур, предоставляет религиозным лидерам определенные особенности: легитимность, доверие, знание местного сообщества и контекста, моральный авторитет, доступ для населения и связи с различными другими участниками на разных уровнях общества. Эти атрибуты взаимосвязаны и укрепляют друг друга.

Слабые стороны такого посредничества могут заключаться в нежелании представителей института религии участвовать в процессе управления конфликтом. Немаловажным фактор успешности является наличие в обществе или в конкретной группе людей «авторитета» церкви. В такой ситуации, религиозный медиатор может воззвать к морали или выстроить диалог, основываясь на принципах морали.

Одним из условий успешной конфессиональной медиации является то, что медиатор воспринимается как законный представитель. Если его законность ставится под

сомнение, то их вмешательство и методы не принесут пользу. Признание законности религиозных представителей в значительной степени зависит от личности спорящих. Поэтому, медиатор должен осуществлять свою работу исходя из представления о всех конфессиях, задействованных в конфликтном противостоянии и заручиться доверием сторон, исходя из принципа демократии и равенства.

Религиозные лидеры и религиозные институты имеют уникальное преимущество в конфликтах, особенно, когда религия играет ключевую роль в общественной жизни сторон, а также в идентичности. Во многих традиционных обществах религиозные лидеры весьма уважаемы и признаются в качестве законных моральных и духовных наставников. Участие таковых способно сказываться на решении конфликта. Вовлечение религиозных акторов может также побудить стороны вступить в переговоры. Некоторые из них имеют власть «награждения» не только с точки зрения перспективной экономической помощи, но и, например, путем предоставления личных встреч. Также может быть использована «принудительная» власть для мобилизации людей в знак протеста против определенной политики.

Тем не менее, существует также ряд недостатков, которые ограничивают влияние религиозных организаций в построении мира и безопасности. Существуют религиозные организации, которые виновны в совершении различных видов насилия. Кроме того, факт, тормозящий миротворческие усилия, заключается в наличии в религиозных организациях противодействующих элементов (радикальные участники).

В контексте межрелигиозного взаимодействия, необходимо вовлекать религиозные институты и субъектов для управления конфликтами в качестве медиаторов. Религиозные представители имеют существенное влияние в миротворческом процессе. В то время как государства несут с собой в основном лишь материальные ресурсы, такие как власть и деньги, основанные на вере, медиаторы приносят с собой нематериальные ресурсы, такие как уважение, доверие и толерантность. Религия может быть использована в конфликте в целях укрепления мира и примирения.

Таким образом, религиозный медиатор – это независимый, объективный представитель, прямо или косвенно связанный с институтом религии, который способен, основываясь на истории мира, принципах и нормах морали выстроить конструктивный диалог и доверительные отношения между сторонами. Его роль и задачи определяются для каждого конкретного случая индивидуально, поскольку необходимо учитывать особенности именно той конфликтной ситуации, для которой он был привлечен.

Медиация в рамках конфликтов с религиозной составляющей

Конфликт – явление систематическое и, порой, цикличное. А там, где существует конфликт, возникает потребность в его урегулировании или выведения в конструктивное русло. Системы, которые питают или усугубляют конфликты, также включают в себя культуру, верования, представления и способы мышления и действия, и существуют внутри каждого индивида, внутри любой группы.

Концепции управления конфликтом разрабатывают различные принципы и методики, которые предлагают способы выявления источников различного рода конфликтов, и предлагают альтернативы решения, основывающиеся на интересах, которые позволяют предотвратить и разрешить эти споры гораздо быстрее, дешевле, глубже и более эффективно, чем при использовании систем, основывающихся только на силе и праве.

В связи с этим мы имеем возможность предотвратить и значительно снизить риск возникновения конфликтов внутри любой системы – семья, школа, организация или нация (государство), используя усовершенствованные методы построения схем

управления конфликтами создавая алгоритм такого управления на основе центральных принципов и ценностей медиации.

Говоря о будущем медиации, о возможностях ее расширенного применения спектру социальных, политических и экономических конфликтов, необходимо подчеркнуть базовые принципы, которые обосновывают ее необходимость:

Во-первых, любой конфликт происходит не просто между конкретными субъектами, но и в определенной среде, культуре, в окружении социального, экономического и политического воздействия, в группе или организации, под влиянием конкретных систем и структур, в конкретный момент истории и времени, в определенном месте и пространстве.

Во-вторых, все указанные элементы не является нейтральным по отношению к конфликту. Каждый из них оказывает определенное влияние, зачастую скрытое и неопределенное. И каждый из этих факторов может играть решающую роль в успехе переговоров, процессов, вмешательства и других методов, которые используются для предотвращения, управления или разрешения конфликтов.

В-третьих, системы, по причине их внутренних несогласований, противоречивой истории могут порождать хронические, повторяющиеся конфликты и вместе с этим – культуру ненасилия и уклонения от агрессии.

В-четвертых, каждый конфликт обладает элементами и характеристиками, которые схожи и на всех уровнях, и таким образом обычный набор представлений, идей, убеждений и эмоций может объединять даже те конфликты, которые расположены на разных уровнях и в разных сферах, как в семье, между людьми, так в отношениях между государствами. Такое сходство позволяет проще подобрать методiku и «путь», по которому с данным конфликтом предстоит работать.

В-пятых, практически все конфликты независимо от того, насколько незначительными или личными они являются, обладают завуалированными социальными, экономическими и политическими элементами, по которым можно проследить их развитие и возможные последствия. Такие элементы включают, например, предубеждения, стереотипы или дискриминацию, которые отражаются на отношении к оппоненту, эгоизме или нежелании идти на компромиссы или взаимодействовать.

Но даже если скрытые аспекты конфликта смогли быть обнаруженными, подвергнутыми анализу, они могут способствовать трансформации в продуктивное русло разработки методик по предотвращению будущих аналогичных споров, достижению успешного урегулирования, преобразования дальнейшего взаимодействия сторон, а также общего системного усовершенствования. И, как результат, почти все конфликты могут повлечь за собой цепочку изменения в жизни конкретных индивидов, организации, институтов или учреждений.

Один из наиболее важных выводов исследований управления конфликтом заключается в том, что религия является постоянным и, возможно, неизбежным фактором как возникновения конфликтов, так и их разрешения. Религия является мощным компонентом культурных норм и ценностей, потому что позволяет решить самые глубокие экзистенциальные вопросы человеческой, она глубоко вовлечена в индивидуальные и социальные концепции мира⁸³.

Практика применения медиации в рамках конфликтов с религиозной составляющей уже существует и активно пользуется спросом. Во всем мире уже были созданы и успешно функционируют различные организации и представительства и отдельные деятели, которые занимаются и содействуют в процессе разрешения как религиозных, так и конфликтов с религиозной составляющей.

⁸³Said A.A., Funk N.C. The Role of Faith in Cross-Cultural Conflict Resolution.[Электронный ресурс]. URL: <http://www.gmu.edu/programs/icar/pcs/ASNC83PCS.htm> (дата обращения: 03.03.2018).

Религия может играть важную роль в миротворческом процессе и в предотвращении и урегулировании конфликтов, так как религия оказывает влияние и сказывается на нравственном воспитании человека.

Идеи человеческого достоинства и общей человечности происходят от теории божественного создания человека, что все люди созданы по образу и подобию Божественного замысла и, тем самым, являются основой единого мира. Религиозные понятия искупления и всепрощения также могут служить в основе ключевых усилий по примирению, в частности на постконфликтной стадии.

Основу превентивных мер по возникновению конфликтов должна составлять толерантность и уважение прав других этносов и наций. Воспитывать и прививать данные основы особенно необходимо в молодежной среде, которая является «фундаментом» новой жизни, нового этапа истории.

На сегодняшний день, основную роль в процессе предупреждения насильственных конфликтов, в том числе и религиозных, играет Центр Глобального Миростроительства «Институт Мира в Соединенных Штатах» (USIP). На протяжении более двух десятилетий, Институт мира занимается в усилиях по поддержке мирного процесса на Ближнем Востоке, помогает с управлением и разрешения конфликтов, а также укрепления межконфессиональной толерантности. USIP работает в направлении по обеспечению мирного существования различных слоев общества (преподаватели, студенты, чиновники) для встречи лицом к лицу с целью разработать практические решения по вопросам, которые лежат в основе конфликта. USIP сотрудничает с десятками организаций гражданского общества и религиозными группами, которые способствуют разрешению конфликтов и созданию мирного существования, а также предоставляет консультативную помощь через ряд экспертных комиссий и способствует налаживанию диалог между лидерами региона⁸⁴.

Трудно игнорировать тот факт, что религия, наравне с семьей, является вторым старейшим учреждением. Она регулирует социальную сферу поведения человека путем выработки директивных принципов, законов относительно его взаимодействия с остальными.

Одной из главных целей религии является содействие «справедливости». Поскольку справедливость это один из главных столпов мира, элементы мира и религии одинаковы. Мир может быть достигнут только тогда, когда есть закон и порядок. С самого начала времен, религия существует, чтобы помочь отдельным лицам, группам и общинам в достижении справедливости и мира.

Если посмотреть на историю, можно найти много примеров, когда религия «принуждает» отдельных лиц, групп и общин следовать по пути мира и избегать конфликты. На наш взгляд, стоит процитировать практические примеры, где религия выполняет подобную функцию, из четырех различных религий, на трех уровнях – индивидуальном, групповом и общинном уровне.

На индивидуальном уровне одним из лучших и ярких примеров стал Ашока Великий. Король Ашока является показательным примером того, кто стремился жить для укрепления мира. Осознав, сколько жизней ушло в результате войн, он принял политику ненасилия, принял буддизм и всячески помогал нуждающимся⁸⁵.

Другим примером на индивидуальном уровне является тот факт, что во время режима апартеида в Южной Африке, многие «черные южноафриканцы» и некоторые «белые южноафриканцы» вдохновились христианской верой и идеей бороться за мирное разрешение конфликтов между «черным» и «белым» населением. Отталкиваясь от идеи равенства, произрастающий из христианской веры, возникли впоследствии идеи

⁸⁴United States Institute of Peace.Global Peacebuilding Center. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.buildingpeace.org> (дата обращения: 01.02.2018).

⁸⁵ Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. – М.: Мысль, 1973. – С. 243.

ненасильственного противодействия расовой дискриминации в отношении чернокожих граждан и против расизма во всех его формах. Одним из наиболее видных среди христианских лидеров является архиепископ Десмонд Туту. Он продолжил возглавлять политику национального мира и примирения, признания апартеида преступным явлением, чтобы заложить фундамент новой интегрированной республики, выходящий за рамки разграничения цвета кожи в основе нации⁸⁶.

На уровне группы еще одним примером, где религия способствовала установлению мира и предотвращению конфликтов, стала победа мусульман в Мекке. Пророк вошел в Мекку и захватил город почти без единой капли крови и жертв. После его завоевания Мекки, Пророк проявил крайнюю покорность и прощал всех заклятых врагов и объявил всеобщую амнистию. Победа в Мекке оказала огромное влияние на арабов. Он показал, что ислам является религией мира, и это открыло путь для всей Аравии для принятия веры⁸⁷.

Вот некоторые из примеров, где религия играет важную роль в поддержании мира и профилактики конфликтов. Таким образом, можно отметить, что религия является одним из самых сильных институтов, которые помогают человеку поверить в три вещи – любовь, страх и мир, одновременно, поскольку они имеют важное значение в управлении поведением человека.

Помимо официального учреждения, которое специализируется на медиации, широко распространена практика обращения сторон к религиозным медиаторам (лидерам церкви, приверженцы определенного учения). В частности, это касается вопросов верного истолкования предписаний или как правильнее поступать с точки зрения морали.

В России медиация в рамках конфликтов с религиозной составляющей уже практикуется конкретных регионах. Прежде всего это сфера семейных конфликтов, где стороны не могут достигнуть мира из-за расхождений во взглядах, либо не могут прийти к согласию по причине узкого направления мысли.

Если затронуть тему религиозной медиации, то и такая практика тоже успешно существует в регионах, где большинство населения исповедуют ислам. В исламской традиции религия затрагивает все аспекты человеческой жизни, что облегчает отношения между людьми, которые строятся на основе разумности и доброжелательности. Этический принцип заложен в исламской вере и призывает простить, тем самым поощряя мирные способы разрешения спора, способствующие сохранению человеческих отношений в различных сферах.

В исламском праве мирное урегулирование спора может быть достигнуто тремя способами: 1) примирение, 2) арбитраж, 3) медиация.

Примирение в исламской традиции – это контракт, который устраняет спор с помощью согласия сторон. Арбитраж характеризуется назначением судьи спорящими сторонами, признающими определенный спор или проблему. Медиация, с точки зрения исламского закона – это доброжелательная и необязательная процедура, которая может привести к окончанию спора⁸⁸.

В отличие от западной модели медиации, исламская система медиации отличается тем, что закрепляет религиозные принципы. Так, например, медиация запрещена в спорах, связанных с ростовщичеством, в коммерции, в азартных играх⁸⁹.

⁸⁶Киннемон М., Коуп Б. Экуменическое движение. Антология ключевых текстов. – М.: «Библейско-Богословский Институт св. Апостола Андрея», 2002. – С. 201–204.

⁸⁷Доктор Рахман. Краткая история Ислама / Пер. с англ. Д. Хайретдинов. – М.: Умма, 2002. – С. 416.

⁸⁸Kemicha F. The Approach to Mediation in the Arab World. – Switzerland, 1996. URL: <http://www.wipo.int/amc/en/events/conferences/1996/kemicha.html> (дата обращения: 04.04.2018 г.)

⁸⁹Lippman M., McConville S., Yerushalmi M. Islamic Criminal Law and Procedure: An Introduction. Praeger-Publishers, 1988. – P. 43.

Медиация опирается на систему мусульманских судей – кади⁹⁰. Их роль сводится к тому, чтобы максимально защитить стороны от возможных недобросовестных действий по отношению друг к другу.

Таким образом, представляя собой альтернативную процедуру урегулирования споров и конфликтов, медиация обладает определенными преимуществами для участников данного процесса. Будущее медиации в конфликтах с религиозной составляющей представляет собой новые возможности для всех сфер человеческой жизни, поскольку религия и ее ценности пронизывают каждого индивида и каждую структуру. Ее принципы и методы, на данный момент, только начинают свое становление, путем метода проб и ошибок. Но текущие достижения и текущая ситуация в мире говорят о том, что подобного рода медиации будет актуальной и спустя многие годы, разрастаясь и укрепляясь.

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

- Appleby R. Scott. *The Ambivalence of the Sacred: Religion, Violence and Reconciliation*. – New York: Rowman & Littlefield Publishers Inc., 2000. – 92 P.
- Bercovitch J. *The role of faith-based actors in international conflict resolution*. *International Negotiation*. – USA: Ayse, 2009. – 78 P.
- Boulle L., Nesic M. *Mediation: principles, process, practice*. – London, Dublin, Edinburgh: Butterworths, 2001. – 190 P.
- Johnston D., Cox B. *Faith-Based Diplomacy and Preventive Engagement*. – New York: Oxford University Press, 2003. – 63 P.
- Kemicha F. *The Approach to Mediation in the Arab World*. – Switzerland, 1996. – 65 P.
- Reychler L. *Religion and Conflict: Introduction: Towards a Religion of World Politics?* // *International Journal of Peace Studies*. – №1. – 1997. – 138 с.
- Аллахвердова О.В., Карпенко А.Д. *Медиация – переговоры с участием посредника*. – СПб: Роза мира, 2007. – 144 с.
- Брук Сэр Генри. *Посредничество и примирение // Медиация и право*. – 2009. – № 14. – 90 с.
- Гришина Н.В. *Психология конфликта 2-е издание, переработанное и дополненное*. – СПб.: Питер, 2008. – 325 с.
- Зеленков М.Ю. – *Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века* – Воронеж: ВГУ, 2007. – 132 с.
- Литвинов А. В. *Введение в медиацию* // Самиздат. – 2008, Май. – 29 с.
- Медиация: Учебник / Под ред. А. Д. Карпенко, А. Д. Осинковского*. – СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд». – М.: Статут, 2016. – 480 с.
- Международный институт медиации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.institute-mediation.com/> (дата обращения 09.03.2018 г.)
- Мельниченко Р.Г. *Медиация: учебное пособие для бакалавров*, – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2014. – 112 с.
- Самошонков К.И. *Религиозный конфликт как объект социально-философского анализа: Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. философ.наук*. – Москва, 2004. – 17 с.
- Чумиков А. Н. *Управление конфликтом и конфликтное управление как новые парадигмы мышления и действия*. – М.: Социс, 1995. – 137 с.
- Яблоков И.Н. *Религия как общественный феномен // Религиоведение: Учебное пособие и Учебный словарь-минимум*. – М.: Кн. дом «Университет», 2005. – 242 с.

⁹⁰Боголюбов А.С. *Энциклопедический словарь*. – М.: Гранат, 2001. – С. 125.

Раздел 2. Межнациональные и межконфессиональные отношения: проблема возникновения конфликтов

Тема 2.1. Этническая толерантность и интолерантность⁹¹

сост. Омельченко Д.А.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ Толерантность можно рассматривать как основу социального взаимодействия.
- ✓ Формирование толерантности осуществляется на основе двух подходов. Первый предполагает рассмотрение толерантности как противоядия интолерантности (обуздание агрессивных, враждебных реакций, ответственность за это обуздание). Другой подход выражается в создании условий, необходимых для осуществления прав человека и утверждения демократии.
- ✓ Этническая толерантность представляет собой сложное установочное образование личности. Она выражается в терпимости к чужому образу жизни, чужим обычаям, традициям, нравам, иным чувствам, мнениям и идеям.
- ✓ Этническая толерантность личности проявляется в различных критических ситуациях межличностного и внутриличностного выбора тогда, когда выработанные в ином социокультурном образе жизни этнические стереотипы и нормы решения встающих перед личностью проблем не срабатывают, а новые нормы или стереотипы находятся в процессе своего формирования. Этническая толерантность личности обнаруживается и в известном смысле возникает в проблемно-конфликтных ситуациях взаимодействия с представителями других этнических групп.
- ✓ Этническая толерантность личности не может изучаться изолированно от процессов этнической идентичности, так как все этнопсихологические феномены являются гранями одного целостного явления – этнической вариативности личности.
- ✓ Одна из основных задач формирования этнической толерантности заключается в развитии навыков толерантного общения.

Упражнение «Сложи лист»

Для проведения упражнения необходимо раздать каждому участнику по листу бумаги формата А4. Преподаватель раздает листы бумаги, предлагает слушателям взять лист в руки, закрыть глаза и выполнять команды: сложите листок пополам, разгладьте место сгиба и по линии сгиба вырвите клочок бумаги; снова сложите листок пополам и повторите процедуру. И так до тех пор, пока есть возможность продолжать эту процедуру. Когда получатся маленькие, многократно сложенные листки, преподаватель предлагает развернуть их, разместив перед собой, и открыть глаза.

После этого проводится обсуждение. При этом преподаватель обращает внимание слушателей на то, что первоначально у всех листы были совершенно одинаковыми, каждый из участников выполнял одни и те же команды преподавателя, тем не менее, узор у всех разный. Далее можно обсудить, почему так получилось? Преподаватель

⁹¹ При подготовке темы использованы материалы издания: Галяпина В.Н. Этнопсихологические основы педагогической деятельности: Учебное пособие. – Ставрополь, 2006.

подчеркивает неповторимость всех узоров, то, что особенности каждого из них делают интересным их сравнение.

После обсуждения проводится дискуссия с помощью метода «Собирание идей». Фраза, которую нужно продолжить слушателям «Толерантность – это...».

Понятие толерантности в науке

Проблема формирования толерантности является одной из актуальных и сложных проблем современной психологии и педагогики. В первую очередь это связано с тем, что в науке нет единого толкования самой дефиниции толерантности. Согласно толковому словарю русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (Толковый словарь русского языка, 1994. С. 726) «толерантность» – производная от французского *tolerant* – терпимый. В. Даль определяет «терпимость» как способность терпеть что-либо или кого-либо только по милосердию и снисхождению¹. Советский энциклопедический словарь содержит определение «толерантности» как «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению».² Словарь иностранных слов определяет «толерантность» как «терпимость, снисходительность к кому- или чему-либо». Краткая философская энциклопедия рассматривает толерантность как «терпимость к иного рода взглядам, нравам, привычкам. Толерантность необходима по отношению к особенностям различных народов, наций и религий. Она является признаком уверенности в себе и осознания надежности своих собственных позиций, признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другими точками зрения и не избегает духовной конкуренции».)

Современный словарь философских терминов определяет толерантность как нравственное качество, характеризующее отношение к человеку, принадлежащему к другой расе, национальности, культурной традиции, религиозной конфессии как к равно достойной личности. Толерантность не сводится к простой терпимости, а подчеркивает способ отношения к неприятным или неприемлемым объектам – снисходительное их допущение или вынужденное терпение без применения насилия. В отличие от терпимости толерантность подчеркивает право личности на сохранение автономии. Как социально-психологический феномен толерантность предполагает настроенность личности на паритетный диалог, познание нового, «чужого» (Словарь философских терминов, 2004).

Более полное определение «толерантности», «терпимость» дано в словаре по этике под редакцией А.А. Гусейнова и И.С. Кона: «Терпимость – моральное качество, характеризующее отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам и поведению других людей. Выражается в стремлении достичь взаимного понимания и согласования разнородных интересов и точек зрения без применения давления, преимущественно методами разъяснения и убеждения» (Словарь по этике, 1989. С. 351).

Как указывает Б.Э. Риэрдон, описать толерантность довольно трудно, потому, что в разных языках она определяется по-разному (Риэрдон, 2001. С. 31.). *Tolerancia* (испанский) – способность признавать отличные от своих собственных идеи или мнения. *Tolerance* (французский) – отношение, при котором допускается, что другие могут думать или действовать иначе, нежели ты сам. *Tolerate* (англ. терпеть) – готовность быть терпимым, снисходительность. *Kuan rong* (китайский) – позволять, принимать, быть по отношению к другим великодушным. *Tasamul'* (арабский) – прощение, снисходительность, мягкость, милосердие, сострадание, благосклонность, терпение, расположенность к другим. Толерантность, терпимость (русский) – способность терпеть что-то или кого-то (быть выдержанным, выносливым, стойким, уметь мириться с суще-

ствованием чего-либо, кого-либо), то есть допускать, принимать существование чего-то или кого-то, считаться с мнением других, быть снисходительным к чему-либо или кому-либо.

В русском языке, по мнению Г.Л. Бардиер, дословный перевод термина «толерантность» как «терпимость» безоснователен. Обобщая мнения ряда авторов, она подчеркивает, что если переводить «толерантность» как «терпимость», то ее придется понимать так, как мы привыкли это делать в обыденной речи, – как «способность, умение терпеть, мириться с чужим мнением, быть снисходительным к поступкам других людей». То есть слово «терпимость» в нашей традиционной культуре ассоциируется с пассивным принятием окружающей реальности, с непотворением «злу насилем», со способностью «подставить правую щеку», получив удар по левой. В русском языке правильнее было бы переводить толерантность как терпимость, а как «уважение-понимание-принятие», как заведомое стремление к консонансу, согласию. В русском языке слово терпимость понимается как «способность терпеть что-либо или кого-либо только по милосердию и нисхождению». А снисхождение и милосердие связано с активной жизненной позицией субъекта взаимоотношений, который в ситуации напряжения или непонимания делает первым шаг к ее разрешению. Более того, О.В. Бессарабова отмечает, что «терпимость – это свойство открытости и свободного мышления. Это личностная или общественная характеристика, которая предполагает осознание того, что мир и социальная среда являются многомерными, а значит, и взгляды на этот мир различны и не могут и не должны сводиться к единообразию или в чью-то пользу» (Бессарабова, О.В. 2002. С. 268).

В «Декларации принципов толерантности» (статья 1, 1995 году ООН по вопросам образования, науки и культуры), *толерантность* понимается как уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур мира, форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности.

В каждом из приведенных определений акценты расставлены по-разному, исходя из различия культур и исторического опыта. Вместе с тем во всех определениях выделяется главное: толерантность – это уважение прав других. Данные определения иллюстрируют первоначальный социальный смысл, который вкладывали в понятие «толерантность» – толерантность как основа взаимоотношений с представителями других этносов и конфессий. Таким образом, толерантность можно рассматривать как основу социального взаимодействия, особенно значимую в кризисные или переходные периоды развития общества.

Проявление толерантности и интолерантности в жизни общества и отдельного человека

Толерантность – основополагающий принцип социальных отношений, она представляет собой ценность, необходимую и фундаментальную для реализации прав и достижений человека в мире. Б.Э. Риэрдон отмечает, отмечает, что воспитание толерантности базируется на трех фундаментальных принципах:

- разнообразие людей украшает и обогащает жизнь;
- конфликт – это нормальный процесс, который надо уметь решать конструктивно;
- для демократии очень важны социальная ответственность и способность каждого человека осмысленно опираться на моральные нормы при принятии личных и общественных решений (Риэрдон, 2001. С. 54).

Формирование толерантности осуществляется на основе двух подходов. Первый предполагает рассмотрение толерантности как противостояния интолерантности (обуздание агрессивных, враждебных реакций, ответственность за это обуздание). Реализуется этот подход через ограничения, которые выражают минимальный уровень уважения к другим, и если он не выдерживается, то люди и общество скатываются к нетерпимости, нарушению прав человека. Другой подход выражается в создании условий, необходимых для осуществления прав человека и утверждения демократии. В сфере воспитания детей это проявляется в культивировании отношений открытости, реальной заинтересованности в культурных различиях, признании многообразия, развитии способности распознавать несправедливость и предпринимать шаги по ее преодолению, а также способности конструктивно разрешать разногласия и обеспечивать продвижение от конфликтных ситуаций к применению и разрешению противоречий. Эти два подхода не конкурируют между собой, а находятся в отношениях взаимного дополнения.

Б. Э. Риэрдон называет следующие проявления симптомов нетерпимости в поведении людей.

1. Язык. Очернительный, уничижительный или отчуждающий, который обесценивает и унижает культурные, расовые, национальные группы или группы с иной сексуальной ориентацией. Отрицание за этими группами права употреблять собственный язык.

2. Стереотипы. Определение всех членов какой-либо социокультурной группы посредством обобщенных, как правило, негативных характеристик.

3. Насмешки. Привлечение внимания к конкретным моделям поведения людей, их качествам и характеристикам с целью высмеивания или оскорбления.

4. Предубеждения. Вынесения суждения по поводу отдельных людей или групп на основании негативных обобщений и стереотипов, а не реальных фактов или конкретных поступков.

5. Поиск «козла отпущения». Обвинение конкретной группы или конкретного человека в несчастьях или в существовании социальных проблем.

6. Дискриминация. Лишение отдельных лиц, групп или целых сообществ равных социальных, политических или экономических прав; преследование по причине этнического происхождения, национальности, мировоззрения или других социальных факторов.

7. Остракизм (бойкот). Поведение, игнорирующее присутствие или существование Других. Отказ говорить с Другими, признавать их самих или их культуру (включая этноцид).

8. Преследование. Преднамеренные действия, направленные на устрашение и унижение Других; нередко предпринимаются с целью вытеснения человека или группы из сообщества или организации.

9. Осквернение или порча. Нанесение прямого ущерба или искажение религиозных и культурных символов, предметов или зданий с целью дискредитации и осмеяния верований и идентичности тех, для кого эти здания, предметы и символы являются значимыми.

10. Запугивание. Использование физического, морального или численного превосходства для унижения Других, лишения их собственности, статуса или для склонения к конкретным сомнительным действиям.

11. Изгнание. Официальный запрет или насильственное лишение права на посещение каких-либо общественных мест, на присоединение к некоей социальной группе, на участие в коллективной деятельности или на профессию, т. е. на все то, от чего, в частности, зависит возможность выживания. Таковы, например, запрет на трудовую деятельность, на кров и т. д.

12. Отчуждение. Отрицание возможности удовлетворения фундаментальных потребностей и полноценного участия в жизни как общества в целом, так и отдельных сообществ.

13. Сегрегация. Установление принудительных ограничений для людей определенной группы по признаку расы, религии или пола (гендера), как правило, с ущербом для этой группы. Сегрегация включает апартеид.

14. Подавление. Ограничение и лишение человека его прав.

15. Насилие. Физические или моральные издевательства, изгнание из мест проживания, вооруженные нападения, убийства, включая геноцид.

М.Б. Хомяков считает, что толерантность не выступает благом в любых условиях. В ее проявлении необходимо подразумевать представление о ее границах или пределах. Во-первых, толерантность ограничивается вредом, наносимым человеком обществу или другому человеку. В случае гомосексуализма вред для общества не очевиден, поэтому нормой становится толерантное отношение к этому явлению. В случае терроризма вред для общества очевиден, потому толерантность к нему недопустима. Во-вторых, пределы толерантности заданы соблюдением прав человека. Все, кто нарушают права человека, не могут рассчитывать на толерантное к ним отношение. Если нарушений прав человека не наблюдается, то допускается толерантное отношение к любому отклонению от нормы. Границы толерантности разнятся в зависимости от типов культуры и общества, а потому, видимо, невозможно найти «истинную» толерантность, приемлемую для любого общества (Хомяков, 2003. С. 40).

Толерантность предполагает защиту своих интересов при взаимном соблюдении интересов партнера. Проявлению толерантного отношения одного человека по отношению к другому препятствуют следующие факторы:

- 1) нарушение прав человека со стороны других людей либо государства;
- 2) причинение человеку физического или морального вреда;
- 3) обнаружение фактов манипулирования мнением, настроением и поведением человека.

Основными признаками манипуляции служат:

- а) явный или скрытый обман;
- б) сознательное сокрытие или искажение информации, являющейся ориентиром для дальнейшего поведения человека и принятия им решения;
- в) проявление агрессии со стороны одних людей по отношению к другим.

Данные факторы можно квалифицировать как интолерантное отношение к конкретному человеку или группе людей. В этих случаях индивид должен активно защищать свои права и интересы, не принимая во внимание интересы другой стороны. В ситуации интолерантного к себе отношения он имеет право на самозащиту, безусловно, в рамках общечеловеческой морали и законодательства. Подвергаясь обману, скрытой или явной манипуляции, человек рискует стать жертвой эгоистических интересов других людей.

В социально-политическом аспекте толерантность выступает необходимым условием демократического развития общества. Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова, О.Д. Шарова называют признаки толерантного общества:

- равноправие – равный доступ к социальным благам, к управленческим, образовательным и экономическим возможностям для всех людей, независимо от их пола, расы, национальности, религии, принадлежности к какой-либо группе;
- взаимоуважение членов группы или общества, доброжелательность и терпимое отношение к различным группам (инвалидам, беженцам, гомосексуалистам и пр.);

- равные возможности для участия в политической жизни всех членов общества;
- сохранение и развитие культурной самобытности и языков национальных меньшинств;
- охват событиями общественного характера, праздниками как можно большего количества людей, если это не противоречит их культурным традициям и религиозным верованиям;
- возможность следовать своим традициям для всех культур, представленных в данном обществе;
- свобода вероисповедания при условии, что это не ущемляет права и возможности других членов общества;
- сотрудничество и солидарность в решении общих проблем;
- позитивная лексика в наиболее уязвимых сферах межэтнических, межрасовых взаимодействий, в отношениях между полами.

Как показал анализ литературы и собственная практика, проблема толерантности и образования может, кроме выделенных, иметь еще и другие аспекты:

- 1) толерантность – как условие эффективного образовательного процесса;
- 2) толерантность – как характеристика научной деятельности;
- 3) толерантность – как результат образования.

Первый аспект проблемы предполагает анализ взаимодействия преподаватель-обучающийся, обучающийся-преподаватель в ходе учебно-воспитательного процесса. Здесь на первый план выступает изучение ценностных ориентации преподавателей и воспитанников, школьников, студентов, в частности, ценностей межличностного общения. Толерантное взаимодействие субъектов образовательного процесса является основой педагогики сотрудничества и залогом эффективности учебно-воспитательного процесса. Данная проблема представляет особый интерес в свете реформы образования, основными принципами которой называют гуманизацию и демократизацию системы образования.

Второй аспект проблемы предполагает анализ взаимодействия преподаватель-преподаватель в ходе организации и проведения ими научных исследований. Научная работа является одной из функций образовательных учреждений (дошкольных, школ, вузов). Создание собственных школ и направлений, привлечение молодых людей к научной деятельности, использование результатов своей научной деятельности в учебном процессе являются показателем качества работы учебных заведений. Но именно научная работа часто становится причиной конфликтов и разногласий среди преподавателей вузов. Развитие культуры толерантности в научной деятельности – одна из важнейших задач эффективного развития науки. Л.В. Скворцов рассматривает особый тип толерантности в сфере научной ментальности: «Терпимость к чужим мнениям в сфере науки имеет значение лишь там, где вопрос еще не выявлен окончательно; теоретическая истина, построенная на непровержимых доказательствах, требует признания. В тех случаях, когда в известном вопросе могут быть представлены доводы *pro et contra* терпимость имеет место при оценке доводов противника».

Третий аспект проблемы отражает социальную сущность понятия «толерантность». Основной задачей образования как социального института является социализация личности, воспитание в подрастающем поколении, тех качеств, которые необходимы для стабильности общества и его эффективного развития.

Н. Смелзер утверждал: «Уважение и терпимость к другому образу жизни обусловлены необходимостью. Общество становится все более многообразным, поэтому прежние методы контроля за нравственностью не соответствуют духу времени. Повидимому, существует только один способ достижения гармонии в обществе, развитие

которого отличается плюрализмом, – нам всем следует стать терпимее и добрее друг к другу» (Смелзер, 1994, С. 239).

Понятие этнической толерантности и теории ее объясняющие

В поликультурных регионах России условием эффективного межэтнического взаимодействия будет являться этническая толерантность.

Как отмечает Е. Шлягина (Шлягина, 2002. С. 124–131), этническая толерантность представляет собой сложное установочное образование личности. Она выражается в терпимости к чужому образу жизни, чужим обычаям, традициям, нравам, иным чувствам, мнениям и идеям. Этническая толерантность личности проявляется в различных критических ситуациях межличностного и внутриличностного выбора тогда, когда выработанные в ином социокультурном образе жизни этнические стереотипы и нормы решения встающих перед личностью проблем не срабатывают, а новые нормы или стереотипы находятся в процессе своего формирования. Этническая толерантность личности обнаруживается и в известном смысле возникает в проблемно-конфликтных ситуациях взаимодействия с представителями других этнических групп. Этническая толерантность личности не может изучаться изолированно от процессов этнической идентичности, так как все этнопсихологические феномены являются гранями одного целостного явления – этнической вариативности личности

Ведущим ученым в области исследования этнической толерантности в России и факторов ее определяющих является Н.М. Лебедева. На основе анализа полученных результатов ею было сформулировано следующее определение этнической толерантности. Этническая толерантность – это явление социальной перцепции, характеризующееся отсутствием негативного отношения к иной этнической культуре, а точнее – наличие позитивного образа иной культуры, при сохранении позитивного восприятия своей собственной культуры.

Это значит, что этническая толерантность не является следствием ассимиляции как отказа от собственной культуры, а является характеристикой межэтнической интеграции, для которой характерно «принятие» или позитивное отношение к своей этнической культуре и к этническим культурам групп, с которыми данная группа вступает в контакт. Такое понимание адекватности группового восприятия базируется на постулате ценностного равенства этнических культур и отсутствии в этом плане преимущества одной культуры перед другой (Лебедева 1993).

Под этим углом явление этнической интолерантности представляет собой преимущественно негативное восприятие иной этнической культуры при сверхпозитивном восприятии собственной. Или широко известное явление ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации в социально-перцептивной сфере, еще именуемое неадекватностью межгруппового восприятия.

В рамках социальной и кросс-культурной психологии существует ряд теорий, объясняющих интолерантность в межгрупповом (межэтническом) взаимодействии. Это теория социальной идентичности, теории этноцентризма и мультикультурализма, теория управления тревогой / неопределенностью (Anxiety/Uncertainty Management), психологические измерения культур и другие.

Социальная категоризация и теория социальной идентичности. Согласно А. Тэджфелу, когда индивиды включены в межгрупповой контакт, их поведение определяется социальными идентичностями. Теория социальной идентичности основана на мотивации индивидов сохранять или изменять членство в группе, а также отношения своей группы с другими. основополагающее положение этой теории состоит в том, что

индивиды хотят иметь позитивную самоконцепцию, включающую осознание принадлежности к группе с высоким статусом. Тэджфел полагает, что индивиды осуществляют социальную категоризацию, группируя людей важным для них способом и сравнивая свои группы с другими по ценным для них критериям. Одним из следствий процесса категоризации является развитие социальных идентичностей, которые включают в себя осознание индивидом своей принадлежности к группе вместе с ценностным и эмоциональным значением, приписываемым этой принадлежности. Индивиды формируют позитивную социальную идентичность, когда воспринимают свою группу на вершине значимой для них иерархии ценностей, негативную – когда их группа «проигрывает» по сравнению с другими по значимым для них критериям.

Теория управления тревогой/неопределенностью (Anxiety/Uncertainty Management). Согласно этой теории, эффективное межличностное межгрупповое взаимодействие подвержено влиянию тревоги и неуверенности, испытываемые при общении с другими людьми. Тревожность побуждает людей предсказывать и объяснять чувства, установки и поведение других; она вызывается неуверенностью и проистекает из ощущения трудностей, напряжения, озабоченности по поводу того, что может случиться, и основана на страхе возможных негативных последствий. Установлено, что тревожность выше при общении с членами аутгрупп, чем при общении с членами ингрупп. Способы сбора информации в целях уменьшения тревоги и неопределенности различаются в коллективистских и индивидуалистических культурах: члены индивидуалистических культур ищут информацию, основанную на личностных характеристиках незнакомых людей, а члены коллективистских культур – на групповых. Акцент на личностных характеристиках побуждает людей из индивидуалистических культур искать личностное сходство с представителями аутгрупп, а сосредоточение на групповых характеристиках приводит представителей коллективистских культур к поиску групповых сходств при контакте с членами аутгрупп, что не всегда гарантирует успех.

Также при изучении этнической толерантности большая роль отводится этнической идентичности. В исследованиях Д. Берри и М. Плизента по этнической толерантности было установлено, что только уверенность в собственной позитивной групповой идентичности может дать основание для уважения других групп и выражения готовности обмена идеями, установками или участия в совместной деятельности.

Исследования, проведенные Н.М. Лебедевой и под ее руководством в данном направлении позволили вывести социально-психологический закон связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью: в норме для группового (этнического) сознания характерна тесная внутренняя связь между позитивной групповой (этнической) идентичностью и аутгрупповой (межэтнической) толерантностью; в неблагоприятных социально-исторических условиях данная связь может распасться или становиться обратной. При возникновении этнической интолерантности в действие вступают механизмы социальной перцепции, направленные на восстановление позитивной этнической идентичности, а вслед за ней и толерантности.

Помимо позитивности-негативности этнической идентичности, по мнению Н.М. Лебедевой, важной характеристикой этнической идентичности является ее определенность (четкость) – неопределенность (нечеткость, амбивалентность). В кросс-культурной психологии рассматривают две основные модели этнической идентичности. В линейной биполярной модели развитие идентичности предполагается как движение в направлении одного из двух полюсов: идентификация со своей группой (поддержание позитивной или принятие негативной этнической идентичности) и с доминантной группой (ложная идентичность, которая встречается у маленьких детей, и измененная в результате свободного выбора идентичность). Однако следует согласиться с Т.Г. Стефаненко, что в реальности люди имеют больше вариантов выбора, чем полная

идентификация с одной из этнических общностей. Индивид может одновременно идентифицировать себя с двумя, а иногда и более релевантными группами. Учитывая возможность подобной ситуации, Дж. Берри была предложена модель двух измерений этнической идентичности. Она включает четыре типа этнической идентичности, при которых связи с двумя группам могут сосуществовать относительно независимо друг от друга: моноэтническая идентичность, совпадающая с официальной этнической принадлежностью; моноэтническая идентичность с чужой этнической группой, которая возможна в случаях, когда, в полиэтничном обществе чужая группа расценивается как имеющая более высокий экономический, социальный и другие статусы, чем своя; биэтническая идентичность, подразумевающая сильную, хотя и разного уровня идентификацию с двумя группами; маргинальная этническая идентичность.

Говоря о «неопределенности» (нечеткости, амбивалентности) этнической идентичности, Н.М. Лебедева имеет в виду скорее маргинальную, а не биэтническую идентичность. Ее отличие в том, что индивиды с маргинальной идентичностью «балансируют» между двумя культурами, не овладевая нормами и ценностями ни одной из них. Подобные маргиналы, путаясь в идентичностях, часто испытывают внутриличностные конфликты, симптомами которых могут являться тревога, неуверенность, беспомощность, что в согласии с теорией управления тревожностью/неопределенностью может привести к негативным межэтническим установкам и стереотипам, т.е. этнической; интолерантности.

Также в литературе указывается, что в формировании этнической толерантности большое значение имеет этнический статус. Проблема этнического статуса признается в западной психологии чрезвычайно актуальной. «Страх перед этническим доминированием и подавлением – это главная сила для достижения власти К власти стремятся также ради подтверждения этнического статуса... Конфликты из-за потребностей или интересов имеют подчиненное значение перед конфликтами по поводу группового статуса и правил разрешения конфликтов». (цит. По Лебедевой, 2004) В отечественной научной литературе до настоящего времени понятие «этнический (национальный) статус» употреблялось крайне редко. Б.А. Хагба, исследовавший факторы этнополитической стабильности на Кавказе, говорит об этнической стратификации как одной из разновидностей социальной несправедливости (Хагба, 1995).

Между тем, этнический статус в поликультурных регионах является важнейшей составляющей социального самочувствия человека. Низкий статус тесно связан с чувством национальной ущемленности. По мнению этносоциолога М.В. Саввы, можно выделить два важнейших субъективных элемента этнического статуса – внутреннюю сплоченность группы и степень сохранности ее этнической культуры (Савва, 1997).

Г.У. Солдатова предложила классификацию толерантных и интолерантных лиц на основе трех критериев – а) уровня «негативизма» в отношении к другим этническим группам, б) уровня порога эмоционального реагирования на иноэтническое окружение, в) степени выраженности агрессивных и враждебных интенций по отношению к другим группам. Эти три критерия явились также специальной методической разработкой для определения типов этнической идентичности на основе этнической толерантности, которая в дальнейшем получила название «Типы этнической идентичности» (Солдатова, 1998).

Е. Шлягина выделяет различные уровни анализа этнической толерантности (квизипсихологический, интерпсихологический, интрапсихологический). Ею выделены внешние детерминанты этнической толерантности личности (политическая ситуация в стране, особенности социально-исторического образа жизни, целенаправленная информированность об истории и культуре своей Родины, профессиональная ориентация субъектов, рост миграционных процессов, травматический шок, особенности среды обитания: проживание в диаспоре в провинциальном полиэтничном городе, прожива-

ние в диаспоре в столичном полиэтническом мегаполисе, проживание в полиэтническом городе в пределах своей Родины) и внутренние детерминанты (индивидуальные свойства: возраст, пол, темперамент; индивидуально-типологические характеристики личности: самооценка, психологический возраст, уровень самоактуализации, сформированность реального «Я» и идеального «Я», иерархия потребностей, тип межличностных отношений, тип поведения в конфликтной ситуации).

В исследованиях автор указывает, что результаты, полученные на осознаваемом и неосознаваемом (интрапсихологическом) уровнях находятся в противоречивых отношениях. Например, на осознаваемом уровне проявляется этническая толерантность личности, а на неосознаваемом она отсутствует. В этом случае следует говорить о внешней, мнимой, декларируемой толерантности личности. Причем сам испытуемый может и не подозревать о такой рассогласованности, но именно неосознаваемая интолерантность становится смысловой установкой личности в ситуации межэтнического взаимодействия. Коррекция такой интолерантности состоит в том, чтобы поднять содержание неосознаваемого уровня на уровень сознания.

При единстве осознаваемого и неосознаваемого уровней толерантности (гармоничная толерантная личность) были выделены различные типы этнической толерантности: «терпимо-равнодушный» (пассивный) и терпимо-сочувствующий (активный). Личностные поведенческие стратегии в проблемно-конфликтных ситуациях межэтнического взаимодействия, качество и эффективность межэтнического диалога у представителей активного и пассивного типов различны.

Социально-психологические и индивидуально-психологические, факторы, влияющие на этническую толерантность

Н.М. Лебедева (Лебедева, 2003) выделила следующие *социально-психологические факторы этнической толерантности*:

- культурная взаимодополняемость (способствует этнической толерантности, симбиотической совместимости);
- «пересекающееся» членство в социальной группе, «безоценочная» дифференциация (у групп разные, но ценные роли), а также разделение общей идентичности (государственной) (способствует этнической толерантности, снижению ингруппового фаворитизма);
- коллективизм (мирное время), соответствие поведения «чужих» стандартам ингруппы. (способствует этнической толерантности, низкой аутгрупповой дискриминации);
- индивидуализм (способствует формированию толерантности к разнообразию);
- ценность социальной интеграции (способствует открытости, толерантности к другим, отказу от конкуренции);
- принадлежность к группе большинства (приводит к преобладанию личностных норм, ценностей и установок в межкультурном взаимодействии);
- желание единства и принятие культурного разнообразия (способствует этнической толерантности и общегражданской идентичности);
- географическая мобильность, длительность взаимодействия, частота контактов и степень их близости, этническая мозаичность (поликультурность) территории проживания, мультикультурализм как общенациональная идея (способствует этнической толерантности);
- установки на кооперацию (способствуют формированию общей идентичности, межгрупповой толерантности);

- позитивная этническая идентичность, уверенность в выживании культуры (способствует этнической толерантности, взаимному уважению, готовности к контакту).

Также отдельно на основе анализа литературы были выделены социально-психологические факторы, влияющие на интолерантность:

- выраженные этнические границы (способствуют снижению этнической толерантности, повышению этнической интолерантности);
- жесткость социальной дистанции (повышению этнической интолерантности, аутгрупповой дискриминации);
- коллективизм (ситуация напряженности) (способствует формированию интолерантности к разнообразию);
- коллективизм (способствует усилению социальной идентичности, межгрупповой интолерантности);
- межгрупповое сравнение, ощущение «негативной оценки» другой группы, социальная категоризация (способствует межгрупповой интолерантности, конфликтам; деиндивидуализации, межгрупповому конфликту);
- стереотипизация (способствует аргументации и оправданию конфликта);
- выраженность социальной идентичности (влечет неприемлемость «чужих»);
- вера в культурное превосходство (приводит к оправданию оскорблений и насилия в отношении аутгрупп);
- принадлежность к группе меньшинства (способствует формированию неуверенности в сохранении культуры, незащищенности внутри социальной иерархии, межгрупповой интолерантности);
- важность социального доминирования (повышает значимость этнической идентичности, интолерантность);
- групповая «идеология антагонизма» (определяет понимание мести как «справедливого» взаимодействия);
- нарушение норм ингруппы «чужими» (влечет негативные установки, этническую интолерантность);
- длительная история конфликтов и мести (приводит к усилению межгрупповых различий, этнической интолерантности конфликту в ситуации социальной конкуренции);
- высокий уровень избегания неопределенности (взаимодействие в ситуации без четких правил) (приводит к игнорированию «чужих», как будто бы их не существует);
- негативные чувства, связанные с групповой принадлежностью (способствует формированию этнической интолерантности, негативным межгрупповым установкам);
- ожидания негативных последствий межгруппового взаимодействия (повышают межгрупповую тревожность, этническую интолерантность);
- низкий уровень контактов, большие различия в статусе, большая численность групп (повышает межгрупповую тревожность, этническую интолерантность);
- межгрупповые опасения (влияют на гомогенность восприятия членов аутгруппы, негативные установки);
- неопределенность (маргинальность) этнической идентичности, высокий уровень воспринимаемой дискриминации (способствуют этнической интолерантности);
- высокий уровень религиозности (способствует межгрупповой этнической и профессиональной интолерантности).

Личностные факторы включают в себя:

- потребность в системе смыслов, обеспечивающей порядок, потребность обретения личного достоинства (следствие выступает выраженная национальная и культурная идентификация);
- личная предрасположенность к открытости (следствие – снижение межгрупповых различий); установки интернационализма (следствие – этническая толерантность);
- знание самого себя, защищенность (чувство безопасности), ответственность, ориентация на себя, способность к эмпатии; чувство юмора (следствие – общая и этническая толерантность);
- потребность быть включенным в группу; экзистенциальная потребность в расширении «Я» (self-transcendence) (следствие – этноцентризм);
- личный этноцентризм; агрессивность и неуверенность в себе (следствие – выраженная групповая дифференциация, этническая интолерантность) проекция вины (следствие – межгрупповые предубеждения);
- вытесненная ненависть (следствие – межгрупповые предубеждения);
- эмоциональная уязвимость; потребность в защите (следствие – этнонационализм);
- потребность в определенности (следствие – общая и этническая интолерантность).

Способы формирования этнической толерантности

Одна из основных задач формирования этнической толерантности заключается в развитии навыков толерантного общения. В науке выделяется несколько социально-психологических способов формирования толерантности.

1. Формирование правильных атрибуций о личности и поведении человека.
2. Обучение общению, свободному от предубеждений и предрассудков.
3. Профилактика предубеждений.
4. Точное и полное информирование людей с целью снижения интолерантности к неопределенности.
5. Создание условий для тесного и взаимовыгодного взаимодействия предубежденных групп.

В книге «Природа предрассудков» Гордон Оллпорт писал: «Предрассудки можно ослабить за счет контакта людей – групп большинства и меньшинства, которые обладают равным статусом и преследуют общие цели. Эффект такого контакта значительно возрастает, если его поддерживает общество (закон, обычаи, создающие благоприятную атмосферу для контакта) и если этот контакт приводит к осознанию общих интересов и человеческому пониманию между членами этих двух групп». Г. Оллпорт акцентирует психологические условия устранения предрассудков.

Э. Аронсон, Т. Уилсон, Р. Эйкерт отмечают, что не каждый контакт приводит к снятию предрассудков, необходим «особый контакт». Они предлагают шесть условий, при которых «особый контакт» между группами изживает предрассудки:

1. Общая цель, которую преследуют две группы. Общая цель способствует возникновению потребности подавлять свои негативные эмоции и чувства.
2. Взаимозависимость друг от друга. Если две группы нужны друг другу для достижения общей цели, они вступают в отношения взаимозависимости. Общие интересы будут подавлять негативные предубеждения и предрассудки.

3. Равный статус групп. Если статус не равен, то взаимодействие будет определяться данным неравенством. Это может привести к дискриминации низкостатусной группы.

4. Контакт должен проходить в дружественной, неформальной обстановке, когда члены групп могут взаимодействовать, в результате чего люди лучше и глубже узнают друг друга.

5. Налаживание дружеского неформального взаимодействия с многочисленными членами группы «чужих». Тогда носитель предвзятых взглядов начинает понимать, что его представления о группе «чужих» ошибочны, при этом он должен обязательно быть уверен, что знакомится с типичным представителем группы «чужих».

6. Контакт, скорее всего, приведет к ослаблению предвзятых взглядов, если существуют социальные нормы, поддерживающие равенство между группами и способствующие установлению такого равенства. Введение и принятие норм толерантности приведет к тому, что члены группы будут стараться так изменить свое поведение, чтобы соответствовать данным нормам.

Таким образом, при соблюдении упомянутых основных условий люди в подозрительных или враждебно настроенных группах будут изменять свои стереотипы, предвзятости и перестанут вести себя с позиций дискриминации в отношении других (Аронсон, Уилсон, Эйкерт, 2002. С. 454–456).

Особый контакт приводит к декатегоризации, т. е. категория «чужие» утрачивает свое значение и объединяется с категорией «свои». Декатегоризация, или модель общей групповой идентичности, возникает в тех случаях, когда люди, принадлежащие к разным социальным группам или этносам, начинают считать себя членами единой социальной общности. Их отношения становятся более позитивными, толерантными и строятся как отношения членов интруппы. Иначе говоря, устранение первоначальных границ «свои» – «чужие» стимулирует процесс значительного преумножения предубеждений и враждебности у людей.

Э. Аронсон разработал практическую методику создания атмосферы толерантности между группами, получившую название «Мозаичный класс».

Психологи разработали приемы, создававшие в классах атмосферу взаимозависимости, которая должна была заставить учеников из разных расовых и этнических групп преследовать общие цели. Это напоминало сборку детских картинок-загадок.

Метод «мозаичного класса» применяется следующим образом: ученики делятся на группы по шесть человек; школьное задание разбивают на шесть параграфов, каждый ученик получает один сегмент учебного материала, т. е. уникальную и важную информацию; ученик выучивает свою часть и рассказывает ее другим членам группы.

В отличие от традиционного класса в США, в котором школьники соревнуются друг с другом, в «мозаичном классе» они зависят друг от друга. В процессе построенных в данном стиле уроков дети начинают внимательнее относиться друг к другу, проявляют больше уважения и толерантности, становятся более спокойными, общительными, включаются в работу класса. Уже через две недели ученики лучше узнали о способностях и интересах друг друга, успеваемость повысилась. Выросла и их самооценка личности. (Аронсон, Уилсон, Эйкерт, 2002. С. 457; Квинн, 2000. С. 450). Сформировались толерантные межэтнические и межрасовые отношения.

Одним из эффективных способов формирования этнической толерантности является тренинг (Солдатова, Шайгерова, Шарова, 2000; Лебедева, Лунева, Стефаненко, 2004).

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

- Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. – М., 2002.
- Асмолов А.Г. Толерантность: от утопии к реальности // На пути к толерантному сознанию / Под ред. А.Г. Асмолова. – М., 2002.
- Бессарабова О.В. Толерантность как элемент политической культуры // Качество образования как социальная проблема: Материалы региональной научной конференции. – Ставрополь, 2002. С. 268.
- Дзялошинский И.О. О некоторых причинах интолерантного поведения // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. – М., 2002.
- Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. Учебное пособие для студентов психологических и этнологических специальностей. М. Старый сад, 1998, 316 с.
- Лебедева Н.М. Социально-психологические и индивидуально-личностные факторы этнической толерантности-интолерантности в межкультурном диалоге. / Межкультурный диалог: Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия / под ред. М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, Н.М. Лебедевой. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 406 с.
- Лебедева Н.М., О.В. Лунева, Т.Г. Стефаненко, М.Ю.: Тренинг этнической толерантности для школьников. Учебное пособие для студентов психологических специальностей. М.: «Привет», 2004. – 358 с.
- Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. – № 11, – 1997. – С. 48–54.
- Обучение толерантности: Методическое пособие / Под ред. Г.Л. Бардиер. – Спб., 2005.
- Оллпорт Г. Природа предубеждения // Век толерантности: научно-публицистический вестник / Под ред. А.Г. Асмолова. – Вып.5. – М., 2003.
- Почебут Л.Г. Взаимопонимание культур: Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности: Учебное пособие. – Спб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 281 с.
- Ризрдон Б.Э. Толерантность – дорога к миру. – М.: Изд-во «Бонфи», 2001. – 304 с. – С. 31.
- Савва М.В. Этнический статус (конфликтологический анализ социального феномена). – Краснодар, 1997.
- Солдатова Г.У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания // Познание и общение. – М., 1988.
- Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Шарова О.Д. Жить в мире с собой и другими: Тренинг толерантности для детей и подростков. – М, 2000.
- Хагба Б.А. Факторы этнополитической стабилизации на Кавказе // Социально-политический журнал. – 1995. – № 3.
- Хомяков М.Б. Толерантность: парадоксальная ценность // Пределы толерантности в современном обществе /Под ред. И.Л. Петровой, В.В. Козловского, – СПб., 2003.
- Шлягина Е. Этническая толерантность личности: опыт эмпирического исследования // Век толерантности научно-публицистический вестник Выпуск № 3–4. 2002. С. 124–131.

Тема 2.2. Конфликты и способы их разрешения в разных культурах. Межэтническая медиация⁹²

сост. Омельченко Д.А.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ Конфликт – это сложное и неоднозначное понятие. О конфликте мы говорим тогда, когда встречаемся с восприятием несовместимости интересов двух сторон либо с убеждением в том, что их цели не могут быть достигнуты одновременно. Конфликты существуют, они правомерны, и избежать их невозможно, так как каждый человек имеет свои собственные интересы, которые вправе отстаивать. Чаще всего конфликт благополучно улаживается к обоюдному удовлетворению вовлеченных в него сторон без особых обид и вражды. Более того, конфликты имеют положительные свойства: сигнализируя об объективных противоречиях, они являются источником развития как отдельного индивида, так и отношений между людьми. Однако обострение конфликта способно нанести людям, вовлеченным в него, большой ущерб и иметь самые пагубные последствия.
- ✓ Представители разных народов могут предпочитать различные стратегии выхода из конфликта, что необходимо учитывать при межличностном взаимодействии. Некоторым культурам свойственны специфические формы разрешения конфликтов, малопонятные и даже несправедливые с точки зрения представителей иных культурных групп.
- ✓ Этнические конфликты – явление неизбежное в жизни общества. Особенность, отличающая их от других форм социального конфликта, состоит в том, что свое функциональное значение они могут выполнять лишь в той форме, когда они не перешли к открытому противостоянию.
- ✓ Институт медиации в России находится еще на этапе становления. Для широкомасштабного развития медиативной практики, эффективного использования потенциала медиации необходим комплекс мер, включая совершенствование законодательства и популяризацию медиации среди различных социальных, профессиональных групп, бизнес-сообщества, этносреды и российского общества в целом.

Упражнение «Конфликт внутри нас» (Лебедева, Лунева, Стефаненко, 2004)

Цель: осознание конфликта как проблемы, которую необходимо разрешить, знакомство с различными стратегиями выхода из конфликта, которые могут быть обусловлены различиями между культурами.

Группа делится на подгруппы по этническому признаку, каждая подгруппа получает описание конфликтной ситуации (приложение 4). Преподаватель дает инструкцию: «В нашей жизни довольно часто возникают ситуации, когда мы стоим перед выбором: как поступить? Сейчас каждая группа получит описание ситуаций, которые могут происходить на работе, в семье, в общении с разными людьми. Сначала вам необходимо на отдельном листе написать все возможные варианты разрешения данного конфликта. Далее необходимо подготовить сценку, в которой продемонстрировать наиболее желательный исход конфликта и объяснить, почему вы выбрали такой способ.

⁹² При подготовке темы использованы материалы издания: Галяпина В.Н. Этнопсихологические основы педагогической деятельности: Учебное пособие. – Ставрополь, 2006.

Далее проводится обсуждение. Можно использовать следующие вопросы. Какие чувства вызвали у вас эти ситуации? Была ли в вашем опыте сходная ситуация, когда вы колебались (сомневались, «раздваивались») при принятии важного решения? Считаете ли вы такой внутренний конфликт нормальным? Что вы чувствовали, когда два разных желания внутри вас вступали в конфликт? Какие решения вам кажутся наилучшими? Почему? Есть ли этнокультурные различия в предложенных решениях? Как вы думаете, чем они обусловлены?

Во многих традиционных культурах распространен обычай привлечения посредников – более опытных, старших товарищей, родственников, признанных моральных авторитетов, который необходимо использовать как очень полезный в подобных случаях. В таких культурах предание публичной огласке недостойного поведения человека способно вызвать стыд как основной регулятор морального поведения.

Преподавателю следует направлять дискуссию так, чтобы урегулирование конфликта происходило в пользу выбора наиболее нравственного решения (наименьший вред для всех участников конфликта, сохранение отношений, моральное развитие личности).

Упражнение «Личность в конфликте»

Цель: осознание различий в поведении людей в конфликтных ситуациях.

Материалы: карточки с заданиями, бумага для выполнения заданий.

Группа располагается полукругом, перед ней ставятся столы и стулья. Преподаватель предлагает 4–5 участникам группы выйти за дверь и быть готовыми решать несложные арифметические задачи. Условно этих участников можно назвать «математики». Из оставшихся в комнате участников преподаватель также выбирает к каждому «математику» пару – участника, который должен расспросить «математика» о японской чайной церемонии, или о последней олимпиаде, или о чем-то другом (темы выбираются преподавателем в зависимости от особенностей группы). Условно их можно назвать «журналистами». Эффективность работы «математиков» определяется количеством правильно решенных задач, а эффективность «журналистов» – полнотой и точностью составленного рассказа со слов опрашиваемых. На выполнение задания дается 3 минуты. В группу «математиков» необходимо включать участников, которые, по-разному поведут себя в конфликтных ситуациях, выбор должен основываться на результатах наблюдения за участниками на предыдущих занятиях. В группу «журналистов» следует включать активных, инициативных участников.

Остальные участники группы являются наблюдателями, их задача следить за поведением участников, проявлением их эмоциональных состояний, проанализировать стратегии взаимодействия, используемые участниками и распределить их на плоскости между двумя осями: «ориентация на свои интересы», «ориентация на интересы другого».

По команде «математики» решают задачи, а «журналисты» начинают их расспрашивать на заданную тему. По окончании работы участники должны рассказать о своих чувствах во время выполнения задания.

Инструкция «математикам» (дается за дверью): «Вас пригласят в комнату и предложат решить несложные задачи. Условия, в которых вам придется работать, будут не совсем обычными. Ваша задача – выполнить работу за отведенное время и рассказать группе о том, как вы себя чувствовали, решая задачи, что вам помогало и мешало идти к цели, как вы преодолевали помехи».

Инструкция «журналистам». Сейчас к Вам подсядет человек. Ваша задача спросить его о... (указывается заданная тема), попытаться, используя различные способы, максимально его разговорить, узнать побольше информации и записать ее.

Важно, чтобы работающие ощутили конфликт между желанием выполнить свою задачу и необходимостью реагировать на помехи.

После окончания упражнения идет обсуждение: правильность и полнота выполненных заданий, поведение, реакции и рассказы о том, что чувствовали участники. Задача преподавателя – вывести участников на осознание того, что в конфликтной ситуации люди ведут себя по-разному и испытывают разные чувства. Вопросы для обсуждения. Какие чувства чаще всего испытывали наши «математики», сталкиваясь с помехами при выполнении задания? Какие чувства обычно возникают у вас в похожих ситуациях? Какие чувства возникали у вас, когда вы наблюдали ситуации с «математиками» (желание помочь, сочувствие, злорадство и т. п.)? Как отличается ваша реакция на конфликт, если в него включены сверстники, старшие, ваше начальство? Как бы вам хотелось вести себя в конфликте? Приведите примеры, достойные подражания. Следует обязательно поблагодарить всех «математиков» и «журналистов», отметив их смелость и важный вклад в исследовательскую работу группы.

Далее преподаватель просит наблюдателей провести анализ увиденных стратегий поведения, демонстрируемых участниками, исходя из предложенных ранее критериев: «ориентация на свои интересы» и «ориентация на интересы другого».

После этого преподаватель рассказывает, что в литературе выделяются основные пять стратегий поведения в конфликте (уход, приспособление или уступка, соперничество, компромисс и сотрудничество), которые также можно расположить на плоскости между осями «ориентация на свои интересы» и «ориентация на интересы другого». Он просит наблюдателей определить, какие именно стратегии из названных демонстрировали участники. Преподаватель выводит участников и наблюдателей на понимание эффективности стратегии сотрудничества.

Опыт показывает, что стратегия сотрудничества, как правило, не используется членами группы. Стороны не стремятся договориться. В процессе обсуждения участники высказывают предположение, что если бы они рассказали друг другу о своих заданиях и договорились – сначала вместе решим задачи, а потом написать рассказ о...», то каждый получил бы максимальный результат. Но такое понимание возникает только после выполнения упражнения.

Особенности разрешения конфликтов в разных культурах

Конфликт (от лат. *conflictus* – столкновение) – столкновение противоположно направленных, несовместимых друг с другом тенденций в сознании отдельного индивида, в межличностных отношениях индивидов или групп, связанное с отрицательными эмоциональными переживаниями. (Краткий психологический словарь, 1985. С. 152).

Существует множество классификаций конфликта. Например, социальные и внутриличностные (с участием человека), а также зооконфликты. Социальные конфликты в свою очередь можно разделить на: межличностные, между личностью и группой, между малыми, средними и большими социальными группами, международные конфликты. Внутриличностные конфликты можно разделить на: мотивационные, когнитивные, ролевые и др.

Кроме этого конфликты можно классифицировать на основе сферы, в которой они происходят: экономические, политические, научные, семейные, организационные и др. На основе продолжительности: краткосрочные, затянувшиеся, циклические и др.

В структуру конфликта, как указывают А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов (Анцупов, Шипилов 1999) входят следующие элементы: объективные (участники – основные, второстепенные, группы поддержки; объект конфликта, предмет конфликта; микросреда, в которой развивается конфликт), субъективные (психологические модели конфликта, имеющиеся у каждой из сторон, мотивы действия сторон, цели сторон, актуальные психологические состояния участников образы оппонента, самого себя, вероятных результатов борьбы и др.)

Поскольку конфликт – это процесс, то он имеет свою динамику. Первый этап конфликта – это конфликтная ситуация (возникает объективная проблемная ситуация, происходит осознание ее проблемности субъектами, возможна попытка решить проблему неконфликтными способами). Второй этап – собственно конфликт. Он включает инцидент, эскалацию противодействия, сбалансированное противодействие, поиск способов решения конфликта. Третий этап – завершение конфликта. Оно может быть полное, частичное или конфликт может не разрешиться, а временно затухнуть или перерасти в другой конфликт. Временное или частичное разрешение конфликта может быть осуществлено самостоятельно сторонами, может разрешиться с привлечением третьей стороны – посредника, при этом посредник может выполнять мягкую, урегулирующую роль, а может – жесткую роль (устранение конфликта). По завершении конфликта наступает четвертый этап – послеконфликтный, в ходе которого может наступить частичная или полная нормализация отношений.

Информация играет ключевую роль в возникновении, развитии, завершении, регулировании конфликтов.

Как показывает анализ литературы, все причины конфликтов можно разделить на следующие группы: объективные, организационно-управленческие, социально-психологические, личностные. К объективным причинам можно отнести ограниченность ресурсов, слабая разработанность правовых и других нормативных процедур разрешения социальных противоречий, стереотипы межличностных и межгрупповых отношений и др.

Организационно-управленческие причины можно разделить на структурно-организационные, функционально-организационные, личностно-функциональные и ситуативно-управленческие.

К числу социально-психологических конфликтов относятся те причины конфликтов, которые обусловлены непосредственным взаимодействием людей, фактором их включения в различные социальные группы: искажение информации в процессе межличностной или межгрупповой коммуникации; несбалансированное ролевое взаимодействие людей; использование оппонентами различных подходов к проблеме конфликта; различные способы оценки результатов деятельности и личности друг друга, внутригрупповой фаворитизм, ограниченные способности человека к децентрации; стремление к власти, психологическая несовместимость и др.

Личностные причины конфликтов связаны, прежде всего, с индивидуально-психологическими особенностями его участников. Они обусловлены спецификой процессов, происходящих в психике человека в ходе его взаимодействия с другими людьми и окружающей средой (психологическая устойчивость к стрессу, завышенный или заниженный уровень притязаний, акцентуации характера и др.)

В литературе выделяют различные способы и стратегии разрешения конфликтов. Исследуя типологию поведения в конфликте, Ф. Блейк и Дж. Мутон выделяют: уход, принуждение, сглаживание, компромисс, разрешение проблемы. Еще в 1942 г. Американский социальный психолог М. Фоллет указывала, на необходимость разрешения (урегулирования) конфликтов, а не подавления их. Среди способов она выделяла победу одной из сторон, компромисс и интеграцию. Под интеграцией понималось новое

решение, при котором выполняются условия обеих сторон, причем ни одна из них не несет серьезных потерь.

К Томас выделял следующие стратегии выхода из конфликта: избегание, приспособление, компромисс, соперничество, сотрудничество. Как указывает Н.В. Гришина (Гришина, 2000), выбор стратегии выхода из конфликта зависит от различных факторов (личностные особенности оппонентов, уровень нанесенного оппоненту и собственного ущерба, наличие ресурсов, статус оппонента, возможные последствия, значимость решаемой проблемы, длительность конфликта и др.).

Соперничество заключается в навязывании другой стороне предпочтительного для себя решения. Многие исследователи считают данную стратегию ущербной для решения проблем, так как она не предоставляет возможности оппоненту реализовать свои интересы. Однако в жизни имеется много примеров, когда соперничество оказывается эффективным. Соперничество целесообразно в экстремальных ситуациях, когда надо остановить агрессора, преступника, при дефиците времени и высокой вероятности опасных последствий.

Компромисс состоит в желании оппонентов завершить конфликт частичными уступками. Он эффективен в случаях, когда оппоненты понимают, что обладают равными возможностями, при наличии взаимоисключающих интересов, при удовлетворении временным решением, при угрозе потерять все. Сегодня компромисс – наиболее часто используемая стратегия.

Приспособление или уступка – это вынужденный или добровольный отказ от борьбы и сдача своих позиций. Такая стратегия используется в ситуации необходимости сохранения хороших отношений с оппонентом, при осознании своей неправоты, сильной зависимости от оппонента, незначительности проблемы.

Уход или избегание – это физический или психологический уход от конфликта при минимуме затрат. Здесь разговор идет не о разрешении конфликта, а о затухании конфликта. Избегание применяется при отсутствии сил и времени для решения противоречия, стремлении выиграть время, наличии трудностей в определении линии своего поведения, нежелании решать проблему вообще.

Сотрудничество считается наиболее эффективной стратегией поведения в конфликте. Оно предполагает направленность оппонентов на конструктивное обсуждение проблемы, рассмотрение оппонента не как противника, а как союзника в поиске решений (Фишер, Юри, 1990).

Исследования свидетельствуют, что представители разных народов могут предпочитать различные стратегии выхода из конфликта, что необходимо учитывать при межличностном взаимодействии. Например, Л.Н. Гумилев, говоря о стереотипах поведения, которые продемонстрируют представители разных народов, если в трамвай, в котором они едут, войдет буйный пьяный отмечает, что грузин «схватит обидчика за грудки и попытается выбросить его из вагона», немец начнет звать полицию, татарин предпочтет уклониться от участия в конфликте, а русский может сказать «несколько сакраментальных слов», но – скорее всего – пожалует пьяного и усадит его на свое место (Гумилев 1990). Иными словами, грузин продемонстрирует стратегию соперничества, татарин – избегания конфликта, русский пойдет на уступки, а немец прибегнет к помощи посредника.

К настоящему времени проведено множество психологических исследований, результаты которых свидетельствуют, что представители коллективистических культур стремятся либо уклониться от конфликта, либо уступить другой стороне, чтобы поддержать гармонию в группе. Например, в одном эмпирическом исследовании стратегий выхода из конфликта было выявлено, что в дружеском общении русские студенты предпочитают пассивные стратегии, отражающие низкий уровень заинтересованности

в собственном успехе (уступки и избегание), активным стратегиям, отражающим высокий уровень заинтересованности в собственном успехе (сотрудничество и соперничество). В отличие от них для представителей более индивидуалистической – американской – культуры характерны активные способы разрешения конфликтов: сотрудничество и конкуренция, причем как в деловом, так и в дружеском общении. В целом, в коллективистических культурах, о чем свидетельствуют результаты эмпирических исследований, в большей степени обнаруживается стремление либо учесть интересы другой стороны, либо избежать конфликта.

Д. Мацумото (Мацумото, 2002) провел анализ кросс-культурных исследований стратегий разрешения конфликтов. Трубиски, Тинг-Туми и Лин обнаружили, что тайваньские студенты при разрешении конфликтов между собой чаще прибегают к «уступкам», «уклонению», «компромиссам», «интеграции», чем американские. Исследования стратегий разрешения конфликтов студентами, проведенные в Мексике, США, Аргентине и Доминиканской республике показывают, что авторитарные решения наименее популярны в США и Аргентине, то есть в тех культурах, которые имеют низкий показатель дистанции по отношению к власти по Хофстеде. Моррис и его коллеги сравнивали использование студентами США, Филиппин, Гонконга и Индии стратегий соперничества и избегания. У американцев больше чем у других проявилось стремление к соперничеству, а у китайцев – стремление к избеганию конфликтов.

Проанализировав данные по 23 странам, ученые обнаружили, что количество межгрупповых разногласий, конфликтов выше в культурах с высокими показателями дистанции по отношению к власти.

Питер Б. Смит (Психология и культура, 2002. С. 618–622) отмечает, что проблема несочетаемости подходов к разрешению конфликтов может быть проиллюстрирована переговорами между израильтянами (индивидуалистическая культура) и арабами (коллективистская культура), в ходе которых обе стороны обвиняют друг друга в недобросовестности. Подход арабов к межличностным отношениям предполагает взаимозависимость, сотрудничество, уважение, участие, использование обходных путей, хитрость, экспансивность, намеки и метафоры. Израильтяне же, в отличие от них, часто используют подход к межличностным отношениям, предполагающий прямые, без обиняков, убедительные, настойчивые, неприукрашенные заявления. Столь разные подходы, возможно, являются помехой для переговоров и ведут к неудовлетворенности как процедурой, так и результатами ведения переговоров.

Имеющиеся эмпирические данные говорят о том, что на выбор стратегии разрешения конфликтов оказывает влияние уровень индивидуализма–коллективизма. Представители индивидуалистических культур обычно предпочитают такие стратегии разрешения конфликтов, которые характеризуются первоочередным вниманием к собственным интересам, тогда как коллективисты чаще предпочитают стратегии, предполагающие учет интересов членов ингруппы (своей). Однако когда противная сторона в конфликте представляет аутгруппу (чужой), представители коллективистской культуры могут выразить не меньшую озабоченность личными интересами, чем «индивидуалисты». В ряде исследований говорится о том, что выходцы из латиноамериканских коллективистских культур (Бразилия, Мексика) отдают более выраженное предпочтение стратегиям разрешения конфликтов, которые позволяют учитывать интересы противной стороны (сотрудничество и примирение), чем представители индивидуалистической культуры.

Эльсейд-Экоули и Буда в своих исследованиях отмечают, что представители коллективистских культур преимущественно избирают такую стратегию разрешения конфликта, которая предполагает учет интересов противной стороны. Арабские исполнительные власти чаще стремятся уклониться от конфликта и держатся менее властно,

чем американцы. Также было обнаружено, что в конфликтной ситуации японцы чаще стремятся избежать конфликта или использовать обходные пути (попытки внушить определенные мысли, снискать расположение, произвести впечатление, умиротворить противную сторону), тогда как американцы чаще прибегают к непосредственному воздействию (убеждение, заключение сделки или примирение). По сравнению с американцами, японцы реже открываются тем, чье поведение в повседневной жизни производит на них негативное впечатление. Чунг и Ли говорят о том, что японцы и корейцы при разрешении конфликтов реже прибегают к конфронтации, чем американцы. Тинг-Туми и соавторы считают, что американцы чаще используют состязательную стратегию и реже избегают конфликтов, чем японцы, корейцы, жители материкового Китая и Тайваня. Моррис, Уильяме и соавторы обнаружили, что китайские менеджеры чаще предпочитают избегать конфликтов по сравнению с менеджерами из США, Индии и Филиппин, в то время как менеджеры из США чаще применяют состязательный подход, чем менеджеры из Китая, Индии и Филиппин. Грэхэм, Минту и Роджерс обнаружили, что в восьми странах коллективизм связан с таким подходом к ведению переговоров, который характеризуется стремлением к сотрудничеству и готовностью учесть потребности другой стороны. Козан определяет поведение коллективистов при разрешении конфликтов как модель сохранения гармонии, а состязательный подход, который предпочитают индивидуалисты, как конфронтационную модель.

В работе Лейнга проводится разграничение подходов к представителям «своей» и «чужой» группы. Лейнг обнаружил, что, по сравнению с американцами, китайцы меньше вступают в споры с членами ингруппы (своей) и чаще полемизируют с представителями аутгруппы (чужой).

Кроме этого, как показывает анализ исследований, некоторым культурам свойственны специфические формы разрешения конфликтов, малопонятные и даже несправедливые с точки зрения представителей иных культурных групп. Хорошим примером является корейская циклическая структура разрешения конфликта, которая описана Хо и Парком; она представляет собой сочетание стремления к сохранению гармонии и конфронтации. Цикл состоит из четырех стадий: выстраивание контекста (поиск точек соприкосновения конфликтующих сторон, обмен информацией и создание эмоциональных связей), сглаживание (поиск решения, которое не оскорбит чувств противной стороны), принуждение (использование официальной и неофициальной власти, чтобы заставить другую сторону подчиниться и снятие напряжения. На этом этапе принято обращаться к влиятельным лицам, что связано с высокими показателями дистанции по отношению к власти в Корее) и, наконец, снятия напряжения (восстановление отношений между участниками конфликта. Обычными средствами достижения этой цели являются совместная выпивка и хоровое пение). Очевидно, что такая циклическая структура разрешения конфликта существенно отличается от состязательного подхода, к которому в конфликтных ситуациях прибегают американцы.

Другим примером культурно-специфичного подхода к разрешению конфликтов является принцип отказа от насилия, который использовал Ганди в борьбе против британского колониального режима. Этот принцип берет начало в буддизме, джайнизме, индуизме, санскрите и других индийских традициях и предполагает особое понимание процессуальной справедливости. Он предполагает соблюдение двух фундаментальных принципов, великое сострадание и великая мудрость. Этот подход воплощает глубокую эмоциональную связь и любовь по отношению ко всему живому и полный отказ от причинения вреда кому бы то ни было. Эти два принципа определяют три стадии процедуры разрешения конфликта. Первая стадия предполагает попытку переубедить другую сторону с помощью логических рассуждений. Если эти попытки терпят неудачу, на смену им приходит огорчение того, кто не смог переубедить оппонента. Цель выраже-

ния огорчения – вызвать у оппонента чувство вины и тем самым поставить оппонента в неблагоприятное в нравственном отношении положение, поскольку таким образом он причиняет ущерб незащищенным и не прибегающим к насилию людям. Если этот прием также не приводит к успеху, используются формы ненасильственного принуждения, такие как отказ от сотрудничества, гражданское неповиновение, бойкоты и голодовки. Данная стратегия строится на убеждении, что только мир и отказ от насилия могут остановить насилие.

С психологической точки зрения, данная стратегия предполагает, что при разрешении конфликтов решающими являются нравственные соображения.

Важным фактором, влияющим на результативность завершения конфликта, как показывает анализ литературы и практика, является участие третьей стороны в его урегулировании, или *медиация* (посредничество). Медиация – это специальный вид деятельности, заключающийся в оптимизации с участием третьей стороны процесса поиска конфликтующими сторонами решения проблемы, которое позволило бы прекратить конфликт. Медиация – один из наиболее древних способов разрешения конфликтов. Она существовала издавна в Китае, в странах Африки, где старейшины рода или племени выступали в качестве своеобразных профессиональных медиаторов, обеспечивая бесконфликтное решение проблемных и конфликтных ситуаций.

Участвующие в конфликте третьи лица могут играть роль арбитров или посредников. Функции третьих лиц могут быть различными – от консультативной и иной помощи в качестве посредников до принятия окончательного решения и вынесения приговора. Различные культурные группы по-разному подходят к определению роли третьей стороны. Если третьи лица отклоняются от предписанной культурой роли, это может восприниматься как нарушение принципов справедливости. Последние исследования говорят о том, что функции третьих лиц в определенной культуре связаны с показателями дистанции по отношению к власти. В тех обществах, где дистанция по отношению к власти значительна, вмешательство обладающих широкими полномочиями третьих лиц в разрешение конфликта считается более обоснованным, чем в тех обществах, где дистанция по отношению к власти невелика.

В Японии, стране, где дистанция по отношению к власти значительна, истцы и ответчики полагаются на судью, ожидая, что он приведет необходимые доводы, относящиеся к делу, и вынесет окончательное справедливое решение, в то время как в США, обществе, где дистанция по отношению к власти невелика, они рассчитывают на собственные силы, приводя относящиеся к делу доводы в свою пользу.

Тее, Фрэнсис и Уоллс обнаружили, что, по сравнению с руководящими работниками в Канаде, администраторы из Китая в конфликтных ситуациях чаще консультируются с вышестоящим начальством. Чунг и Ли обнаружили, что японцы и корейцы более охотно обращаются к влиятельным лицам для разрешения конфликтов, чем американцы. И наконец, проводя исследование 23 национальных групп, П.Б. Смит, Петерсон, Лейнги Дуган обнаружили, что в странах с высокими показателями дистанции по отношению к власти, испытуемые при разрешении конфликтов в рабочей группе менее охотно полагались на лиц одного с ними статуса и подчиненных.

В традиционной русской культуре также придавалось большое значение третьей стороне конфликта, не случайно крылатыми словами стала цитата из стихотворения Н.А. Некрасова «Забывтая деревня»: «Вот приедет барин – барин нас рассудит». Вместе с тем ход обсуждения должен привести школьников к пониманию того, что любой межличностный конфликт между представителями разных этнических общностей дол-

жен и может быть разрешен, причем стремиться необходимо к сотрудничеству, т.е. выработке такого решения проблемы, которое бы объединяло противоположные позиции или, в крайнем случае, к компромиссу между ними.

Особенности этнических конфликтов

Среди межгрупповых (или социальных в широком смысле слова) конфликтов обычно выделяют: политические конфликты, социально-экономические, этнические. Основные свойства этнических конфликтов роднят их с другими типами социальных конфликтов, так как в их основе лежит неравномерное распределение между группами власти, могущества и ресурсов. Е.В. Савва в своих исследованиях отмечает, что этнические конфликты – явление неизбежное в жизни общества. Особенность, отличающая их от других форм социального конфликта, состоит в том, что свое функциональное значение они могут выполнять лишь в той форме, когда они не перешли к открытому противостоянию. В современных условиях любой этнический конфликт приобретает форму этнополитического (Савва, 2002. С. 104–109).

По мнению В.А. Тишкова, в наши дни этнических конфликтов в «чистом» виде фактически не существует (Тишков, 1997). В реальности мы встречаемся с взаимопроникающими конфликтами, которые создают питательную среду друг для друга. Неудивительно, что даже специалисты-конфликтологи часто не могут прийти к единому мнению, с каким конфликтом имеют дело – с этническим в политическом камуфляже или наоборот. Видимо, к категории этнических можно отнести практически все открытые конфликты на территории бывшего СССР, поскольку: «в силу полиэтничного состава населения бывшего СССР и нынешних новых государств..., фактически любой внутренний конфликт, социально-экономический или политический по своей природе, обретает этническую окраску, что, как правило, углубляет и осложняет возникающие противоречия, придавая конфликтам дополнительный эмоциональный Фон» (Тишков, 1997, С. 304).

Особенности этнических конфликтов носят социокультурный характер из-за различий в языке, религии, обычаях и особенностях ментальности вовлеченных в конфликт этнических общностей. Например, в основе многих подобных конфликтов лежат разногласия по поводу использования языков и проведения языковой политики. Межэтническая напряженность очень часто сопровождается напряженностью межконфессиональной. Этнические конфликты обостряются из-за предпочтения вовлеченными в конфликт сторонами разных способов их урегулирования – в одной культуре могут предпочитать избегание конфликтов, а в другой – прямую конфронтацию.

Существуют самые разные классификации этнических конфликтов. Этнические конфликты можно разделить по формам противодействия (ненасильственные и насильственные); по целям, которые ставят перед собой вовлеченные в конфликты стороны в борьбе за ограниченные ресурсы, (социально-экономические, культурно-языковые, политические, территориальные).

Ю.Г. Запрудский (Запрудский, 2002. С. 24–31) выделяет типичные проявления этнической конфликтности.

1. Конфликты, возникающие на бытовой почве. Как правило, они возникают между представителями разных национальностей и формируются на основе этноцентризма. Также эти конфликты могут возникать между представителями одного этноса на субэтнической или родоплеменной основе. В большинстве случаев эти конфликты носят кратковременный и эпизодический характер.

2. Конфликты между представителями различных национальностей в полиэтническом государственно-национальном образовании. Как правило эти конфликты разворачиваются между представителями наиболее многочисленными этносами и национальными меньшинствами, между титульными нациями, между титульной и другими нациями. Эти конфликты имеют, как правило, свою историю, носят длительный характер.

3. Конфликты межгосударственного характера. К таким конфликтам можно отнести конфликт между Северной Осетией-Аланией и Ингушетией. Фактор этноцентризма не является здесь определяющим. Эти конфликты в определенной степени зависят от интересов и позиций, которые занимают политические элиты государств.

Конфликты между национально-государственными образованиями и политикой федерального центра. Такие конфликты носят, как правило, политический характер. Однако, по мере развития и длительного сохранения конфликтной напряженности национальные аспекты конфликтных отношений имеют тенденцию усиливать свое влияние, а иногда становятся определяющими в развитии событий.

Проанализировав существующие направления, концепции, теории, пытающиеся объяснить природу этнических конфликтов, В.А. Авксентьев (Авксентьев, 2002) выделяет наиболее значимые и классифицирует их. Например, примордиалистское направление, атрибутивные концепции этнического конфликта, где выделяются: историческая традиция, эволюционистская, социально-психологическая, антропологическая; «реалистические» концепции этнического конфликта; позитивные концепции этнического конфликта, концепция диффузии, предложенная М. Маршаллом.

В качестве одной из современных концепций этнического конфликта можно считать разработки Д. Сэндоула (Sandole, D.A.). Автор считает, что этнические конфликты, их причины и условия необходимо анализировать на 4 уровнях: а) индивидуальном, включающем биологию, физиологию, психологию человека; б) социентальном, включающем политические, экономические и социальные процессы; в) международном; г) глобально/экологическом.

Более того, каждый из четырех объяснительных уровней распадается на несколько подуровней. Индивидуальный уровень включает в себя такие подуровни, как биологический, психологический, познавательный, уровень диссонанса.

Характеризуя социентальный уровень анализа этнических конфликтов, Д. Сэндоул также обращает внимание на его сложную структуру, включающую наряду с материальными и иными «реалистическими» мотивами деятельности людей, также психологическую мотивацию, массовидные социально-психологические явления, в том числе этноцентризм.

На следующих двух уровнях (международном и глобально/экологическом) Д. Сэндоул делает акцент не только на природной среде обитания этносов, но и социокультурной среде, в которой функционируют этносы, социокультурном ландшафте.

На основе разработанной системы анализа ученый создал аналитическую модель, которую он обозначил как «три столпа анализа». Столп первый и центральный – это анализ структуры конфликта, которая включает определение: участников конфликта; проблемы, составляющие основу конфликта; целей, которые надеются достичь участники; их отношения к самому конфликту и тем методам, которыми можно с ним справиться; среда протекания конфликта. Столп второй – причины и условия конфликтов, которые анализируются на основе описанного выше многоуровневого подхода. Столп третий – действия третьей стороны в конфликте, формирование выхода из конфликта или его открытой фазы.

Социологи, политологи и этнологи, стремясь выделить конфликт из других близких феноменов, часто рассматривают его исключительно как реальную борьбу

между группами, как столкновение несовместимых действий, например, давая определение «этнического конфликта как любой формы гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны, или одна из сторон, мобилизуются, действуют или страдают по признаку этнических различий» (Тишков 1997, С. 476). При таком понимании конфликта он оказывается стадией крайнего обострения противоречий, проявляющейся в конфликтном поведении, и имеет точную дату начала – как начала противоборства.

На психологическом уровне любые конфликты проявляются в восприятии расхождения интересов (действительного или мнимого), что приводит к активизации социальной идентичности. С точки зрения психолога, учитывающего динамику конфликта, само противоречие между группами, имеющими несовместимые цели в борьбе за ограниченные ресурсы (территорию, власть, престиж), оказывается лишь одной из стадий конфликта – той стадией, которую называют объективной конфликтной ситуацией. Собственно говоря, на Земле почти повсюду существуют противоречия между этническими общностями – межэтническая напряженность в широком смысле слова. Без нее, к сожалению, не обходится ни одно полиэтническое общество. Чаще всего напряженность существует между доминантной этнической общностью и этническим меньшинством, но она может быть как открытой, проявляющейся в форме конфликтных действий, так и скрытой тлеющей. В последнем случае напряженность выражается в социальной конкуренции, достигаемой этноцентристским оценочным сравнением своей и чужой групп в пользу собственной.

Имеющиеся между группами противоречия, хотя и играют решающую роль среди причин конфликтных действий, не связаны с ними напрямую. С одной стороны, чтобы возникли конфликтные действия, противоречия между группами должны быть воспринимаемыми, но вовсе не обязательно реальными. Ложный конфликт, когда есть «осознание» несуществующих противоречий, может иметь самые тяжкие последствия. С другой стороны, далеко не всякое противоречие интересов разрастается в конфликтные действия. Иными словами, очень важна стадия осознания и эмоционального созревания конфликта. Пережитые «исторические несправедливости» вызывают у низкостатусных этнических меньшинств желание восстановить справедливость, но это не обязательно вызывает мгновенную реакцию. Чаще до начала конфликтного взаимодействия проходят многие годы, на протяжении которых этническая общность спланирует идею отмщения. Прошли многие столетия со времени изгнания евреев из земли обетованной, но именно этот факт явился обоснованием их многолетней борьбы за возвращение.

Если объективная конфликтная ситуация осознана, даже случайные события из-за присущей межэтническим отношениям эмоциональности, а порой и иррациональности, могут привести к конфликтному взаимодействию как наиболее острой стадии конфликта. Впрочем, даже при осознании ситуации как конфликтной, социальная конкуренция может и не вылиться в конфликтное взаимодействие, ведь, как правило, низкостатусные группы вступают в борьбу с высокостатусными, если они воспринимают межгрупповые отношения не только как незаконные, но и как нестабильные. Именно в ситуации нестабильности, вызванной развалом советской империи, настал самый удобный момент для «мщения» за «травмы», нанесенные на протяжении столетий практически всем народам бывшего СССР.

С точки зрения психолога, конфликт не только не начинается с началом конфликтных действий, но и не заканчивается с их окончанием. После завершения прямого противодействия – на этапе «зализывания ран» – конфликт может сохраняться в форме социальной конкуренции и проявляться в предубеждениях и образе врага. Даже в середине 90-х гг. 24% русских респондентов старше 60 лет, т.е. переживших войну,

соглашались с утверждением, что немцы – исконные враги русского народа (Здравомыслов, 1995).

Итак, этнический конфликт это любая конкуренция между группами – от реального противоборства за обладание ограниченными ресурсами до предполагаемого расхождения интересов – во всех тех случаях, когда в восприятии хотя бы одной из сторон противостоящая сторона определяется с точки зрения этнической принадлежности ее членов. (Стефаненко, 2004).

Сущность этномедиации⁹³

Этномедиация – это способ урегулирования конфликтов, вызванных межнациональными противоречиями, участниками которых могут быть отдельные лица или группы людей.

Сегодня этномедиация – это не модное поветрие, а настоятельное требование времени. В России проживают представители 193 национальностей. Учесть все интересы такого громадного количества этнокультур в полной мере невозможно. Это утопия. Но держать баланс равновесия интересов – вполне реально. И этномедиация здесь – настоящая «палка-выручалка». Подчеркнем, что спор между представителями двух разных культур, носителями двух разных языков – одна из самых сложных ситуаций для медиации. Здесь может проявиться весь спектр «классического», эмоционального и психологического непонимания между спорщиками. И этот спектр умножается непониманием речи и культурных конструкций, используемых оппонентами. Именно поэтому в настоящее время в области этномедиации существует огромная потребность не просто в квалифицированных кадрах специалистов по альтернативному урегулированию споров, а именно в профессиональных этномедиаторах.

В совершенстве овладеть этномедиацией можно, если:

- 1) Постоянно повышать уровень образования и самообразования.
- 2) Накапливать опыт общения с людьми разных национальностей.

Понятно, что знания в сфере этномедиации – это всегда хорошо! Но помимо профессиональных и этнокультурных знаний, медиатор должен обладать определенными качествами. Какие это качества? Это:

- а) обширные знания: в антропологии, социологии, психологии, религии, истории, лингвистике, культуре, философии, психодраме;
- б) склад ума и личные качества медиатора: умение слушать, вести переговоры, устанавливать контакт с собеседниками и выявлять спорные моменты;
- в) терпеливость, настойчивость и упорство.

И при всем при этом этномедиатор должен оставаться нейтральным и беспристрастным.

Некоторые технологии этномедиации

Конечно, говоря о современном опыте развития медиации в России, хочется подчеркнуть, что такой опыт только-только «набирает обороты». Но стоит отметить, что усилиями науки и общества данная тема внедряется в нашу жизнь. Какие важные мероприятия проведены в рамках развития медиации?

⁹³ При подготовке использована информация методического материала: «Этномедиация как фактор урегулирования споров в межнациональных отношениях: теория, современный опыт и практические технологии», автор Плотников Александр Дмитриевич – директор Ресурсного центра в сфере национальных отношений «Единство нации» Ассамблеи народов России, профессор кафедры социологии Московского гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор, специалист по проблемам этномедиации © А.Д. Плотников, 2016 г.

Таковыми важными мероприятиями являются:

а) принятие в 2010 г. Федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» – в стране была создана правовая база для применения медиации;

б) создание Федерального института медиации (ФИМ);

в) утверждение профессионального стандарта медиатора, что создает основу для дальнейшего развития медиации и профессионализации медиативной практики (в конце 2014 г.);

г) проведение 23–24 апреля 2015 г. в Москве первой Всероссийской конференции медиаторов и экспертов по альтернативным методам разрешения споров «Медиация: теория, практика, перспективы развития», организованной Федеральным институтом медиации (единственное в России государственное учреждение и национальный исследовательский центр в сфере медиации и альтернативных методов разрешения споров) совместно с Московским государственным юридическим университетом им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

Цель конференции – популяризация и развитие медиации как высокоэффективного инструмента урегулирования споров, активное введение медиации в жизнь современного общества в России, в сферу деловых отношений, консолидация сообщества профессиональных медиаторов;

д) практика применения медиации в различных сферах деятельности (в более чем 60 субъектах РФ сегодня ведется работа в сфере медиации), развитие профессионального сообщества медиаторов, которое признает важную роль института медиации для развития современного российского общества и дальнейшего улучшения правовой системы;

е) послании Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации в 2011 году, в котором говорилось о том, что медиацию необходимо активно развивать;

ж) справка Верховного суда Российской Федерации, в которой дается анализ практики применения судами Федерального закона о медиации за период с 2013 по 2014 год.

В частности, в названном документе подчеркивалось: «По российскому законодательству судьи обязаны предпринимать усилия, направленные на примирение сторон. И хотя статистики на этот счет пока не существует, однако механизм этот проработан и применяется».

Словом, говоря о практике развития медиации в России, следует подчеркнуть, что медиация является своеобразным последующим шагом в эволюции права, предлагающим наиболее совершенный инструмент урегулирования споров и конфликтов, значение которого трудно переоценить».

Несмотря на достигнутое, институт медиации в России находится еще на этапе становления. Для широкомасштабного развития медиативной практики, эффективного использования потенциала медиации необходим комплекс мер, включая совершенствование законодательства и популяризацию медиации среди различных социальных, профессиональных групп, бизнес-сообщества, этносреды и российского общества в целом.

Развитие медиации необходимо как каждому гражданину, так и государству.

Практические технологии

Практический багаж, освоение технологий осуществления медиатором процесса урегулирования спора приобретаются каждым медиатором самостоятельно в процессе освоения знаний и проведения процедур этномедиации. Однако есть некоторые общие подходы для овладения этномедиаторами практическими технологиями. Осветим несколько важных вопросов.

К чему должен стремиться этномедиатор с точки зрения общей технологии ведения процедуры этномедиации?

1. К определению взглядов обеих сторон на предмет конфликта. При этом медиатору важно понять участников спора, поставить себя на их место и разделить их проблемы, переживания и стремления. Несколько столетий назад один китайский философ спросил своих учеников: «Что нужно делать, чтобы нарисовать бамбук?» Ни один из ответов не удовлетворил учителя. Философ заявил: «Единственный способ нарисовать бамбук – это созерцать его до тех пор, пока вы сами не превратитесь в бамбук. И только тогда вы сможете его нарисовать». Этномедиатор должен «превратиться» в каждую из спорящих сторон.

2. К активной коммуникации с участниками конфликта при проведении медиации. Коммуникация включает в себя не только слова и звуки, но и многие другие, не менее важные составляющие, такие как язык тела, жестикуляция. Мимика, манера одеваться, украшения и макияж. Даже не произнося ни слова, мы транслируем окружающим определенные сведения о себе. Особо подчеркнем, что вряд ли можно при отсутствии эмпирических исследований, научных публикаций и экспертных оценок утверждать существование универсальной для всех культур системы невербальной коммуникации. При этом имеется еще меньше оснований делать вывод, что профессиональный этномедиатор способен сканировать и правильно истолковать невербальные послания спорящих сторон, чья культура ему незнакома. В подавляющем большинстве случаев непонимание и некорректная интерпретация невербальных сигналов, исходящих от участников этноконфликта, будет негативно сказываться на эффективности разрешения спора.

Пример: Человеку, скрестившему руки на груди, приписывается бессознательное выражение агрессии, враждебности, стремления защититься, неприязни, пренебрежения, возражения или непочтительности.

Однако реальная ситуация во время этномедиации может не иметь ничего общего с этими наивными объяснениями. В азиатской и восточных культурах поза со скрещенными руками демонстрирует самое почтительное, смиренное, покорное, уступчивое и сговорчивое отношение. С того момента, как ребенок способен обучаться, родители и другие взрослые в восточных и азиатских странах обязательно показывают ему, как нужно приветствовать людей: сложить руки и наклонить голову в знак уважения и покорности.

Вот два примера о том, как по-разному приветствовали президента Южной Кореи госпожу Пак Кын Хе два известных американца: Билл Гейтс и Марк Цукерберг (руководитель компании Facebook). Эти эпизоды вызвали бурную реакцию в прессе, как возмущенную, так и восторженную. В апреле 2013 года на саммите в Корее Билл Гейтс поприветствовал госпожу Пак Кын Хе рукопожатием, оставив левую руку в кармане.

Для представителей азиатской культуры, особенно, для корейцев этот жест является проявлением грубого и неуважительного отношения.

Два месяца спустя Марк Цукерберг приветствовал Президента Южной Кореи, пожав ей руку и слегка наклонив голову. При этом придерживал левой рукой запястье правой. Это было проявление высшей степени уважения.

Вывод: важно во время этномедиации особое внимание обращать на чувства и эмоции сторон, проявление ими национально-культурных особенностей. Дело в том, что участники не просто приходят на процедуру медиации с конкретным спорным вопросом, они бессознательно привносят в процесс медиации свои неконтролируемые чувства и личные проблемы, уходящие корнями в их культуру.

3. К установлению общих интересов. Признание этих интересов в начале дискуссии может напомнить сторонам о том, что данные интересы подвергаются риску.

4. К формулированию спорных интересов.

5. К обозначению проблем, выносимых на обсуждение. Так чтобы не выразить особого расположения ни к одной из сторон. Постановка и правильное формулирование проблемы – это первый шаг к улучшению понимания и созданию обстановки, в которой возможно разрешение проблемы.

Общий вывод: Овладевая общими технологиями этномедиатора, необходимо знать социокультурные особенности представителей народов, которые проходят процедуру этномедиации, учитывать данные особенности и следовать правилам ведения процедуры этномедиации.

Ролевая игра «Разрешение конфликтов»

Преподаватель предлагает каждому участнику самостоятельно прочитать текст предложенной истории.

История про Крокодилову реку

Однажды жила женщина по имени Абигаль. Она была влюблена в человека по имени Грегор. Он жил на одном берегу реки, а Абигаль жила на противоположном берегу реки. Река, разделявшая их, кишела прожорливыми аллигаторами. Абигаль очень хотела перебраться через реку.

К сожалению, мост через реку был смыт наводнением. Поэтому Абигаль пошла к Синбаду, он был капитаном корабля, и попросила перевезти ее через реку. Он сказал, что готов ей помочь, если она согласится провести с ним ночь, как условие для перевозки. Абигаль тут же отказалась и пошла к Ване и рассказала о своей дилемме, но она не получила никакого совета в сложившейся ситуации.

Абигаль чувствовала, что нет альтернативы, и она должна принять условие Синбада. Синбад, в свою очередь, сдержал также слово и доставил ее к Грегору. Когда она рассказала Грегору о своем путешествии и всем, что было с ним связано, Грегор прогнал ее с презрением.

Абигаль вернулась домой с разбитым сердцем опечаленная. Она рассказала Слаг свою историю. Слаг, чувствуя сострадание к Абигаль, нашел Грегора и побил его. На закате дня слышался смех Абигаль.

Далее, на основе возникшего эмоционально-рационального отношения, каждый член группы заполняет первый столбец таблицы. Всех героев необходимо расположить в графах таблицы, соответствующих рангам от 1 до 5. Первый ранг присваивается герою, который вызывает наибольшую симпатию, пятый – соответственно герою, вызывающему наименьшую симпатию (пример, см. таблицу 1). Тексты истории и бланки с таблицей раздаются участникам заранее.

Таблица 1

	1 (самостоятельное решение)	2 (решение после 1-го обсуждения в паре)	3 (решение после 2-го обсуждения в паре)	4 (решение после 3-го обсуждения в паре)	5 (решение после дополнительной информации)
1 ранг	Слаг				
2 ранг	Абигаль				
3 ранг	Вана				
4 ранг	Грегор				
5 ранг	Синбад				

После индивидуального заполнения таблицы преподаватель предлагает заполнить общую таблицу всей группе. При этом подсчитываются только крайние варианты ответов (количество 1-х рангов, и количество 5-х рангов) (см. таблицу 2, она может быть заранее расчерчена на ватмане или доске).

Таблица 2

Герои	1 (на основе самостоятельного решения каждого члена группы)		2 (на основе решений после 1-го обсуждения в парах)		3 (на основе решений после 2-го обсуждения в парах)		4 (на основе решения после 3-го обсуждения в парах)		5 (на основе решений после дополнительной информации)	
	Количество человек, поставивших героя на 1-е место	Количество человек, поставивших героя на последнее место	Количество человек, поставивших героя на 1-е место	Количество человек, поставивших героя на последнее место	Количество человек, поставивших героя на 1-е место	Количество человек, поставивших героя на последнее место	Количество человек, поставивших героя на 1-е место	Количество человек, поставивших героя на последнее место	Количество человек, поставивших героя на 1-е место	Количество человек, поставивших героя на последнее место
Абигаль	0	2								
Грегор	2	1								
Синбад	0	5								
Вана	2	2								
Слаг	7	1								

После этого преподаватель предлагает участникам обсудить историю в парах. Группа разбивается на пары, происходит обсуждение, в ходе которого задача участников попытаться убедить собеседника в правильности своей позиции, используя различные доводы. После обсуждения опять происходит расстановка рангов в индивидуальных таблицах, далее общие результаты заносятся в итоговую таблицу.

Далее проходит обсуждение, в ходе которого члены группы делятся своими впечатлениями, кому удалось переубедить собеседника, кому – не удалось, пытаются найти причины. Если происходит изменение позиции, то обсуждается причина этого. Далее участники создают другие пары. Обсуждение проводится снова с той же целью. Такое обсуждение может происходить 3–4 раза, после каждого обсуждения заполняются индивидуальные и итоговая таблицы.

После заполнения таблицы полностью преподаватель делит группу на две подгруппы и дает задание одной подгруппе описать только положительные качества каждого героя, а второй – только отрицательные. Далее идет обсуждение, каждая группа должна аргументировать выделенные качества, попытаться обосновать их.

Опыт показывает, что в группах одна и та же информация при обсуждении используется для выделения явно противоположных качеств.

Тренер предлагает обсудить: с чем это связано? Как правило, группа выдвигает предположения: с установкой, недостаточным количеством информации, использованием личного опыта и др.

Далее преподаватель сообщает некую дополнительную информацию (она может быть придумана тренером): Абигаль – это 70-летняя женщина, Грегор – 26-летний

мужчина. Вана – женщина. Слаг – одноногий калека, Синбад – 40-летний мужчина. После этой информации опять идет обсуждение в группе, отношение к героям ранжируется, итоги записываются в индивидуальные таблицы и в общую.

Опыт показал, что позиция группы в ходе обсуждения стала более категоричной. После дополнительной информации стали работать новые стереотипы.

После этого преподаватель отходит от обсуждения основной истории и предлагает группе обсудить проблему, которая вскрылась в ходе игры. В нашем случае это была проблема чести. В принципе может обсуждаться любая проблема, которая касалась содержательного аспекта обсуждения.

В нашем случае обсуждалась проблема: «Что такое честь?». Группа делится на подгруппы по 4–5 человек. Каждая из подгрупп сначала обсуждает эту проблему, затем представитель каждой подгруппы выносит мнение его подгруппы на обсуждение группы в целом.

После этого преподаватель предлагает продолжить обсуждение ситуации про Крокодилову реку. Участникам предлагается продолжение истории (история раздается каждому участнику индивидуально).

Кризис в Аллигатортауне

Однажды, после событий на Крокодиловой реке, мост, в конце концов, был построен, и жизнь, казалось бы, вернулась к нормальному течению в Аллигатортауне.

Синбад имел больше свободного времени, поскольку мост был восстановлен, и никого не надо было перевозить. Он коротал время в местной пивнушке, рассказывая различные случаи из жизни своим друзьям. Рассказал он и историю с Абигаль и также о моментах, которые они провели вместе.

Абигаль узнала, что ее частная жизнь стала публичным моментом обсуждения. Это задело ее честь и она пошла в полицию и подала иск на Синбада. Грегор также пошел в полицию и подал заявление на Слага за насилие. Слаг, в свою очередь, заявил, что Грегор первым начал все и пошел в клинику для освидетельствования, чтобы обезопасить себя.

Сын Синбада был сильно избит в школьном дворе, зрители также пострадали в потасовке. Слухи начали циркулировать, что это избивание произошло не случайно и этнически мотивировано. Зориане (этническая группа, к которой принадлежала семья Синбада) и другие группы национальных меньшинств города требовали расследования инцидента.

В городе начало расти напряжение по мере того, как люди принимали ту или иную сторону. По вечерам на углах начали собираться сторонники той или иной группы. Обстановка накалялась.

Вана, главный администратор в мэрии, доложила об опасной ситуации мэру и он вызвал дополнительный отряд полиции из центра. Центр посоветовал провести совещание до того, как предпринимать какие-либо действия.

Мэр, обеспокоенный нагнетанием конфликта, созвал совещание советников.

После ознакомления с ситуацией участникам группы предлагается обсудить данный конфликт, проанализировав его по схеме: основные действующие лица; ключевые моменты спора; мотивы участников; история данного конфликта; фазы конфликта; современная ситуация конфликта.

Далее преподаватель предлагает группе разбиться на подгруппы по 4 человека. Задача – распределив роли (Грегор, Слаг, нейтральная сторона, наблюдатель), провести переговоры. Слаг и Грегор разыгрывают роли из предложенной ролевой игры,

нейтральная сторона организует их взаимодействие, наблюдатель фиксирует позиции сторон, действия посредника. Далее идет обсуждение в группе. Сначала высказываются все «Слаги» и «Грегоры», потом «нейтральная сторона». В заключении наблюдатели рассказывают об увиденном и услышанном, делают выводы о возможных стратегиях поведения каждой из сторон, ошибках нейтральной стороны. Далее желательно, чтобы в подгруппах каждый побывал во всех предложенных ролях (можно сначала все побыть во всех ролях, а затем обсуждение). После этого тренер предлагает всей группе поучаствовать в переговорном процессе. Выбирается Слаг, Грегор, «нейтральная сторона». Остальные участники группы являются наблюдателями. Желательно на роль «нейтральной стороны» выбрать либо компетентного человека в области конфликтологии либо имеющего успешный опыт посреднической деятельности. После этого в группе проходит обсуждение по схеме, описанной выше.

Информация к ролевой игре «Грегор и Слаг»

Что знают все:

Грегор заявил в полицию на избиение Слагом. Слаг заявил, что Грегор начал первым и пошел в клинику взять документ, чтобы обезопасить себя. Суд имел новую практику ведения дел, которая была согласована и одобрена обеими сторонами.

Грегор и Слаг знали друг друга практически всю жизнь. Они ходили в одну школу, но были из разных социальных слоев и никогда не уживались.

Грегор проживал на Аллигаторских высотах и его отец был владельцем компании, которая была основным работодателем в Аллигатортауне.

Слаг был безработный с того момента, когда мост был построен. У Слага никогда не было проблем с полицией, и он не стоял на учете.

Предлагаемые позиции Грегора и Слага

Грегор	Слаг
Ты разбил мне лицо, и я уверен, что выиграю дело в суде	Я только пришел сказать тебе, что ты за скотина. Ты сам это начал. Я только дал отпор.
Тебе-то что	Ты не понял Абигаль
Ты ненавидишь меня все эти годы	Ты отбил у меня мою девушку в школе
Почему ты не станешь работать вместо того, чтобы сидеть на пособии (Грегор опасается шантажа)	Ты богатый сноб и тебе не надо работать (Слаг должен быть жестким, это как психологическая защита безработного)

Возможный общий интерес:

Вероятность попадания Слага в тюрьму очень мала. Однако, если он будет поставлен на учет в полицию, получение работы станет проблематичным. Несомненно, что Грегор был избит, однако не ясно насколько он невиновен. Грегор тратит много денег на анонимное лечение, и его отец, вероятно, хотел бы знать, куда сын тратит его деньги. Грегор не хочет, естественно, чтобы отец это узнал.

Роль медиатора (нейтральной стороны)

1. Приветствует (с уважением и вниманием), объясняет свою роль, основные правила переговоров, приглашает к началу переговоров.

2. Подбадривает участников вопросами об истории конфликта, чувствах участников, общих интересах.

3. Активно слушает, подбадривает стороны активно слушать друг друга, улучшает положительную энергию.

4. Не судья и не советчик. Медиатор имеет мандат на помощь в проведении процесса (ответственность за процесс, а не результат).

5. Поддерживает процесс ориентированный на позитив (безопасное место проведения).

Лист наблюдения за деятельностью «нейтральной стороны» в процессе переговоров (для наблюдателя).

1. Место (подготовка комнаты), позиция (расположение стульев), присутствие (представление).

2. Представление и основные правила (представление, объявление своей роли, просьба представиться стороны, объяснение процесса и хода медиации, получение поручений и разрешения, получение согласия с основными правилами).

3. Создание атмосферы безопасности и доброжелательности (напоминание при необходимости основных правил, поддержание своего авторитета, открытость «нейтральной стороны», уважительное обращение к участникам).

4. Умение слушать (эффективное слушание, помощь сторонам в том, чтобы слушать друг друга, оказывать признание идеям и чувствам).

5. Регламентация процесса (следить больше не за содержанием, а за процессом, высказывать рассуждения без осуждения, направление процесса, а не результата).

После проведения переговоров в группе проводится общее обсуждение результатов игры.

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: концепции и тенденции развития // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование технологии разрешения. Вып 18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – 468 с. С.15–39.

Гришина Н.В. Психология конфликта. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000. – 464 с.

Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. Учебное пособие для студентов психологических и этнологических специальностей. М. Старый сад, 1998, 316 с.

Лебедева Н.М., О.В. Лунева, Т.Г. Стефаненко, М.Ю.: Тренинг этнической толерантности для школьников. Учебное пособие для студентов психологических специальностей. М.: «Привет», 2004. – 358 с.

Лебедева Н.М. Социально-психологические и индивидуально-личностные факторы этнической толерантности-интолерантности в межкультурном диалоге / Межкультурный диалог: Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия / под ред. М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, Н.М. Лебедевой. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 406 с.

Мацумото Д. Психология и культура. – СПб: Прайм ЕВРОЗНАК, 2002. – 416 с.

Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. – СПб.: ПИТЕР, 2003

Савва Е.В. Этнический и этнополитический конфликт: проблемы построения теоретической модели// Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование технологии разрешения. Вып 18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – 468 с. С. 104–109.

Солдатова Г.У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания // Познание и общение. – М., 1988.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М., 2004.

Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997.

Фишер Р., Юрии У. Путь к согласию или переговоры без поражения. – М.: Наука, 1990. – 158 с.

Sandole D.A. Comprehensive Mapping of Conflict and Conflict Resolution: A Three Pillar Approach; available from <http://www.gmu.edu/academic/pcs/sandole>; Sandole D. Capturing the Complexity of Conflict.

Раздел 3. Коммуникативная компетентность медиатора: теория и практика

Тема 3.1. Основы коммуникативной компетентности личности, коммуникативная компетентность и грамотность медиатора

сост. Лукашевич Е.В.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ **Коммуникативная компетенция** предполагает: 1) наличие знаний, умений, навыков в области теории и практики коммуникации; 2) владение всеми видами речевой деятельности, основами культуры устной и письменной речи, умениями и навыками использования вербальных и невербальных средств в различных сферах и ситуациях общения, соответствующих опыту, интересам, психологическим особенностям личности.
- ✓ **Коммуникативная компетентность** – соответствие результатов коммуникативной деятельности предъявляемым в той или иной сфере коммуникации требованиям, существующим стандартам и т.п.
- ✓ Коммуникативная компетентность личности проявляется в соответствии результатов коммуникативной деятельности предъявляемым в той или иной сфере коммуникации требованиям, существующим стандартам и т.п. Сформированная коммуникативная компетентность личности в сфере межкультурной коммуникации предполагает овладение языковой, культурной, социолингвистической, дискурсивной, когнитивно-коммуникативной и психологической компетенциями, которые найдут применение во всех видах речевой деятельности, актуальных для этой сферы. В перспективе важно сформулировать набор субкомпетенций для определения когнитивного (что надо знать), операционального (как реализовать на практике), мотивационно-ценностного (совершенствование, потребность в росте и развитии в межкультурной сфере) и позиционно-ценностного (в чем проявляется отношение к межкультурной деятельности) аспектов диагностики сформированности межкультурной компетенции.

В настоящее время нет единых общепринятых определений терминов «коммуникация» и «межкультурная коммуникация». Для целей нашего междисциплинарного и практико-ориентированного подхода в качестве рабочих мы используем следующие дефиниции.

Коммуникация – это когнитивное, эмоциональное, поведенческое взаимодействие, в результате которого коммуниканты влияют друг на друга (Клюканов, 2005).

Межкультурная коммуникация – общение людей, представляющих разные культуры (Тер-Минасова, 2008. С. 13).

Межкультурная коммуникация – адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам (Верещагин, Костомаров, 1973. Цит. по: Тер-Минасова, 2008. С. 13).

Межнациональная коммуникация – общение представителей народов разных культур / наций в разных ситуациях как формальных, так и неформальных (Словарь терминов межкультурной коммуникации, 2017. С. 173).

Межкультурный диалог понимается как открытый и уважительный обмен мнениями на основе взаимопонимания и уважения между отдельными людьми, а также

группами людей различной этнической, культурной, религиозной и языковой принадлежности, имеющими разные исторические корни («Белая книга» по межкультурному диалогу, 2008. С. 13).

Межкультурная компетенция – совокупность **языковой, культурной, социолингвистической, дискурсивной, когнитивно-коммуникативной и психологической компетенций**, включающая критическое культурное осознание, культурную чувствительность и толерантность, единство знаний и умений, которые дают возможность сравнивать и выводить суждения, адекватно воспринимать и оценивать ситуацию общения, использовать именно те вербальные, паравербальные и невербальные средства, которые соответствуют коммуникативным намерениям и способствуют коммуникативному взаимодействию, критерий которого – адекватная обратная связь. Способность общаться с представителями других культур, принимать и понимать их различия, отстраняясь от негативного отношения (предвзвешенных, агрессии и т.д.). Знание себя и других, умение уважать **ценности**, убеждения, поведение других. Способность быть гибким и открытым для других культур (Словарь терминов межкультурной коммуникации, 2017. С. 178–179).

Цели коммуникации:

1. Информационная цель – донести информацию до собеседника и получить подтверждение, что она получена.

2. Предметная цель – что-либо получить, узнать, изменить в поведении собеседника.

3. Коммуникативная цель – сформировать определенные отношения с собеседником (установить – развить – поддержать контакт и т.д.) (Стернин, 2012. С. 51).

И.А. Стернин различает эффективное и результативное взаимодействие. Если достигнуты все цели, коммуникация наиболее эффективна. Эффективность равна нулю, если не достигнута информационная цель.

Недостижение коммуникативной цели (отношения с собеседником нарушены, их продолжение оказывается под вопросом) делает взаимодействие также неэффективным, так как нарушается коммуникативное равновесие – одно из важнейших условий эффективности речевого взаимодействия. Коммуникативное равновесие позволяет достичь эффективности коммуникации и в случае, если предметная цель по объективным причинам, не зависящим от собеседников, не может быть достигнута. Результативной, но неэффективной коммуникация будет в ситуации, если предметная и информационная цели реализованы, но коммуникативное равновесие нарушено.

В этом случае говорят о **коммуникативной неудаче**. Результатом неудачи является непонимание или неприятие партнера по коммуникации. т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего, несоответствие реакции слушающего коммуникативным ожиданиям говорящего.

Разновидностью коммуникативной неудачи является **коммуникативное самоубийство** – грубая ошибка, допущенная в общении, которая делает его заведомо неэффективным (Стернин, 2012. С. 47).

Причины, обуславливающие коммуникативные неудачи, разделяют на экстралингвистические и лингвистические (Эффективное речевое общение, 2014. С. 224).

Экстралингвистическими причинами коммуникативных неудач являются *различия в картинах мира, сформированные разными национальными культурами участников коммуникации*; несовпадение оценок явлений действительности; неудачный выбор места, времени и обстановки общения; нарушение или неверный выбор поведенческих стереотипов (в т.ч. национально-культурных, этикетных); эмоциональная несдержанность говорящего; общение без учёта эмоционального состояния партнёра; неверно выбранная коммуникативная роль; неправильное понимание речевого намерения парт-

нёра по общению; акустические недостатки в произнесении речи; отсутствие коммуникативной заинтересованности и др.

Лингвистическими причинами коммуникативных неудач являются неточности и недосказанности при выражении мыслей; избыточная метафоричность; двусмысленность высказывания; использование непонятных иноязычных слов и терминов; использование очевидных манипулятивных речевых приёмов; неадекватная передача чужой речи; незнание или неучёт культурных, социальных, гендерных, возрастных, территориальных особенностей речи; неуместное словотворчество; неоправданное многословие; неоправданный эллипсис; ошибки в использовании невербальных средств; неправильное произношение; использование инвектив; неправильный выбор речевого жанра и стиля общения; невладение речевым этикетом и др.

Соответственно, можно выделить следующие неблагоприятные **факторы**, приводящие к коммуникативной неудаче:

- чужая / иная коммуникативная среда (степень знакомства, национально-культурная специфика, половозрастные различия, разный социальный статус и др.);
- нарушение коммуникативного равновесия, деструктивное коммуникативное поведение;
- нарушение этико-речевых норм (нарушение принципов кооперации и вежливости);
- нарушение языковых норм.

Коммуникация основывается на ценностях, правилах, нормах, моделях поведения, статусах и ролях субъектов коммуникации. Все эти факторы формализуются в определенный статус людей, обеспечивающих функционирование системы коммуникаций.

К основным **коммуникативным барьерам** относятся:

Барьер «авторитет». Авторитетность зависит от следующих факторов: социального статуса, привлекательного внешнего вида, доброжелательного отношения к адресату воздействия (улыбка, приветливость, простота в обращении и др.); компетентности; искренности, причем если слушающий доверяет говорящему, то он очень хорошо воспринимает и запоминает выводы и практически не обращает внимания на ход рассуждений.

Барьер непонимания. Зачастую источник информации заслуживает доверия, авторитетен, однако информация «не доходит» (не слышим, не видим, не понимаем). Обычно выделяют четыре барьера непонимания: *фонетический*, *смысловой* (значение слов), *стилистический* (стилистика – стиль изложения, соответствие формы и содержания), *логический*.

Барьер «избегание». Человек уклоняется от контакта с собеседником, прилагает все усилия, чтобы не воспринимать сообщение (невнимателен, не слушает, не смотрит на собеседника, использует любой предлог для прекращения разговора).

В зависимости от достигнутых целей коммуникации выделяют три основных результата коммуникации: 1) изменения в знаниях адресата (когнитивный); 2) изменение установок адресата, его мировоззрения, оценок и т.п. (когнитивный + эмоциональный); 3) изменение поведения получателя сообщения (поведенческий).

Эффективность и результативность коммуникации во многом обусловлены **коммуникативной позицией говорящего**, которая определяется не только степенью социокультурной, коммуникативной влияния, авторитетности собеседников, но и ситуацией общения, ресурсами, намерениями и целями коммуникантов. Коммуникативная позиция человека может меняться в разных ситуациях общения, и даже в одной коммуникативной ситуации. Она может быть сильной и слабой в зависимости от стату-

са, традиций, возраста, пола и т.п. Свою коммуникативную позицию любой человек может изменить (усилить / ослабить) – сознательно используя специальные приемы (Стернин, 2012. С. 46).

Важной составляющей национального коммуникативного сознания, во многом определяющей коммуникативное поведение народа, является **коммуникативный идеал** (Стернин, 2012. С. 129). Он включает стереотипное представление об идеальном собеседнике, которое рассматривается как совокупность признаков, социально одобряемых, обеспечивающих положительное отношение к собеседнику, желание вступать с ним в коммуникативный контакт, поддерживать отношения.

И.А. Стернин экспериментально (анкетирование учителей, преподавателей, студентов) выявил русский коммуникативный идеал: русское коммуникативное сознание, по его мнению, ищет идеал в толерантном собеседнике, в таком, который выполнял бы роль внимательного, вежливого **слушателя** (умеет слушать, вежливый, воспитанный, с хорошими манерами, тактичный, не грубый, культурно говорит, понимающий, доброжелательный, умеет не спорить, соглашаться, не навязывает свою точку зрения, спокойный, сдержанный и т.д.) (Стернин, 2001. С. 165). Идеальный оратор – «это прежде всего опрятно одетый, умный, обаятельный мужчина лет сорока, который говорит громко, коротко, эмоционально и с юмором». Идеальное выступление – это краткое, доступное аудитории, интересное, с жизненными примерами, эмоциональное и правильно построенное (Там же).

Ср. в связи с этим идею А.К. Михальской о риторическом идеале, когда эффективность общения определяется не по количеству и качеству переданной информации, а по степени «подлинного взаимопонимания между коммуникантами и проявляется в чувстве радости от общения» (Михальская, 1998. С. 290–291). А.К. Михальская подчеркивает значимость риторического правила: мы слышим не речь, а человека, который говорит. Поэтому выбор говорящим той или иной формы выражения «дает слушателю информацию о говорящем – что он за человек, как он относится к собеседнику, предмету речи и пр.» (Михальская, 1998. С. 335).

Мы считаем, что в результатах эксперимента отражен «способ видения мира, реализуемый в самых разнообразных (не только вербальных) практиках, следовательно, не только отражающий мир, но и проектирующий и сотворяющий его» (Дзялошинский, 2015. С. 16). Бытийно выявленный идеал не совпадает с декларативным представлением об идеале коммуникации: «возможность для любого участника коммуникации свободно выражать свои мысли и чувства, а также критически и аргументированно освещать позиции других участников общения» (Клюканов, 2005. С. 61).

Речевой / коммуникативный имидж – это образ, формируемый человеком с помощью вербальных и невербальных языковых средств для создания определенного впечатления о себе. Его составными элементами являются: 1) языковая компетенция, т.е. знание норм орфоэпических, лексических, грамматических; 2) знание норм этикета: речевого этикета («не будь категоричен», «не говори неприятностей собеседнику», «будь точен»), этикета внешнего вида, поведения; 3) умение «исполнять» типичные коммуникативные роли (с учетом сферы, ситуации общения, типа адресата и т.п.); 4) речевая мобильность и самостоятельность – умение порождать тексты в соответствии с определенным заданием.

Типы общения (Стернин, 2001. С. 11–20).

По степени официальности различают официальное и неофициальное общение. Официальное общение – с соблюдением всех правил и формальностей, ведется в официальных (формальных) коммуникативных ситуациях. В официальном общении роли общающихся достаточно четко определены, обусловлены социальным статусом. Неофициальное общение не предполагает соблюдения статусных норм, в его рамках мож-

но общаться, проявляя инициативу, нарушая или не соблюдая многие официальные нормы. Неофициальное общение в обиходно-бытовой сфере предполагает большую степень свободы говорящего в выборе языковых средств.

По степени свободы выбора темы – открытое / закрытое / смешанное

Закрытое общение. Важно придерживаться темы и соблюдать форму и правила, принятые для данного типа общения в определенной социальной среде или группе. К закрытому общению прибегают в тех случаях, когда собеседники мало знакомы, у них различается уровень знаний или компетентности, собеседники неприятны друг другу и т.д. Переход на закрытое общение в конфликтных ситуациях позволяет прекратить конфликт либо просто уклониться от него. При открытом общении предметная ситуация открыта, можно избирать любые темы, можно выражать свою точку зрения, оспаривать точку зрения собеседника. При открытом общении проявляется взаимная готовность собеседников выслушать друг друга, готовность учесть точку зрения собеседника. В русском коммуникативном поведении типичный тип открытого общения – традиционный русский разговор по душам. Русский человек традиционно стремится к открытому общению и не любит закрытое.

Смешанное общение обычно асимметрично: один из собеседников ведет себя по правилам открытого общения, а другой – в силу тех или иных причин вынужден придерживаться правил закрытого общения. Собеседники могут быть неравноправны в выборе тем, высказывании своей точки зрения, выборе форм выражения мысли в силу разного служебного, профессионального, возрастного или социального положения, пола или других факторов.

По свободе выбора партнера. Инициативное общение основывается на свободном выборе собеседника. Принудительное общение предполагает, что человек вынужден общаться с кем-либо, независимо от интереса к этому человеку, испытываемых к нему чувств и т.д.

По степени проявления личности. При обезличенном общении человек реализует некие социальные или коммуникативные роли, индивидуальные качества собеседника не важны. Личностное общение предполагает выявление в общении личности человека, проявление интереса к нему как к индивидуальности. Степень глубины такого общения может быть различна.

Резюмируя, подчеркнем, что коммуникативная компетентность личности проявляется в соответствии результатов коммуникативной деятельности предъявляемым в той или иной сфере коммуникации требованиям, существующим стандартам и т.п. Сформированная коммуникативная компетентность личности в сфере межкультурной коммуникации предполагает овладение языковой, культурной, социолингвистической, дискурсивной, когнитивно-коммуникативной и психологической компетенциями, которые найдут применение во всех видах речевой деятельности, актуальных для этой сферы. В перспективе важно сформулировать набор субкомпетенций для определения когнитивного (что надо знать), операционального (как реализовать на практике), мотивационно-ценностного (совершенствование, потребность в росте и развитии в межкультурной сфере) и позиционно-ценностного (в чем проявляется отношение к межкультурной деятельности) аспектов диагностики сформированности межкультурной компетенции.

В связи с тем, что понятие «коммуникативная компетенция» относится к междисциплинарным (филология, психология, социология и др.), его объем существенно отличается в зависимости от подхода. В данном пособии **коммуникативно-речевая компетенция**, вслед за А.П. Сковородниковым (Эффективное речевое общение, 2014. С. 225), рассматривается как одна из базовых компетенций в составе интегральной культурно-речевой компетенции. Её содержание непосредственно связано с прагмати-

кой речевого общения, т.е. с обменом мыслями, передачей информации при помощи языка. Коммуникативно-речевая компетенция представляет собой совокупность следующих основных субкомпетенций.

Нормативно-прагматическая субкомпетенция предполагает владение коммуникативными нормами, коммуникативными постулатами, коммуникативными качествами речи, жанровой нормой, стилистической, речевой нормой, а также умение строить и корректировать свою речь в соответствии с содержанием этих понятий.

Информационная субкомпетенция подразумевает хорошее знание предмета речи, фактологическую точность, а также владение современными информационными технологиями.

Тактико-стратегическая субкомпетенция заключается в умении выбирать коммуникативные стратегии и тактики, соответствующие целеполаганию адресанта и характеру коммуникативной ситуации.

Жанрово-стилистическая субкомпетенция заключается в построении речи на основе понятия уместности речи – соответствии содержания и формы речи авторскому целеполаганию и коммуникативной ситуации (адресату – его социальному положению, уровню образования, профессии, национальным особенностям, психологическому состоянию, каналам передачи и восприятия информации), от которых зависит выбор стиля, жанра речи и соответствующих языковых средств.

Логико-аргументативная субкомпетенция предполагает соблюдение качества логичности речи, т.е. законов и правил формальной логики, а также правил рациональной аргументации. Эта субкомпетенция эксплуатирует постулат релевантности (Не отклоняйся от темы!) и частично постулат манеры (Говори коротко, ясно и последовательно!).

Эристическая субкомпетенция включает знание основ теории спора, умения и навыки его конструктивного ведения. Кроме того, эта субкомпетенция предполагает знание типичных барьеров общения, конфликтогенных ситуаций и умение их предупредить, а в случае возникновения – оптимальным образом преодолевать; знание приёмов речевой манипуляции сознанием и поведением людей (для обеспечения личной и коллективной информационной безопасности); умение противостоять манипулятивно-воздействию в бытовой и идеологической сферах общения.

Ораторологическая субкомпетенция – совокупность знаний и, прежде всего, умений и навыков, необходимых для успешного публичного выступления.

Важным для ораторологической субкомпетенции являются знание невербальных средств общения и практические навыки их использования.

Экспрессивная субкомпетенция – знание основных языковых/речевых средств, которые позволяют говорящему выразить субъективное отношение к содержанию или адресату речи, т.е. сделать речь экспрессивной, а также умения и навыки эффективного использования этих средств, включая тропы, стилистические фигуры и другие средства речевого воздействия.

Перцептивно-рефлексивная субкомпетенция – умение слушать и слышать собеседника при толерантном отношении к нему, не переходящем в беспринципность, а также анализировать свою и чужую речь, оценивать её с точки зрения эффективности и этичности.

Эрратологическая субкомпетенция заключается в умении видеть, квалифицировать (определять тип) и исправлять разного рода коммуникативные ошибки и недочёты.

Перечень субкомпетенций, составляющих содержание коммуникативно-речевую компетенцию, является открытым, здесь перечислены и кратко охарактеризованы основные. В зависимости от понимания объёма понятия «коммуникация» состав компонентов коммуникативной компетенции меняется (Эффективное речевое общение, 2014. С. 225–226).

Коммуникативная грамотность – это совокупность коммуникативных знаний, умений и навыков человека, позволяющих ему эффективно общаться в стандартных коммуникативных ситуациях в письменной и устной форме.

Коммуникативная грамотность включает два уровня:

1) нормы устного и письменного общения в стандартных коммуникативных ситуациях, то есть речевой этикет («как принято общаться»);

2) правила и приемы эффективной коммуникации в стандартных коммуникативных ситуациях («как лучше общаться») (Стернин, 2012. С. 43).

В основу принципов и правил общения положены взаимообусловленные постулаты: 1) ориентировка на собеседника, доверие и внимание к его авторитету и статусу, к его коммуникативным намерениям; 2) соблюдение вежливости и правил речевого этикета; 3) оптимальное воздействие на собеседника; 4) обоснованность речевого поведения коммуникативной ситуацией; 5) возможность выбора речевого поведения и смены стратегий и тактик по ходу общения; 6) возможность гибкости моделей речевого поведения (изменение стиля, кода, темы, тактик и т.п.) (Эффективная коммуникация, 2005. С. 512).

Проведение семинаров по межкультурной коммуникации требует от медиатора владения на высоком уровне коммуникативными компетенциями, максимальной отдачей и опыта межкультурного взаимодействия.

Гибкая структура межкультурного образования, акцент на неформальном и информальном подходах к обучению позволяют медиатору эффективно работать с аудиторией, импровизируя и применяя индивидуальный подход и нейтралитет. Поэтому важно, чтобы медиатор имел высокий уровень речевой и общей культуры, рефлексивный тип интеллекта, был некатегоричным в оценках, соблюдал основные этико-речевые нормы, нормы речевого этикета

В обязанности медиатора входит установление своеобразного кодекса коммуникативного поведения в группе, который позволит участникам эффективно общаться, делиться опытом, обсуждать проблемы, уважая других и прислушиваясь к их мнению.

Среди основных принципов грамотного коммуникативного поведения медиатора назовем следующие:

- планируйте межкультурную коммуникацию исходя из конкретных ожиданий и интересов участников;
- четко сформулируйте общую цель и задачи на определенных этапах;
- организуйте работу группы, предоставив необходимую информацию, консультируйте по ходу работы, мотивируйте;
- не отмалчивайтесь в сложных ситуациях, но и не заполняйте собой всю дискуссию, говорите только тогда, когда этого ждут другие;
- будьте искренними; постарайтесь установить доверительные отношения в группе, создать рабочую обстановку, поддерживать интерес (люди продуктивно работают тогда, когда для них это действительно важно);
- если кто-то в группе не успевает за общим ходом работы, поддержите этого участника;
- подробно обсуждайте и оценивайте каждый этап семинара, дискуссии с участниками;
- собирайте как можно более полную информацию о том, как участники планируют применить полученный опыт.

Обучение равных равными основано на сознательной и свободной коммуникации участников межкультурного образования. Обучение через обмен опытом позволяет значительно ускорить этот процесс с помощью медиатора, который сам является образцом толерантности, межкультурной компетентности и коммуникативной грамотности.

Тема 3.2. Анализ коммуникативных ситуаций

сост. Лукашевич Е.В.

Коммуникативная ситуация включает совокупность факторов / условий / обстоятельств / событий и др., которые характеризуют участников коммуникации и обуславливают определенный тип коммуникативного поведения адресата и адресанта. Структура коммуникативной ситуации предполагает наличие следующих компонентов: 1) говорящий (адресант); 2) слушающий (адресат); 3) отношения между говорящим и слушающим; 4) тональность общения; 5) цель; 6) средство общения (вербальные и невербальные средства); 7) способ общения (устный / письменный, контактный / дистантный); 8) место общения (Боева-Омелечко, 2004; Словарь терминов межкультурной коммуникации, 2017. С. 167).

Коммуникативная ситуация – одна из составляющих речевого общения, представляющая собой совокупность речевых и неречевых условий, необходимых для осуществления речевого действия. Основные параметры речевой ситуации: участники (адресант и адресат); предмет речи; цели, задачи речи; сфера речевого общения; обстоятельства (место, время, устная или письменная речь, присутствующие при общении люди и др.); жанр (урок, проповедь, доклад и др.); эффективность речи; код (язык, стиль и др.); социальные связи и личные отношения между говорящими; их социальные роли; канал связи (акустический/визуальный) (Эффективное речевое общение, 2014. С. 226).

Анализ речевой ситуации с учётом её основных параметров помогает понять смысл сообщения, его цель, выявить причинно-следственные отношения между данным высказыванием и другими событиями, в т.ч. речевыми, и избежать коммуникативных неудач. Тип речевой ситуации (официальное/неофициальное общение; бытовое/деловое и др.), цели и задачи речи диктуют соблюдение определённых правил ведения разговора и требуют особых форм выражения содержания. На выбор языковых средств также влияют социальный статус, социальные и психологические роли собеседников. Для достижения эффективного общения необходим быстрый и верный выбор языковых средств, соответствующих данной речевой ситуации

Цель комплексного анализа коммуникативной ситуации – 1) выявить уровень знаний, умений, навыков в области теории и практики коммуникации; 2) проверить владение всеми видами речевой деятельности, основами культуры устной и письменной речи, умениями и навыками использования вербальных и невербальных средств в различных сферах и ситуациях общения, соответствующих опыту, интересам, психологическим особенностям личности; 3) проверить умение проводить коммуникативный анализ образцов общения, на практике применять свои знания для мотивированной оценки наблюдаемой коммуникативной деятельности.

Схема комплексного анализа коммуникативной ситуации (И.А. Стернин, 2013. С. 3–4)

1. Сформулируйте цели каждого из участников коммуникации в данном фрагменте. Меняются ли цели по ходу общения? Как?

Персонаж А – предметная цель – коммуникативная цель

Персонаж Б – предметная цель – коммуникативная цель

2. Охарактеризуйте типы общения, происходящего между участниками коммуникации: а) официальное / неофициальное, б) инициативное / принудительное, в) личностное / обезличенное, г) открытое / закрытое / смешанное, д) прямое / косвенное, е) кратковременное / длительное. Изменяется ли тип общения по ходу анализируемого фрагмента?

3. Охарактеризуйте языковой паспорт персонажей. Допускают ли они речевые ошибки, нарушают ли нормы культуры речи? Как персонажей характеризует их речь?

4. Охарактеризуйте соблюдение каждым и персонажей этикетных норм, укажите на нарушения:

- Этикет внешнего вида: персонаж А персонаж Б.
- Речевой этикет: персонаж А персонаж Б.
- Этикет поведения: персонаж А персонаж Б.

5. Охарактеризуйте роли, реализуемые персонажами в анализируемом фрагменте (социальные и коммуникативные). Изменяются ли коммуникативные роли по ходу фрагмента?

6. Проведите транзакционный анализ общения персонажей (по Э. Берну).

7. Перечислите речевые игры, обнаруживающиеся в общении персонажей.

8. Найдите примеры косвенного общения в анализируемом фрагменте. Интерпретируйте косвенный смысл высказываний.

9. Найдите во фрагменте проявления действия тех или иных законов общения, подтвердите примером.

10. Охарактеризуйте невербальное поведение персонажей. Каков объем использования персонажами невербальных средств общения? Что персонажи сигнализируют невербально, как они пользуются невербальными средствами?

11. Охарактеризуйте соблюдение персонажами соблюдения универсальных принципов бесконфликтного общения, приведите примеры.

12. Приведите примеры правил и приемов речевого воздействия, используемых персонажами: персонаж А – персонаж Б.

13. Какими правилами речевого воздействия на определенную категорию собеседников пользуются персонажи (какие приемы воздействия на мужчин, женщин, старших, младших, образованных и необразованных и т.д. они используют?).

Образец текста для анализа коммуникативной ситуации:

Арбатская Юлия

Как живется в Москве женщинам разных национальностей: 5 реальных историй [<https://lady.mail.ru/article/495823-kak-zhivetsja-v-moskve-zhenshhinam-raznyh-natsionalnostej-5-realnyh-istorij/>]

Мы попросили нескольких женщин разных национальностей рассказать, как им живется в Москве и как часто они слышат в свой адрес фразу: «Понаехали тут!»

Вероника Пак (39), кореянка, директор коммуникационного агентства VP Agency

Я наполовину кореянка, наполовину русская, но еще в моих венах течет немного чешской крови. Родилась я в Узбекистане, в маленьком городе на границе с Афганистаном – Фергане.

Где бы в мире я ни находилась, я везде одновременно и своя, и чужая. Для корейцев я не совсем своя, потому что больше русская, чем надо. А для русских (в большей степени москвичей) я нахожусь в кругу «черножопи». Кавказские мужчины, судя по вопросам, принимают меня за узбечку, казашку, якутку, бурятку, еврейку, чувашку. А в Азии (Гонконге, например) – я китайская топ-модель (хе-хе-хе).

Мне кажется, что бессознательный национализм – естественная черта любого народа без исключения. Это совершенно нормально — пытаться

сохранить свою идентичность и культуру, которая часто состоит в том числе и из витиеватых, но бессмысленных суеверий. Всем проще держать границу, если иметь какие-то ориентиры в этом потоке хаотичных и противоречивых характеристик из Интернета и телевизора.

Возможно, моя уже привычная настороженность – тоже иллюзия. И я совсем не вызываю ни у кого никаких националистических порывов. Борюсь с этой иллюзией уже 20 с лишним лет, с тех пор, как оказалась в Москве. Но почти каждый день я объясняю окружающим природу своего появления на свет. Папа – кореец, мама – русская. Я продукт советской истории. Да, продукт непонятный. И однажды в 90-е меня избили скинхеды недалеко от дома, потому что приняли за «чеченку» (тогда шла чеченская война).

Но это лишь темная сторона жизни, которая есть у каждого жителя мегаполиса – тревога и незащищенность в бесконечном шуме борьбы за блага и любовь.

Я лучше расскажу, что для меня значит быть корейкой. Это очень классное состояние для девушки, словно у тебя есть внутренний Джеки Чан (хотя он китаец. – Прим. ред.).

Я наблюдала за своими мадами (тетушками – очень важное слово семейной иерархии) в разные периоды их жизни и всегда испытывала к ним большое уважение. Во-первых, они все были щеголихи! Во-вторых, они умели волшебным образом объединяться и решать важные дела: будь то коррекция бракоразводного процесса и право на свадьбу для старшего сына; организация под ключ жизненно важных ивентов – 1 годик ребенку, хангаби – или игра в хато, а по-простому игра в корейские карты. И еще они умели заставлять мужчин зарабатывать деньги. В том числе и своим примером.

И главное. Мне кажется, на их почти нестареющих корейских лицах совсем не было уныния, несмотря на переезд в Россию и все связанные с этим потери. Они не рефлексировали о прошлом и будущем, а просто делали десятки мелких салатных, и не только, бизнесов одновременно. И после 12-часового рабочего дня еще успевали читать книжки. Они были чрезвычайно эффективны. Их дети должны были получать пятерки и расцветать талантами, независимо от жилищных условий. За умение учиться и переносить стресс без потери работоспособности спасибо моему папе.

Я не верю в национализм, но верю в национальную психологию: традиции за тысячу лет стали генетической памятью, которая помогла и будет помогать выжить, отличить своих от иных и понять преимущества некоторых моментов воспитания. С детства внушается: ты должен быть лучшим во всем, должен добиться успеха. Потому что неудачливый корейский старший сын (старшая дочь, ежели сыновей не было, должна доказать, что она лучше своего отца) – это нонсенс. Человек не может предать свой род, он должен всем помочь встать на ноги, жениться, получить образование и сыграть хангаби. И нельзя никак свернуть с этого пути.

Заключение – в свободной форме. Необходимо охарактеризовать коммуникативные позиции персонажей – у кого они сильнее, у кого слабее, как коммуникативные позиции меняются в ходе общения, кто достигает, а кто не достигает поставленных целей и каких, кто эффективнее использует правила и приемы общения (Стернин, 2013. С. 3–4).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взаимосвязь ценностей, принципов и методов межкультурного образования наиболее четко прослеживается в межкультурной коммуникации всех заинтересованных сторон. Обсуждение вопросов культурной идентичности, знакомство с национально-культурной спецификой разных наций и народов затрагивают глубинные сферы нашего мировоззрения и миропонимания. Вторжение в эту сферу неподготовленных участников социума может повлечь за собой самые разнообразные последствия: от открытых и позитивных до максимально негативных и агрессивных. Межкультурная компетенция (как совокупность языковой, культурной, социолингвистической, дискурсивной, когнитивно-коммуникативной и психологической компетенций) в значительной степени основывается на коммуникативной компетенции личности. Соответственно, сознательное овладение всеми видами речевой деятельности, умениями и навыками использования вербальных и невербальных средств в различных сферах и ситуациях общения, соответствующих опыту, интересам, психологическим особенностям личности, является необходимым условием межкультурного образования.

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

к темам 3.1 – 3.2

- «Белая книга» по межкультурному диалогу. Страсбург: Совет Европы, 2008.
- Боева-Омелечко Н.Б. Краткий толковый словарь социолингвистических терминов. М.: Готика, 2004. Режим доступа: <https://www.psyoffice.ru/slovar-s214.htm>.
- Дзялошинский И.М. Современное медиапространство России. М.: ЗАО Изд-во «Аспект-Пресс», 2015. 318 с.
- Жукова И.Н. и др. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, З.Г. Прошина, М.Г. Лебедько, Н.Г. Юзефович. М.: Флинта, 2017. 632 с.
- Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория. М.: Издат. центр «Академия», 1998. 432 с.
- Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
- Клюев Е.В. Речевая коммуникация. М.: Рипол Классик, 2002. 320 с.
- Клюканов И.Э. Теория коммуникации как область исследования // Вестник Тверского гос. университета. Тверь, 2005. № 1. Вып. 2. С. 56 – 66.
- Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова и др. М.: Флинта; Наука, 2003. 840 с.
- Стернин И.А. Анализ коммуникативных ситуаций. Воронеж: Истоки, 2013. 50 с.
- Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. 252 с.
- Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Воронеж: Истоки, 2012. 178 с.
- Стернин И.А. Русский коммуникативный идеал и толерантность // Языковое сознание и образ мира: Сб. научных статей. М., 2000. С. 163–166.
- Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур : учеб. пособие. М.: АСТ, Астрель, Хранитель, 2007. 286 с.
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2008. Режим доступа: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785211054721.html>.
- Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М.: ООО Агентство «КРПА Олимп», 2005. 960 с.
- Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Сковородникова. Электрон. дан. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. 852 с. Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I; 128 Mb RAM; Windows 98/XP/7; Adobe Reader V8.0 и выше. Загл. с экрана.

Тема 3.3. Этнокультурная компетентность и условия ее формирования⁹⁴

сост. Ноянзина О.Е.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ Этнокультурная компетентность – это свойство личности, выражающееся в наличии совокупности объективных представлений и знаний о той или иной этнической культуре, реализующейся через умения, навыки и модели поведения, способствующие эффективному межэтническому взаимопониманию и взаимодействию.
- ✓ Цель этнокультурной компетентности имеет как внешнюю, так и внутреннюю направленность. Внешняя цель этнокультурной компетентности как общественного явления состоит в стабилизации межнациональных отношений и учете этнических особенностей, интересов каждого народа, в стремлении к межкультурному диалогу. Этнокультурная компетентность дает возможность этническим общностям понять друг друга.
- ✓ Внутренняя целевая направленность этнокультурной компетентности заключается не только в том, что ученик должен быть «держателем» акций-знаний в области этнокультуры, но и их активным пользователем, т.е. не подстраивать свое поведение под других людей и обстоятельства, а творчески взаимодействовать с ними. В виду этого ему, с одной стороны, необходимо овладеть нормами и ценностями своего этноса, а также знаниями и представлениями об образе жизни народов, составляющих этнокультурное окружение.

Этнокультурная компетентность предполагает готовность к преодолению трудностей в коммуникативных и иных формах взаимодействия с представителями различных этнических общностей, а именно:

- непредвзятость позиции при оценке других людей, их национально-психологических особенностей;
- преодоление своих этноцентристских тенденций и предубеждений, по снижению своей и чужой напряженности при взаимодействиях;
- способность эмоционально, участливо и тактично откликаться на запросы, интересы и поступки людей других культур и народов.

Траектория формирования этнокультурной компетентности представляет собой введение ребенка изначально в родную этническую культуру, затем в культуру российскую и, наконец, в мировую.

В качестве механизмов формирования этнокультурной компетентности у детей выступают обучение, воспитание, деятельность, общение. Формирование навыков межэтнического взаимопонимания и взаимодействия может также осуществляться посредством тренинга этнокультурной компетентности, деловых и ролевых игр.

Одним из приоритетных педагогических условий формирования этнокультурной компетентности является введение этнокультурного компонента в содержание образования. Правовой основой этнокультурного образования школы с полиэтническим составом учащихся являются Конституция и Закон «Об образовании» Российской Федерации. Закон устанавливает государственные образовательные стандарты, включающие

⁹⁴ При подготовке темы использованы материалы издания: Галяпина В.Н., Поштарева Т.В. Этнопедагогические и этнопсихологические аспекты профессиональной педагогической деятельности: Курс лекций / Учеб. Пособие для студентов педагог. Учеб. Заведений и слушателей ФПК и ИПК. В 3-х частях. – Ставрополь: Изд-во СКИПКРО, 2004.

федеральный и национально-региональный компоненты. Это дает возможность субъектам РФ обогащать содержание образования за счет включения в него материала, отражающего культурное достояние народа, региональные особенности развития культуры.

Анализ нормативных документов, теории и практики образования позволяют выделить пять моделей введения национально-регионального компонента в содержание общего образования: межпредметную, модульную, монопредметную, комплексную и дополняющую.

Межпредметная модель включает национально-региональный компонент в содержание образования путем равномерного распределения соответствующего материала по всем учебным предметам общеобразовательной школы. Вопросы национального и регионального своеобразия культуры, социально-экономические проблемы региона рассматриваются здесь в русле общего содержания и рассредоточены по разным темам.

Модульная модель национально-регионального компонента общего образования реализуется посредством включения в учебные дисциплины гуманитарного цикла специальных тем (модулей), которые отражают этнокультурное своеобразие региона.

Монопредметная модель предполагает углубленное изучение школьниками этнической культуры, родного языка, истории, географии республики (региона) на специально выделенных для этой цели учебных предметах.

Комплексная модель реализуется в виде интегративных курсов, в которых отдельные аспекты национальной культуры могут быть представлены во взаимосвязи истории или краеведения, русской и родной литературы, биологии и экологии и т.д.

Дополняющая модель представляет реализацию национально-регионального компонента в ходе внеклассных и внешкольных мероприятий.

Основу этнокультурного образования составляют гуманитарные дисциплины. Они представлены *систематическими учебными курсами* отечественной истории (Например, «История армянского народа»), этнического (родного) языка и литературы (монопредметная модель).

В образовательном процессе также находит применение модульная модель национально-регионального компонента. *Отдельные темы*, отражающие этнокультурное своеобразие, могут быть *интегрированы в учебные дисциплины*.

Например, «Музыка» – народные песни славян и народов Кавказа; «Изобразительное искусство» – китайская живопись, гжельская роспись и т.д.; «Технология» – украшение костюма, резьба по дереву и т.д.; «Физкультура» – народные игры, родина спортивных игр (футбол, лыжный спорт и т.д.).

Этнокультурная направленность содержания образования реализуется в ходе изучения школьниками *специализированных курсов* на выбор по темам: «Традиция и культура родного края», «История родного народа», «Национальное искусство», «Этнопедагогика», «История, литература, культура родного народа», «Народные промыслы», «Художественно-прикладной труд», «Экология родного края» и др., а также *интегрированных курсов* «Культура народов Северного Кавказа», «Религиозная культура народов России», «История мировых религий».

Промежуточное положение между национальной и вненациональной образовательными подсистемами занимают география и биология. Эти предметы дают ученику знания о той стране, в которой он родился и живет, о ее климатических условиях и природных богатствах, промышленности и сельском хозяйстве, роли и месте в мировой экономике, о проблемах экологии и т.д. География и биология формируют ту естественнонаучную мировоззренческую основу, без которой трудно себе представить прочное знание отечественной культуры. Например, курсы «Флора и фауна региона», «География региона».

С целью гармонизации межэтнических отношений, создания нормальной социально-этнической и психологической атмосферы в образовательных учреждениях необходимо вовлекать воспитанников в многоплановые учебные и внеучебные виды деятельности.

Во-первых, **серьезным преобразованиям должны быть подвергнуты предметы гуманитарного и общественного циклов:**

- расширение информации о жизни, культуре, традициях, быте народов мира;
- обсуждение вопросов урегулирования конфликтов на различных уровнях путем снижения агрессивности решения спорных вопросов с помощью переговоров и дискуссий;
- исследовательская деятельность учащихся в аспекте диалога культур;
- исключение материалов унижающих другие нации и этносоциумы, оскорбляющие их достоинство, формирующие у детей негативное отношение к другому народу.

С этой целью проводятся:

1. **Организация встреч в иными культурами в специально подготовленной, педагогизированной среде.**

Организовать встречи школьников с иными культурами можно двумя различными, относительно самостоятельными, но взаимодополняющими путями:

- *использование в педагогической практике ситуаций непосредственных встреч ребенка с представителями иных культур, организуемых во время самостоятельных туристско-краеведческих экспедиций;*
- *встречи школьников с иными культурами могут быть смоделированы педагогом в специальных игровых ситуациях, где уже сами подростки берут на себя роли представителей различных культур и, стараясь удерживать свою новую культурную позицию (что, конечно, требует от них основательной подготовки к игре), вступают в предусмотренный игровым сценарием «межкультурный» диалог по каким-либо проблемам.*

Подобные игровые ситуации можно организовать в рамках обычных школьных занятий. Большим потенциалом здесь обладают уроки истории, обществознания, граждановедения, литературы, МХК, иностранного языка, географии, а также факультативы или кружки гуманитарной направленности и классные часы.

Например:

Игра «Законы для» (.... – название вымышленной страны), моделирующая переговоры представителей христианского и мусульманского населения вымышленной страны. В игре обсуждаются проблемы, которые могут возникать в подобном государстве, и способы их решения.

Игра «Встреча миров», моделирующая встречу жителей Старого и Нового света в так называемую «эпоху великих географических открытий» и разворачивающая межкультурный диалог, отражающий различие взглядов европейцев и местных жителей на эти открытия.

2. Следующим условием является **проблематизация отношения к представителям иных культур**. Проблематизация – это искусственно создаваемая для воспитанников проблемная ситуация, направленная на выявление возможных противоречий в их отношении к иным культурам, позволяющая им обнаружить и преодолеть собственные стереотипы, предрассудки, которые ранее, быть может, и не осознавались ими.

Например, можно выйти на проблему этнических стереотипов в оценке людей или организовать ситуацию, в которой ученики оказываются в позиции этнического меньшинства, объекта дискриминации.

3. **Организация проблемных дискуссий.** Речь здесь уже идет не об игровом диалоге ролей, а о межличностном общении по той или иной проблеме полиэтнического общества. Оно позволяет подростку соотнести собственное отношение к иным культурам со взглядами и мнениями сверстников. Иногда – способствует коррекции этих отношений, так как мнение сверстников, очень весомое для детей подросткового возраста, может стать источником изменения их собственных взглядов.

Примерные темы дискуссий, которые так же, как и игровые занятия, могут быть встроены в учебный процесс: «Понятие «национальная принадлежность» – необходимо ли оно в современном мире?»; «Для кого написан учебник истории Отечества?».

Дискуссия по теме «Понятие «национальная принадлежность» – необходимо ли оно в современном мире?» может разворачиваться вокруг таких вопросов: «Насколько важно это понятие для современного человека?»; «Как вы ответите на этот вопрос, если мы будем говорить о чувстве национальной принадлежности национальных меньшинств и чувстве национальной принадлежности доминирующей национальности?»; «Для кого из них это чувство будет более значимым и почему?»; «Существует ли граница между национальной гордостью и национализмом и насколько она прочна в реальной жизни?»; «Всегда ли верны национальные стереотипы?»; «Кто должен определять национальную принадлежность и что вы думаете о смешанных семьях?»

4. **Организация процесса рефлексии своего отношения к представителям иных культур.** Формирующаяся в проблемных дискуссиях со сверстниками, в организуемых педагогом проблематизирующих ситуациях, в межкультурных диалогах позиция ребенка в отношении представителей иных культур должна быть осмыслена им. Рефлексия позволяет подростку оформить свою собственную позицию в сфере межкультурных отношений. А это в свою очередь открывает перед ним перспективу сделать эту позицию предметом осознанного и целенаправленного преобразования, то есть заняться самовоспитанием.

Активизировать процесс рефлексии можно *используя устные формы* – инициируемые вопросами свободные высказывания по итогам какого-либо занятия, отражающие впечатления, переживания, мнения (например, «После занятия Ваше первоначальное мнение по данной проблеме: утвердилось, немного изменилось или полностью поменялось? Что этому способствовало?») или выступления по предложенному шаблону (например, завершение начатой фразы: «Люди, не принадлежащие моей культуре, на мой взгляд, ...»).

Письменные формы рефлексии предполагают большую искренность – это написание небольших сочинений-размышлений, выступающих в качестве подведения итогов тех или иных педагогических событий. Например, «Как, на Ваш взгляд, нужно преподавать историю в классах, где обучаются представители разных национальностей или религий?»; «Должно ли государство придерживаться концепции культурного плюрализма?».

Необходимо также *оказание помощи школьникам в овладении ими умениями критически мыслить, вести диалог, анализировать свою и чужие точки зрения.* Это позволит научиться оценивать обоснованность и достоверность тех или иных суждений, договариваться и находить компромиссные решения, преодолеть боязнь того, что его точка зрения не совпадает с иным мнением.

Для решения этой задачи можно организовывать специальные тренинги, способствующие развитию этих умений.

Во-вторых, целесообразно **организовать уроки и недели мира и дружбы**, на которых дети приобщаются к идеям добра и взаимной приязни независимо от национальности:

- празднование памятных дат исторического значения, юбилеев выдающихся деятелей культуры, литературы, науки и народных героев;
- организация фестивалей, олимпиад, выставок по этнической культуре, соревнований по национальным видам спорта и играм;
- проведение фольклорных концертов, вечеров и театрализованных представлений;
- организация конкурсов на лучшее приготовление национальных блюд;
- встречи с историками, этнографами, представителями различных этнических диаспор, участие в дискуссиях;
- выпуск информационных бюллетеней, тематических газет;
- экскурсии этнокультурного содержания;
- налаживание связей с общественными и государственными организациями занимающихся проблемами межкультурного общения;
- проведение народных праздников и другие мероприятия.

В-третьих, **в учебных планах и программах художественно-эстетического цикла необходимо предусмотреть:**

- знакомство детей с народными промыслами, декоративно-прикладными видами искусства, с творчеством национальных художников и музыкантов;
- исполнение народных песен и танцев;
- посещение тематических (этнографических) выставок, музеев и др.

В-четвертых, **практическое обучение**, ориентированное на преодоление трудностей в коммуникативных и иных формах взаимодействия с членами различных этнических общностей и повышение межкультурной сензитивности, призваны обеспечить тренинги, деловые и ролевые игры.

Таким образом, в содержании образования просматриваются две концепции. Одна из них исходит из понимания школы, где имеются автономные блоки, включающие сумму этнокультурных знаний о том или ином народе. Подобное образовательное учреждение рассматривается как средство трансляции духовных ценностей родной культуры, формирования национального характера и самосознания. Другая концепция предлагает организовывать деятельность полиэтнической школы как движение воспитанника – носителя родной культуры – к культуре российской и мировой. Через национальную культуру – к общечеловеческим ценностям, к содружеству всех народов – такова должна быть основная идея образования в России.

Дети должны знать *ведущие признаки народа*: название, язык, этническая территория (родина), антропологический тип (внешность), традиционно-бытовая культура (культура), этническое самосознание (познание того, что ты являешься частью какого-либо народа).

Ознакомления со страной и народом может происходить по следующей схеме:

- географические границы страны;
- природные условия: климат, растительный и животный мир;
- основные хозяйственные занятия людей и традиционные ремесла в прошлом и настоящем;
- типы поселений, хозяйственные и жилые постройки, предметы быта;
- расовый тип (в пределах больших рас);
- внешний облик: национальная одежда, украшения и аксессуары, прическа;
- национальная еда и способы приготовления и употребления пищи;
- способы и средства передвижения;

- этикет в культуре общения: невербальное общение, отношение к старшим, к родителям, взаимоотношение полов, гостеприимство, застолье, формулы приветствия, прощания, поведение гостя и хозяев и т. д.;
- религиозно-мифологические представления;
- народные обычаи, обряды и праздники;
- устное поэтическое творчество: сказки, пословицы, детский фольклор и фольклор для детей;
- декоративно-прикладное и современное искусство народов;
- музыкально-хореографические традиции народов;
- народные игры и игрушки.

В целом, при ознакомлении детей с этнокультурным многообразием необходимо, во-первых, *показать различия* внешнего облика людей, между вербальным и невербальным общением, ценностями и нормами, во-вторых, *выявить сходство* различных культур и их проявлений и, в-третьих, *определить общечеловеческие ценности*.

Для примера остановимся на языковом аспекте. Почти во всех образовательных учреждениях есть дети, для которых русский язык не является родным. Для многих беженцев и вынужденных переселенцев не владение русским языком является проблемой, из-за которой они, а тем более их дети не могут полноценно адаптироваться в новой этнокультурной среде. Именно русский язык выполняет функции коммуникативного средства между людьми разных национальностей и повышения культуры их общения. Поэтому особое внимание в дошкольном образовательном учреждении должно быть уделено направлению по работе с детьми-билингвами. Необходимо отметить, что «языковая» тематика требует серьезного и кропотливого изучения. Мы же рассмотрим лишь два вопроса, первый из которых касается проблемы овладения иноязычным ребенком русским языком, его коммуникативной стороной и второй – многообразие языков, их сходства и различия.

В семьях мигрантов, беженцев часто наблюдается ситуация когда один из родителей, а часто и живущие вместе с ребенком другие родственники говорят не на русском языке. То есть папа, например, плохо говорит по-русски, мама – хорошо, бабушка и двоюродные братья и сестры говорят и на своем родном языке, и на «контактных» разновидностях русского – на русском с ошибками в произношении, лексике, грамматике. Таким образом, ребенок вырастает в окружении, где образцы правильного русского языка смешаны с иными его вариантами.

В связи с этим педагоги должны быть готовы к работе с двуязычными семьями. Во-первых, в таких условиях воспитателям необходимо предложить родителям соблюдать дома принцип «один язык – одно лицо», т.е. когда каждый из родителей говорит только на своем языке.

Во-вторых, помимо стихийного овладения детьми русским языком в различных видах деятельности или общения со сверстниками должно быть налажено и целенаправленное обучение, где правила устанавливает педагог, он же определяет характер и регулирует «поступление» языка. Но вначале важно сделать пребывание ребенка в детском саду комфортным – приласкать его, уделить ему повышенное внимание, постараться удовлетворить его витальные потребности. Для этого, прежде всего, необходимо научить его пользоваться туалетом, просить пить, объяснять, тепло ему или холодно, что у него болит, чего он хочет.

Затем обучение в речевом плане должно быть организовано так же, как и с детьми только начинающими овладевать речью: в ответ на просьбу воспитателя показывать на игрушку, предмет, находить, а затем и называть нужное, обозначать искомое. Все манипуляции с предметами необходимо комментировать, объяснять, многократно повторять. Просить детей рассказывать, что они делают, задавать им вопросы, просить

повторить или уточнить ответы. При обучении русскому языку педагогу важно побеспокоиться о создании хорошо организованной ориентировочной основы, такого способа подачи материала, который обеспечивает поисковую активность и добровольную учебу в творческом режиме. Важно также модифицировать словесный материал в систему непосредственных чувственных образов, слитность которых способно активизировать эмоциональные реакции и деятельность механизмов интуитивного поведения. Другими словами воспитатель должен использовать многоаспектные методы, которые могут быть названы наглядно-словесно-практическими и одновременно являющиеся методами организации и осуществления учебно-познавательной деятельности, и методами стимулирования речи.

Весьма важным подспорьем в обучении языку являются и ведущие виды деятельности дошкольников, а именно игровая, театральная и музыкальная. Собственно эти виды деятельности выступают стимулами овладения ребенком русским языком, как средством удовлетворения социальных потребностей.

В третьих, сотрудникам дошкольного учреждения желательно иногда пользоваться в своей речи несколькими простыми выражениями, такими как «Здравствуй», «До свидания», «Спасибо», «Пожалуйста», «Извини», «Молодец, умница», «Хорошо», «Плохо», звучащими на родном для ребенка языке. Это помогло бы детям понять, что их культуру и язык уважают, что к ним проявляют интерес, а для русскоязычных детей это важный момент для воспитания толерантности. Да и сами дошкольники проявляют интерес к иноязычной речи и не прочь выучить несколько слов из языка своих товарищей.

Следующий вопрос, который хотелось бы затронуть, касается проблемы межэтнического общения и в частности его вербального аспекта.

Наиболее приемлемыми *методами* формирования этнокультурной компетентности являются следующие:

- кросс-культурный (параллельное изучение этнокультур; анализ их сходства и различия);
- метод доступности (перевод информации на доступный ребенку язык, подключение к восприятию всех рецепторов);
- метод наглядности (обилие наглядного материала);
- метод образной медитации (погружение ребенка в изучаемую культуру);
- метод эмпатии (переживание детьми состояний персонажей, героев, представителей иной этнической группы);
- метод игротерапии (развитие навыков общения в игре);
- культурный ассимилятор (создание искусственных коммуникативных ситуаций между представителями разных этнических групп);
- создание предметно-развивающей среды (оформление помещений, создание выставок, использование аудио-визуальных средств и др.).

Этнографический музей как форма этнокультурного образования детей

Задачи: приобщения детей к культурному наследию народов мира с помощью музейных экспонатов; гражданско-патриотическое воспитание детей и юношества; формирование у них положительных установок по отношению ко всем этносам Земли.

Методы музейно-педагогической деятельности:

- метод социальных ролей;
- метод создания игровых ситуаций;
- метод практического манипулирования с предметами;
- метод использования ассоциативных связей;
- метод театрализации;
- метод самостоятельной поисково-исследовательской деятельности.

Функции школьного этнографического музея:

- пополнение фондов,
- систематизация подлинников,
- сохранение подлинников,
- демонстрация экспонатов,
- развитие кругозора учащихся и побуждение их к сотворчеству, активности, самодеятельности.

Объектами хранения и демонстрации, в первую очередь, являются подлинные предметы народного быта.

Состав фондов музея:

Собрания всех музеев состоят из основного и вспомогательного фондов. К основному фонду относятся: подлинные предметы народного быта. Вспомогательный фонд включает в себя:

- различные воспроизведения (фотокопии, слепки, муляжи, макеты), копии, реконструкции, карты, диаграммы, схемы, планы, а также другие материалы, изготовленные или приобретенные музеем в процессе комплектования фондов, изучения или экспонирования музейных предметов;
- образцы скоропортящихся сельскохозяйственных культур и других натуральных материалов, подверженных порче и требующих частой замены;
- наглядные пособия, сделанные руками детей: макеты ландшафтов, модели традиционных жилищ, театральная этнографическая кукла.

Формы работы в музее:

1. Для младших детей, впервые пришедших в музей, проводятся экскурсии-путешествия в историю отдельных вещей и традиционного быта в целом (история утюга, старого зеркала, самовара и т.д.). Здесь можно использовать форму, характерную для сказок Г.Х. Андерсена, или реальный рассказ о судьбе представленной в музее вещи.

2. Для учеников средних классов ознакомительная экскурсия может быть организована в виде викторины: «Для каких целей служил данный предмет?», «Найди вещь по описанию», «Отгадай, о каком из предметов говорится в загадке». В конечном итоге, к проведению экскурсий для гостей учреждения все чаще начинают привлекаться сами учащиеся. Также вполне оправдало себя проведение зачетов в форме экскурсий по заданной тематике.

3. Ряд занятий может быть построен в форме *инсценировок*. Например, гостеприимные хозяева «Русской избы» могут предложить ребятам стать участниками посиделок, на которых в старину не только веселились, но и работали. Процесс рубки капусты, лепка из теста обрядовых печений, разучивание песен, танцев, игр и многое другое пройдет гораздо успешнее, если окажется включенным в определенную сюжетную линию: сказку, обряд и пр.

4. Поскольку предметы материальной культуры нередко являются носителями утилитарной и символической нагрузки, становится понятным, почему в музее достаточно успешно проходят *тематические занятия* не только по народоведению, но и по истории, литературе, религиоведению, экологии и остальным образовательным дисциплинам.

5. Специфические формы работы музея отражает особая дисциплина – *музейное дело*. Учащиеся средних и старших классов обязательно должны освоить ее. Специалисты помогут им приобрести умения:

- в организации поисково-исследовательской деятельности;
- в экскурсионно-просветительской работе;
- в налаживании связи с государственными музеями и общественностью.

Постоянный актив музея, избранный из числа учащихся или родителей (если это детский сад) будет призван регулярно:

- пополнять фонды музея путем организации походов, экспедиций, исследований учащихся, воспитанников, налаживания переписки и личных контактов с различными организациями и лицами, устанавливать связи с другими музеями;
- проводить сбор необходимых материалов на основании предварительного изучения литературы и других источников по соответствующей тематике;
- изучать собранный материал и обеспечивать его учет и хранение;
- осуществлять создание экспозиций, стационарных и передвижных выставок;
- проводить экскурсии для учащихся, родителей, работников шефствующих предприятий и других гостей учреждения;
- оказывать содействие учителям в использовании музейных материалов в учебном процессе.

Экспонаты, за исключением наиболее ценных, не следует держать за стеклом. Они должны быть в рабочем состоянии, так, чтобы их можно использовать в качестве методического материала в различных видах деятельности учащихся.

Музей дает возможность детям не только рассмотреть предмет со всех сторон, но и практически освоить его. Чем больше органов чувств будет задействовано в изучении традиционной культуры, тем глубже она усвоится. Что толку говорить ученикам о вкусе драников или бешбармака, если они никогда не пробовали их. В народе говорят «Сколько не говори халва – слаще не станет». Дети останутся равнодушны, потому что за словами ничего не стоит. Трудно заинтересовать учеников описанием изготовления старинной одежды, если они не знакомы с данным процессом. Совсем иначе пойдет разговор, когда они освоят хотя бы две-три его операции. Например, поучатся прясть нитку на старинной прялке или проделяют несколько движений на кроснах (ткацком станке). При этом совершенно необязательно стремиться к получению готового изделия, главное здесь – создать ощущение сопричастности и подключить все виды памяти. Даже дошколята, рассмотревшие устройство кросен и усвоившие принцип изготовления ткани, способны освоить элементы ремесла. Они запросто ткут «полотно» из бумажных полосок. Это всем известный бумажный коврик, в котором есть и основа, и уток.

Представляется важным правильное выделение и наполнение содержанием «углов» в музее, носящем название, например, «Юрта», «Казацкое подворье» и т.д. Наполнение подобных углов не должно быть простым нагромождением предметов быта и утвари, все должно быть подчинено народным правилам и традициям благоустройства жилища. Для оформителей музея «Русская изба» особого внимания заслуживает выражение «плясать от печки», то есть «отталкиваться от самого главного». В интерьере избы, действительно, все плясало от печки. В зависимости от региональной традиции, она располагалась в том или ином углу и по-разному поворачивалась ко входу. Оснащение и смысловая нагрузка остальных трех углов строго подчинялись ее расположению. Неизменно по диагонали от печи находился красный угол. Иначе он назывался передним, поскольку всегда оказывался возле стены, смотрящей на улицу. В нем размещались иконы, вышитые полотенца, искусственные цветы, лубочные картинки, а также стоял обеденный стол с буханкой хлеба наверху. Стол называли ладонью Божьей, а хлеб – даром на ладони Божьей.

Третий угол, точнее пространство между передней стеной печи (устьем) и противоположной ей стеной избы, носило название «бабий кут». Оно выполняло функции современной кухни. Соответственно, здесь было все необходимое для приготовления пищи. Нередко бабий кут отделяли от остального помещения дощатой перегородкой или занавеской.

Четвертый угол, обозначенный пространством от боковой стороны печи до параллельной ей стены избы, могло использоваться вариативно. В северно-среднерусской планировке оно определялось, как мужской угол и было оборудовано предметами мужского труда. На стене висела верхняя одежда, уздечки, хомут. К ней же примыкало непосредственно то место, где работал хозяин и где он спал. Это место называлось конником. В древности коник представлял собой широкую лавку-ларь, вяну из торцовых досок которой, вырезали в виде конской головы. Под крышкой хранилось имущество. Позже коник стали называть кутником, а ларь заменила простая лавка. Над всем пространством «мужского угла» крепились полаты – деревянный настил, куда можно было залезать прямо с лежанки печи. На полатах спали, хранили имущество, сушили лук и горох. Кроме того, в приведенном типе планировки к боковой стороне печи примыкала дощатая пристройка – голбец или казенка. Так оформлялся ход в подполье. Голбец мог быть в виде невысокого ящика с горизонтально опускающейся крышкой или в виде небольшой комнаты с отвесной дверью высотой до уровня лежанки. В западных и южных великорусских губерниях четвертый угол хаты всегда служил местом для сна. От печи до стены здесь тянулись двухъярусные или одноярусные полаты, напоминающие нары. Кровати в деревенском быту не использовали.

Почти вся мебель была встроенной, то есть неподвижной. Вдоль стен по периметру избы (хаты) крепились лавки, а прямо над ним – полки, называемые полавочниками. В центральную балку потолка – матицу вворачивалось железное кольцо. В него вставлялся длинный гибкий шест – оцеп. К одному из концов оцепа крепилась люлька-колыска, другой его конец врубался в стену. Женщина, сидя за работой на лавке в бабьем куту, могла качать люльку, продев ногу в специально приспособленную для этого петлю. В каждом доме обязательно были сундуки, в которых хранили одежду и другие нужные вещи; шкафы-поставцы, где держали посуду; оборудование для обработки льна и шерсти, как-то: прялка, гребень, ткацкий станок.

Только в конце XIX – начале XX вв., в связи с постепенным проникновением в деревню элементов городской культуры, печь кое-где стали отодвигать от стены и изменять ее традиционное положение. В обиходе состоятельных крестьянских семей распространилась подвижная мебель: стулья, кровати, шкафы, комоды, деревянные диваны и др. В домах появились занавески на окнах и дверях, коврики, зеркала, фотографии, картины на стенах, скатерти на столах, комнатные цветы и прочая обстановка, принятая в это время в среде городского мещанства. Однако в основе своей традиционный интерьер сохранялся. Во время проведения календарных и семейных обрядов почти все предметы его составляющие приобретали символическую нагрузку.

Театральная деятельность как форма этнокультурного образования детей

Для того чтобы стимулировать деятельность детей и помочь им реализовать свои творческие способности можно создать *театр этнографической куклы*. Театр – синкретический вид искусства. С одной стороны, он позволит сфокусировать вокруг себя множество творческих мастерских по изготовлению реквизита и подготовке спектакля:

- историко-этнографический костюм;
- театральная этнографическая кукла;
- архитектура, ландшафт и предметы быта в оформлении сцены;
- музыка и пение;
- сценическое мастерство.

А с другой стороны, в виду своей познавательной направленности, потребует от участников серьезной теоретической подготовки (лекторий, обязательный для всех участников мастерских; самостоятельная поисковая работа и т. д.). Наличие общей цели – подготовки к спектаклю – сплотит детей, работающих в разных мастерских, *даст*

им возможность пожить в образе представителя другой национальности и, скорее всего, изменит систему этнических стереотипов в восприятии «нас» и «не нас» в современном мире.

Для детей старшего возраста можно предложить провести *самостоятельную исследовательскую деятельность*. Примерные темы поисковых заданий:

- «Старинные и памятные вещи в нашей семье»;
- «Народное декоративно-прикладное искусство» (создание экспозиции);
- «Народные афоризмы – тайны и чудеса родного языка»;
- «Многонациональный Ставрополь»;
- «Общее и особенное в играх разных народов»;
- «Тайны народных сказок»;
- «Традиции и обряды, связанные со строительством жилья» и мн. др.

С целью определения качества (степени) этнокультурной компетентности школьников можно представить достижение учащимся высокого уровня как движение по следующим ступеням:

1. Достижение ребенком элементарной грамотности в области собственной этнической культуры, а также этнических культур людей, проживающих рядом и в целом в России.

На этой ступени воспитанник, согласно концепции (предложенной Пиаже) развития у ребенка осознания принадлежности к национальной группе, должен четко идентифицировать себя со своей этнической группой, выдвигая такие основания идентификации как национальность родителей, место проживания, родной язык. Иметь представления об истории, укладе жизни, традициях, обычаях, фольклоре своего народа.

Располагать азбучными сведениями о культуре этнических общностей России и в частности культуре детей, посещающих их класс, школу. Видеть и признавать отличия между людьми и их культурами, а значит уметь воспринимать мультикультурную совместную жизнь как само собой разумеющуюся. Освоить минимум знаний и умений в области межэтнического взаимодействия.

2. Достижение ребенком функциональной грамотности в области своей и этнических культур России, а также элементарной грамотности об этнокультурах сопредельных стран.

На этом этапе у детей этническая идентичность должна быть сформирована в полном объеме, в качестве особенностей разных народов ребенок отмечает уникальность истории, специфику традиционной бытовой культуры. Знает ведущие признаки народов (название, язык, этническая территория (родина), антропологический тип (внешность), традиционно-бытовая культура (культура), этническое самосознание (познание того, что ты являешься частью какого-либо народа). Способен более четко определять существующие между народами различия и сходства. Выделяет особенности вербального и невербального общения в различных культурах.

Знает последствия интолерантного отношения и старается не проявлять признаки нетерпимого поведения к представителям иной национальности. Анализирует причины конфликтов и разногласий, возникших между представителями этнических общностей, и стремится к их разрешению путем разумных уступок. Отражает в своей деятельности этноспецифические умения, присущие его народу (например, свободно владеет родным языком, исполняет национальные танцы, владеет народным художественным ремеслом и т.д.).

3. Достижение образованности в области этнокультур России и проявление элементарной грамотности в области этнокультур мира.

На этом этапе школьник не только знает, но и придерживается в повседневной жизни выполнения традиций и обрядов своего народа. Уважает и проявляет толерант-

ное отношение к самобытным традициям и обрядам других этносов. Располагает сведениями о выдающихся деятелях разных народов. Знаком с искусством народов мира. Воспроизводит в деятельности культурно-специфические умения, характерные для других этнокультур (например, говорит на иностранном языке, готовит национальные блюда, владеет национальным искусством, соблюдает этикет, касающийся взаимоотношения полов, гостеприимства, застолья, формул приветствия и прощания и т. д.).

Располагает информацией о «культурном шоке», который могут испытывать мигранты. Преломляет этнокультурные знания в умения и поведенческие модели, способствующие эффективному межэтническому взаимодействию. Знает примеры взаимопроникновения культур, позитивные стороны мультикультурализма. Открыт и участвует в межэтнических связях. Вносит свой вклад в развитие взаимопонимания между этнофорами.

Необходимо отметить, что первую ступень формирования этнокультурной компетентности ребенок проходит в дошкольном и младшем школьном возрасте (5–10 лет), вторую – в подростковом детстве (11–15 лет) и третью – в юношеском возрасте (15–18 лет). При этом хотелось бы подчеркнуть, что обозначенные ступени достижения учащимися высокого уровня этнокультурной компетентности отражают общее направление последовательного обогащения детей знаниями, умениями, навыками, способствующими эффективному межэтническому взаимопониманию и взаимодействию. Итак, ребенок вначале достигает ступени грамотности, а затем образованности.

Вместе с тем формирование этнокультурной компетентности не заканчивается в школьном периоде, а продолжается на протяжении всей жизни человека. Это обусловлено тем, что, во-первых, культура (в том числе этническая) это не застывшее явление, а постоянно модифицирующееся, во-вторых, в мире происходят изменения социальных реалий, в-третьих, меняются жизненные ситуации самого человека, которые могут привести к новому этнокультурному окружению. А все это, несомненно, потребует уточнения, корректировки и пополнения своей осведомленности в области различных этнокультур.

Интерактивные этнопсихологические методы обучения эффективному межэтническому взаимодействию

Существует несколько способов повышения межкультурной компетентности. Классификация основных типов обучающих программ при подготовке индивидов к межкультурному взаимодействию включает **просвещение, ориентирование, инструктаж и тренинг**.

Тренинг является наиболее эффективным интерактивным методом, способствующим повышению этнокультурной компетентности участников образовательного процесса. В самом широком смысле под тренингом понимается практика психологического воздействия, основанная на активных методах групповой работы. При этом подразумевают использование своеобразных форм обучения знаниям, умениям, и техникам в сфере общения, деятельности, собственного развития и коррекции. В последнее время тренинги находят все большее применение в тех областях человеческой практики, где успех деятельности в значительной мере зависит от умения общаться. Он позволяет за сравнительно небольшое время решить задачу интенсивного формирования и развития значимых навыков и умений.

Тренинг направлен на овладение определенными социально-психологическими знаниями, развитие коммуникативных способностей, рефлексивных навыков, умений адекватно воспринимать себя и окружающих. При этом вырабатываются и корректиру-

ются нормы личностного поведения и межличностного взаимодействия, а также развивается способность гибко реагировать на ситуацию, быстро перестраиваться в различных ситуациях и разных группах. Тренинг проводится как со специально подобранными для этого группами, так и с реальными трудовыми коллективами. Несмотря на многослойность и многозначность понятия «тренинг», разнообразие форм его адаптации к конкретным заказам и условиям, методологической основой тренинга, каркасом, является идея возникновения и закрепления изменений в личности под влиянием группового взаимодействия.

Результат проведения тренинга в решающей степени зависит от соблюдения в группе общепринятых принципов, таких как: принцип активности на занятиях, принцип открытой обратной связи, принцип «здесь и теперь», принцип доверительности в общении и др.

Для построения программы тренинга важно, исходя из потребностей заказчика, определить тему и цель тренинга. Это позволит сформулировать конкретные задачи тренинга.

При разработке тренинга необходимо учитывать количественный и качественный состав группы. Рекомендуется организовывать группы из 12 человек. Однако эта верхняя граница может быть подвижна. Надо помнить, что увеличение группы до и выше 14–16 человек требует серьезной корректировки программы тренинга. Уменьшение камерности групповой работы снижает эффективность тренинга. Считается, что тренинги, требующие рефлексии, анализа своего и чужого поведения, можно начинать с детьми после 12–13 лет. Это определяется возрастными факторами формирования самосознания. Пределом включения в тренинги старшего возраста принято считать пенсионный возраст, когда снижается пластичность психики и обучаемость прежде всего активными методами.

Разрыв в возрасте участников не должен превышать 10–15 лет. При нарушении этого условия члены группы могут объединяться по возрастному признаку, либо проявлять «возрастную» солидарность и конкуренцию. Все это существенно снижает эффективность тренинга и смещает его акценты.

Желательно, чтобы по гендерному признаку группа тренинга была смешанной. Четких пропорций придерживаться не следует, но соотношение полов 30–40% к 60–70% является желательным и благоприятным для процессов групповой динамики, самочувствия личности в группе. Подобные пропорции могут нарушаться, отражая реальную картину профессиональной деятельности участников группы (например, военные, учителя и т. п.).

Статусный состав группы является значимой характеристикой, если в тренинге участвуют знакомые люди. Статус участников группы должен быть горизонтальным, т. е. одинаковым. Нельзя, например, включать в тренинговую группу директора школы и учителей, учителей и учеников, начальника и подчиненных, даже если задачей тренинга является налаживание отношений между руководителями и подчиненными.

Помимо рассмотренных характеристик группы важное значение имеет соотношение участников по этническому, профессиональному и образовательному уровню. Учет этих показателей должен соотноситься с целями, задачами и спецификой тренинга.

При разработке программы тренинга, необходимо определить общий объем часов тренинга, количество занятий, временной интервал их проведения. Для построения программы тренинга важно знать, в каком помещении он будет проходить. Конечно, идеально, чтобы это была просторная (около 60 кв. м.) комната с

возможностью разделения на относительно изолированные зоны, с ковровым покрытием, хорошей вентиляцией звукоизоляцией освещением, свободными стенами. Эта комната должна быть оборудована аудио и видеотехникой, компьютером, кодоскопом. В подобном тренинговом кабинете должны быть удобные, легкие стулья, 3–4 стола, доска или флип-чарт, напольные коврики. Знание особенностей помещения для тренинга позволяет учитывать их в подборе упражнений, планировании перерывов и т. п.

При планировании тренинга также следует уделить внимание раздаточному материалу.

Программа тренинга, помимо отражения всех организационных и описанных выше моментов, включает проекты каждого занятия. Они могут быть описаны с разной степенью подробности, что зависит от склонностей и опыта тренера.

Структура занятия отражает основные этапы работы группы. Если содержание занятия может корректироваться ежедневно после проведения занятий, то структура остается практически неизменной. Она отражает логику проведения занятия, включает этапы, которые в процессе подготовки программы заполняются конкретным содержанием. Тренинговое занятие обрамляется двумя ритуалами: приветствия и прощания. К основным методам тренинга можно отнести следующие виды групповой работы: упражнения (разминочные, этюдные, медитативные), дискуссии-беседы, игры (ролевые, деловые), ритуальные действия.

Структура основных упражнений тренинга включает инструкцию, выполнение задания, обсуждение. В играх добавляется распределение ролей.

Важным методическим моментом тренинга являются процедуры разделения на пары, тройки и подбор состава участников подгрупп, создаваемых для решения конкретных задач. Существует очень незначительное количество упражнений, в которых важен произвольный выбор партнеров. В остальных случаях подгруппы следует сознательно комплектовать.

Окончание тренинга оформляется заключительным обсуждением его итогов и проведением специального ритуала прощания. Целесообразно попросить участников написать свои впечатления о тренинге в форме самоотчетов.

Одним из видов тренинга, направленным на обучение эффективному практическому взаимодействию с представителями других культур, является **тренинг межкультурной компетентности**. Любая программа тренинга пытается ответить на вопрос *Как*: как индивид может наладить межличностные контакты в новом для себя окружении, как он может овладеть ценностями, нормами, ролевыми структурами чужой культуры? Необходимость приобретения подобных навыков подтверждают и результаты опросов вернувшихся на родину визитеров, которые наиболее важными для успешной адаптации считают умения справляться с психологическим стрессом и устанавливать межличностные отношения, эффективно общаться с местными жителями.

Межкультурный тренинг ставит перед собой две основные задачи: познакомить обучаемых с межкультурными различиями в межличностных отношениях, что требует проигрывания ситуаций, в которых что-то протекает по-разному в двух культурах; сделать возможным перенос полученных знаний на новые ситуации, что достижимо, если обучаемый знакомится с самыми характерными особенностями чужой для него культуры (Triandis, 1994).

Часто применяются программы **общекультурного тренинга** с акцентом на осознании самого себя представителем этноса или культуры (модель «культурного самосознания»). Например, в программе тренинга А. Кримера обучаемые просматривают набор из 138 видеоэпизодов по 21 теме, в которых профессиональные актеры играют роли хо-

заяв и визитеров-американцев, а затем обсуждают их в ходе групповой дискуссии (по: Bhawuk, Brislin, 2000). В основе психологического воздействия в этом случае лежат принципы концепции социального научения. При этом тренеры идут от обучения индивидов осознанию ценностей собственной культуры к анализу различий между культурами и, в конечном счете, к выработке умения «проникать» в культурные различия для повышения эффективности межкультурных контактов.

Другим примером подобной обучающей программы может служить «американская модель контраста». В этом случае тренинг состоит в том, что обучаемый и подставное лицо (актер) проигрывают предложенные конфликтные ситуации. При этом поведение актера всегда противоположно действиям «типичного американца» в подобных ситуациях. А обучаемый, даже не осознавая того, демонстрирует стереотипы поведения и восприятия, приобретенные им в процессе социализации в американской культуре, например, больше внимания обращает на материальные ценности, чем на духовные, и на личные достижения, чем на статус человека в семье. Взаимодействие снимается на видеокамеру, и во время просмотра записи тренер объясняет обучаемому, как на его поведение повлияла американская культура. Очевидная слабость подобных моделей состоит в том, что обучаемые отнюдь не всегда получают информацию о конкретных особенностях культуры, с представителями которой им придется взаимодействовать.

Среди многочисленных программ *культурно-специфического тренинга* особенно широкое распространение получили:

- тренинг, включающий реальные межкультурные контакты, например семинары-мастерские с групповыми дискуссиями, где обсуждаются ситуации, возникающие при личных контактах представителей двух народов, к которым принадлежат участники. Такой тренинг К. Роджерс проводил с членами вовлеченных в конфликты групп в Северной Ирландии и ЮАР. Но подобного рода обучение далеко не всегда достигает своей цели, поскольку сильный этноцентризм участников мешает им избавиться от предубеждений в ходе занятий;
- атрибутивный тренинг, в котором акцент делается на обучении тому, каким образом представители разных народов и культур интерпретируют причины поведения и результаты деятельности. Это очень важная задача, так как одна из основных проблем при общении представителей разных культур состоит в том, что люди делают ложные атрибуции.

Атрибутивный тренинг помогает сделать ожидания индивида о возможном поведении члена другой культуры более точными и способствует освоению *изоморфных атрибуций*, т. е. атрибуций, характерных для культуры, с представителями которой индивиду предстоит взаимодействовать (Triandis, 1994).

В 1990-е гг. была осуществлена проверка эффективности многих программ кросс-культурного тренинга (Bhawuk, Brislin, 2000). Исследователи отметили позитивный эффект используемых в настоящее время тренингов по пяти показателям: личностному росту обучаемых, восприятию ими «чужих» групп, их отношениям с местными жителями, приспособлению в инокультурной среде, трудовым достижениям.

Следует, тем не менее, признать, что ни один тип тренинга не является идеальным, поэтому необходимо стремиться к использованию возможностей нескольких подходов, не забывая, впрочем, и об обучении традиционными дидактическими методами. И все они должны научить человека при межкультурном взаимодействии руководствоваться *платиновым правилом*:

«Делай так, как делают другие. Делай так, как они любят, как им нравится. Это правило означает, что, попадая в чужую культуру, целесообразно поступать в соответствии с нормами, обычаями, традициями этой культуры, не навязывая своих религии, ценностей, образа жизни» (Почебут, 1995. С. 77).

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

- Асипова Н.А. Общение школьников в многонациональной среде // Педагогика. – № 12. – 1991.
- Белинская К.П., Стефаненко Т.Г. Этническая социализация подростка. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. – 208 с.
- Волкова Е. Дети с родным нерусским языком в дошкольном учреждении // Дошкольное воспитание. – № 12. – 2002.
- Детский музей как способ организации образовательной среды // Народное образование № 2. – 2002. – С. 133–140.
- Дмитриев Г.Д. Многокультурное образование. – М.: «Народное образование», 1999.
- Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. Курс лекций / В.Г. Крысько. – М.: Издательство «Экзамен», 2002. – С. 349–365.
- Куранов М. Культура межнационального общения. // Педагогика. – № 7–8, – 1992.
10. Найденова Е.А. Школа миротворчества для самых маленьких // Толерантность и культурная традиция: Сб. статей / Под ред. М.Ю. Мартыновой. – М.: РУДН, 2002. С. 267–325.
- Найденова Е.А. Детский коллектив и проблемы толерантности // Межкультурный диалог: Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия // Под ред. М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, Н.М. Лебедевой. – М.: Изд-во РУДН, 2003. С. 353–366.
- Садохин А.П. Межкультурное понимание как основа толерантности // Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): Сб. науч.-метод. Ст. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2002. – 368 с.
- Степанов П.В. Воспитание толерантности у школьников: теория, методика, диагностика / Под ред. Л.И. Новиковой. – М.: АПКИПРО, 2003. – 84 с.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. С. 154.
- Тайчинов М.Г. Развитие национального образования в поликультурном, многонациональном обществе // Педагогика, 1999, № 2.
- Тайчинов М.Г., Воленко О.И. Моделирование поликультурного образования в многонациональном обществе. // «Вестник Башкирского государственного педагогического университета», г. Уфа, 2000, – № 1. – С. 85–95.
- Харисов Ф.Ф. Национальная культура в воспитательном процессе. // Педагогика, № 2. – 1999.

Раздел 4. Психосоциальные технологии развития коммуникативной компетентности медиатора

Тема 4.1. Impression менеджмент. Эффективные коммуникации для медиатора

сост. Черепанова М.И.

Тренинг по формированию психосоциальных технологий компетентности медиатора по решению конфликтных ситуаций

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ Коммуникация медиатора при решении межнационального конфликта – это процесс, более широкий, чем общение. Коммуникация – процесс передачи информации кому-либо и способы общения, позволяющие передавать и принимать разнообразную информацию. Цель коммуникации – обеспечить понимание полученной и передаваемой информации. Компетентный медиатор – надлежащий, знающий, осведомлённый, авторитетный в решении и управлении межнациональным или межконфессиональным конфликтом.
- ✓ Коммуникативная компетентность медиатора – это умение общаться, быстро и чётко устанавливать деловые и дружеские контакты с конфликтующими людьми, хорошая осведомлённость в области коммуникаций (общения) и умение воплотить знания на практике. Коммуникативная компетентность определяется как эффективность общения: способность и реальная готовность к речевому общению, адекватная целям, сферам и ситуациям общения, способность к речевому взаимодействию и речевому действию и включает умение преодолеть конфликт или минимизировать его накал.
- ✓ Многие техники в медиацию пришли из психологии. Однако надо помнить, «по одни и те же психологические техники могут использоваться для разных целей и зависят от позиции человека (следователь, психолог, медиатор и т. д.). Мы выделяем то, что ближе к восстановительной коммуникации. Техники коммуникации нужны там, где понимание и коммуникация «застревают». Если диалог идет спокойно и конструктивно, применение техник организации коммуникации не обязательно (но такое вряд ли возможно в конфликте).

Коммуникативная компетентность медиатора: базовые понятия

Все чаще в научном и бытовом обиходе речи слышится понятие «медиация», которое переводится с латинского как посредничество. В качестве метода разрешения споров медиация постепенно расширяет свои границы влияния на различные области взаимодействия между людьми и организациями: юридическая, трудовая, образовательная, семейная. Согласно материалам зарубежных авторов, можно утверждать, что в западных странах использование медиации в разрешении конфликтов (споров) становится эффективным методом с точки зрения ожидаемых результатов.

Не умаляя достоинств хорошо разработанной процедуры медиации, мы полагаем, что успех детерминируется не только выбором метода как такового, но и профессионально-личностными качествами и умениями посредника. Медиатор (посредник) *«помогает сторонам лучше понять свое положение, друг друга и затем выработать решение, которое подходит им обеим»*. Именно посредник помогает участникам конфликтной

ситуации прийти к жизнеспособным вариантам решений, понятным и реальным для них, и удовлетворяющих интересы и потребности обеих сторон. Речь идет о таком подходе как подход, ориентированный на решение проблемы. Как утверждают мастера своего дела, *«успешные медиаторы хорошо умеют отыскивать интересы, которые являются общими для обеих конфликтующих сторон»*. Однако выявить истинные интересы, которые стоят за внешне очевидными фактами далеко не всегда бывает просто.

В данном параграфе мы акцентируем внимание на роли коммуникативной компетентности, которая, на наш взгляд, является одной из главных в работе посредника. Как утверждают опытные представители по внедрению и обучению медиации, *«не смотря на большую популярность медиативного процесса, уровень навыков по сопровождению сторон в этом процессе зачастую остается крайне низким»*.

Под коммуникативной компетентностью понимают совокупность взаимосвязанных знаний и умений, адекватных коммуникативным задачам и достаточных для их решения. Среди наиболее продуктивных и значимых вербальных коммуникативных умений авторы выделяют такие, как: 1) поддерживать межличностное взаимодействие: направлять, вызывать ответную реакцию партнера, задавать наводящие вопросы; 2) уточнять: переспрашивать в других формах, отстаивать свое мнение, менять форму вопросов, давать оценку; 3) побуждать: предупреждать, предостерегать, предлагать, призывать, советовать, высказывать пожелания, просить; 4) повествовать: отвечать, рассказывать, вести диалог, понимать согласие/несогласие партнера, отрицать, выражать понимание, выступать перед аудиторией, вызывать собеседника на откровенность, владеть спонтанной речью и т.п.

Например, рассматривая структуру медиации, отдельные авторы выделяют в ней такие составляющие (в контексте блока навыков и умений), как: 1) вовлечение, умение грамотно задавать вопросы, устранение недопонимания и расстановка приоритетов, поиск точек соприкосновения, устранение дисбаланса сил, проведение переговоров.

Безусловно, актуализация коммуникативной компетентности при ведении беседы базируется на знании психологических механизмов понимания другого человека. К ним традиционно относят социальную рефлекссию, идентификацию, эмпатию, каузальную атрибуцию, аттракцию.

Под идентификацией в психологии понимают способность встать на место другого человека, что помогает понять (и/или принять) точку зрения партнера. По словам В.В. Знакова идентификация означает *«веру в существование у партнера своего индивидуально-своеобразного мировоззрения, осознание неповторимости формирующейся у него в общении ценностно-смысловой позиции»*. Основная интерпретация эмпатии сводится, как правило, к переживанию, вчувствованию в эмоциональное состояние другого. Эмпатичность позволяет *«прочитать»* состояние другого человека и точнее настроиться на межличностное взаимодействие, спрогнозировать его результат. Каузальная атрибуция – это приписывание причин поступку другого человека. А аттракция предполагает формирование взаимной симпатии. Перечисленные механизмы помогают принять личность партнера в комплексе многообразия его качеств и ценностей, что в свою очередь способствует достижению взаимной договоренности.

В контексте темы статьи нас интересуют те коммуникативные техники, использование которых позволит актуализировать эти психологические механизмы с целью не только достижения желаемого, но и налаживания отношений между людьми, основанные на взаимопонимании. Как утверждает Д. Сталберг, *«Корпорации и университеты не становятся автоматически сплоченными сообществами только потому, что у их сотрудников общие цели. Требуется налаживание отношений между людьми»*.

Известно, что существенным препятствием для конструктивного общения (коммуникации) являются негативные эмоции и переживания, не позволяющие мыслить

объективно, без предвзятости. В нашем исследовании было доказано, что негативные эмоции суживают сознание, активизируя при этом индивидуальные стереотипы восприятия и мышления. Эти стереотипы направляют активность человека в строго заданном направлении, не позволяя оценить ситуацию по-другому. Т.е. из памяти извлекаются стереотипные формы поведенческого реагирования, которые, как правило, не адекватны ситуации взаимодействия. А использование человеком привычных для него, но не подходящих для ситуации моделей поведения, способствует тому, что сигналы, исходящие от партнера, интерпретируются в соответствии с индивидуальным смыслом происходящего, т.е. искажаются. Как правило, в такой атмосфере медиатор приступает к своей посреднической деятельности, и от его коммуникативных умений зависит результативность столь не простой процедуры.

Чтобы заставить людей раскрываться, говорить о своих интересах, медиатор может использовать *вопросы*. Наиболее подходящие вопросы для начала беседы – открытые. Ответы на вопросы «что?», «когда?», «где?» не составят труда, и кроме этого, могут породить дополнительную информацию, которая позволит в дальнейшем выйти на истинные интересы участника. Остается только опасность в выборе некоторых слов. Например, фраза *«Расскажите нам, пожалуйста, Вашу интерпретацию события»*, содержит слово «интерпретация», что будет неуместным, так как намекает на возможность противоположной интерпретации, т.е. как бы ставит под сомнение точку зрения говорящего изначально.

Вопросы, начинающиеся со слова «почему?» всегда уместны на любом этапе обсуждения проблемы, так как заставляют оппонента стать на место другого, как бы понять его мотивы поведения (*«Как Вы думаете, почему другая сторона так отреагировала на Ваше поведение?»*). Ответ укажет на те стереотипы восприятия, тот образ мыслей, установки, которыми руководствуется человек, интерпретируя поведение своего оппонента, что соотносится с понятием каузальной атрибуции. А вот эффективность уточняющих вопросов вызывает спорные точки зрения. По мнению авторов, которые рассматривали коммуникативную функцию медиатора, их не следует использовать, так как они всего лишь подтверждают уже известный факт, вызывая волнение, неловкость и желание обороняться. Во всяком случае они не способствуют раскрытию истинных интересов (*«Это происходило в присутствии Вашего начальника, так?»*).

Однако если подобные вопросы используются не для уточнения факта, а для уточнения эмоционального состояния человека, то это, наоборот, может активизировать чувство эмпатии у противоположной стороны (*«Мы правильно поняли, Вы испытывали сильную обиду по поводу ...?»*). Часто понимание личности партнера традиционно связывается прежде всего с эмпатией и идентификацией. Важно подчеркнуть, что данные механизмы помогают не только точнее понять другого, но и лучше познать себя. В частности, В.В. Новиков отмечает, что *«увидеть собственные личностные проявления человек может, не столько заглядывая в себя, сколько всматриваясь в других, обнаруживая влияния, которые он на них оказывает»*.

Однако не всегда опора на механизм идентификации может расширить возможности восприятия и мышления партнера. На вопрос о том *«Что бы Вы предприняли на его месте?»*, партнер может ответить *«Я бы такую глупость не совершил»*. Тогда как при опоре на механизм социальной рефлексии, когда человека убеждают «посмотреть» на свою ситуацию глазами другого, легче снизить эгоистический характер мышления (*«Как Вы думаете, что при этом подумал/почувствовал партнер...?»*). В этом варианте больше шансов представить (подумать) без привязки к своим стереотипам, что в медиативном процессе играет принципиальную роль. Успех разрешения конфликтной (спорной) ситуации во многом определяется умением по-новому взглянуть на событие.

Поэтому здесь без расширения индивидуальных способов восприятия и мышления, не обойтись.

В зависимости от контекста беседы, эффективность **перефразирования** также будет различной. Самое главное в перефразировании слов оппонента – не исказить их смысл. Но это не исключает привнесение элементов нового смысла таким образом, что изначальной проблеме задается другое, более конструктивное направление. Если проблема была озвучена так – «*Я всегда ее раздражаю своей неумной активностью, отвлекаю от ее забот...*», то можно предложить ее перефразировать иначе – «*Можно ли сказать, что проблема заключается в организации Вашей активности таким образом, чтобы это не мешало интересам других?*», переводя ее в несколько иную плоскость.

В контексте западной литературы часто употребляется понятие «рефрейминг». В целом этот коммуникативный навык «отвечает» за перекомбинирование и интерпретацию сообщения, при которой не должно быть навязывания чужих ценностей и точек зрения. По словам известного семейного медиатора Л. Паркинсон, рефрейминг – это «повторное проговаривание позиций или проблем точно и в позитивном ключе, благодаря чему участники могут услышать и понять друг друга». В медиации используется для выявления истинных целей каждого из участников и донесению их до обеих сторон.

Высказывания в форме **дилеммы** с прибавлением последствий предложенных вариантов тоже можно считать эффективным способом коммуникативного воздействия («*Вы можете дать свое разрешение на поставки, или не подписать документ на их реализацию, это Ваше право, но как это повлияет на решение вопроса о ...?*»). Подобное обращение всегда подчеркивает уважение к мнению партнера, каким бы оно не было, но важно еще активизировать мышление человека на предмет представления последствий того или иного варианта.

Очень значима такая техника коммуникации, как **подведение итога** (в том числе промежуточного). Это необходимо для того, чтобы не упустить самые важные вопросы совместной беседы. Кроме того, если речь идет о вопросах, оппонент должен подтвердить свое окончательное согласие по поводу их дальнейшего обсуждения с другой стороной, поэтому вопросы надо еще раз выделить (озвучить) отдельно.

Формирование **аттракции**, с нашей точки зрения, в меньшей степени будет зависеть от коммуникативных навыков как таковых, а больше - от неукоснительного соблюдения принципов, правил и договоренностей, которые оговариваются перед началом работы медиатора, что повышает доверие и уважение к посреднику.

Таким образом, развитие и использование коммуникативной компетентности медиатора способствует нормализации межличностных отношений сторон, без налаживания которых трудно справиться с обсуждаемыми проблемами; а также помогает достижению целей, минимизируя конфликтность во взаимоотношениях участников. Все перечисленное важно учитывать в медиативном процессе, так как это влияет на эффективное разрешение противоречий между сторонами.

Коммуникативные техники в процессе медиации

Многие техники в медиацию пришли из психологии. Однако надо помнить, «по одним и те же психологические техники могут использоваться для разных целей и зависят от позиции человека (следователь, психолог, медиатор и т. д.). Мы выделяем то, что ближе к восстановительной коммуникации.

Техники коммуникации нужны там, где понимание и коммуникация «застревают». Если диалог идет спокойно и конструктивно, применение техник организации коммуникации не обязательно (но такое вряд ли возможно в конфликте).

Таблица 1

Техники и приемы медиации

Задачи	Возможные техники и приемы
1. Создание и поддержание доверительного контакта (в том числе при первоначальном отказе человека от контакта)	Техника активного слушания, то есть: <ul style="list-style-type: none"> • контакт глаз • слушать, не перебивая • доброжелательное внимание к человеку (в том числе в позе и жестах, расположений в пространстве, интонации и пр.) • «нейтральный» (а не клеймящий) язык • не торопить разговор
	Техника пассивного слушания (слушать, не перебивая, дать человеку выговориться)
	Прояснение собственных целей (как медиатора, хранителя круга и т. д.)
	Техника «Отражение»
2. Понимание человека и помощь ему в понимании своей ситуации	Приглашение поделиться своими представлениями
	Задавание вопросов (открытых, закрытых, альтернативных)
	Выдерживание паузы для размышления собеседника
	Техника «Переформулирование»
	Техника «Резюмирование»
	Разделение при резюмировании и переформулировании событий, чувств и состояний, оценок и устремлений собеседника
	Деконструкция (прояснение) высказываемых «общих» или «шаблонных» суждений собеседника («что ты имеешь в виду, когда говоришь..?»)-
3. Обсуждение последствий произошедшего и отношение человека. Обсуждение и их последствия	Фиксация значимой для собеседника проблемной ситуации и разных ее контекстов
	Доброжелательное и безоценочное спрашивание: к каким последствиям приведет (привели, еще могут привести) те или иные действия, устраивает ли это собеседника с точки зрения его ценностей и «стратегических ориентиров»
	Заявление собственной позиции медиатора без оценки позиции собеседника
4. Помочь найти и принять решение, а также ответственность за последствия этого решения	Взгляд в будущее: «Давай представим, что будет, если ты...»
	Техника «мозгового штурма»
5. Помочь спланировать работу по реализации принятого решения	Поиск исключительных моментов: «Были в твоей жизни моменты, когда тебе все-таки удавалось решать подобные сложности, что тебе помогало?»
	Уточнение договоренностей
6. Поддержка диалога между несколькими участниками в качестве нейтрального посредника	Перевод резких выражений человека в «я-высказывание»
	Прояснение человеку состояния и смысла слов его собеседника
	Восстановление непосредственного контакта (просьба обращаться лично к человеку)

Активное слушание

Физическая способность человека слушать еще не означает способности услышать и понять. Слушая, мы часто не слышим другого человека, обдумывая в то время возможный ответ, вспоминая похожие ситуации из своей жизни. В результате наша оценка опережает понимание. Слышать – значит улавливать ключевые слова и мысли, запоминать (фиксировать), анализировать. Активное слушание означает принятие человека (что не обязательно означает согласие) и готовность понимать его точку зрения (даже если она отличается от нашей позиции). – Медиатором произносятся слова и фразы, поддерживающие рассказ человека о личной истории, помогающие ему продолжать разговор:

- *Это действительно важно.*
- *Можно ли подробнее?*
- *С чего все началось?*
- *Что было после этого?*
- *Как отнеслись знакомые?*

Невербальными средствами могут быть расположение стульев, кивок или наклон головы, приближение к собеседнику и другие проявления поддержки, желания слушать и выделить время на неторопливый разговор. Имеют значение тембр голоса (низкий, спокойный), поворот тела к говорящему, открытая поза, контакт глаз, громкость и скорость речи (неспешная), паузы, наличие и характер жестов, интонация.

Что значит «слушать красиво», показано в иероглифе, где сочетаются знаки глаза, уха, сердца и неотрывного внимания:

ИЕРОГЛИФ «СЛУШАТЬ» состоит из четырех частей

- 1 Ухо
- 2 Глаз
- 3 Неотрывное внимание
- 4 Сердце

Источник:
www.mediationportal

Активное слушание позволяет решить важнейшую проблему – проблему доверия, которое возникает только тогда, когда собеседник чувствует искренний интерес к нему как к человеку.

Благодаря доверию у собеседника возникает ощущение сопереживания его проблеме. Кроме того, атмосфера доверия обладает благоприятным эмоциональным воздействием, поскольку собеседник видит, что его слушают.

Задавание вопросов

Часто за время разговора медиатор почти не произносит утвердительных предложений, а общается через точно сформулированные вопросы разных типов:

Открытые вопросы

требуют развернутого ответа или объяснения. Обычно начинаются со слов: «Как..?», «Кто...?», «Почему...?», «Каково ваше мнение?», «Что бы вы хотели в результате этого?» и пр. При этом возникает непринужденная атмосфера, но человеку бывает труднее на них отвечать. Особенно сложно подросткам ответить на вопрос: «Что ты тогда чувствовал?». Во-первых, подросток мог испытывать одновременно много разных чувств и эмоций (страх, злость, радость и т. д.), во-вторых, подростку их не просто идентифицировать и перевести в слова, а в-третьих, его словарного запаса обычно хватает на перечисление лишь нескольких сильных эмоций и чувств.

Закрытые вопросы

предполагают однозначный ответ «да» или «нет», проясняя некоторые факты («Вас это расстроило?») Это сокращает время разговора, но может вызвать ощущение допроса у партнера, кроме того, вместо размышления и внутреннего изменения может возникнуть внешнее согласие со всем, что говорит медиатор (поскольку это проще).

Альтернативные вопросы

представляют собой нечто среднее между открытыми и закрытыми вопросами и предлагают несколько вариантов ответов, с одной стороны, давая возможность рассказывающему согласиться с каким-то из предложенных вариантов, а с другой – оставляют вопрос «открытым»: «Вы почувствовали гнев? Обиду? Огорчение? Растерянность? Или что-то еще?».

При общении используются также вопросы переформулирования и резюмирования. Хочу еще раз подчеркнуть, что задача – не выведать нечто у человека, а помочь ему самому понять произошедшее и выработать к этому собственное отношение.

Переформулирование

Как уже говорилось, понять человека достаточно сложно и наше понимание его сбивчивой речи может быть искажено. В начале рассказа ему казались важными одни события, факты, чувства – и он давал одну оценку произошедшему, а по ходу разговора оценка важности событий поменялась и, в итоге, малозначительное может стать решающим. Часто именно из-за изменения отношения человека к случившемуся конфликт может быть решен. Чтобы помочь человеку лучше понять произошедшее и выработать к этому свое отношение, медиатор возвращает, «отражает» услышанное человеку, дает ему «обратную связь», причем без добавлений, оценок, жалости, воспитания и подталкиваний «на путь истинный» и пр.

Переформулирование – это почти дословное краткое повторение высказанных партнером мыслей и чувств:

- *Я правильно вас понял, что...*
- *Насколько я вас понял, Вы... – Поправьте меня если я ошибусь. Вы сказали...*
- *Проконтролируйте меня, правильно ли я Вас услышал, что...*

Обратная связь «Сообщение»

Если собеседник отвечает: «Да, вы поняли правильно, НО...» – значит, медиатор не совсем понял или искажил информацию. Тогда уместно медиатору задать уточняющий вопрос, например: «А как будет правильно, еще раз скажите, пожалуйста?» Когда вы повторяете без искажений то, что сказал человек, он слышит себя со стороны и может отнестись к своей особе. Нередко человек сам понимает что высказанное не совсем точно отражает произошедшее (состояние или стремление человека) и начинает менять, корректировать свою позицию в более конструктивную сторону. И это является важнейшим изменением у участников конфликта, которое осуществляется не за счёт давления, убеждения, поучения, а за счет того, что люди сами начинают лучше понимать свое отношение к случившемуся и брать на себя ответственность за произошедшее и выход из ситуации.

Резюмирование

Резюмирование представляет собой краткую формулировку важнейших мыслей собеседника. В процессе рассказа и понимания ситуации участника (с использованием переформулирования и вопросов), у медиатора формируется некоторое предположение, что для человека в ситуации является наиболее важным:

- *Как я понял, основной сложностью для вас является...*
- *Больше всего вас волнует...*
- *Самым важным для вас является...*

Если медиатору удалось понять и резюмировать наиболее важные для человека аспекты конфликтной ситуации, образуются вопросы и темы, которые станут основой повестки примирительной встречи:

Я правильно понял, что для вас важным является восстановить справедливость? Если верно, то можем ли мы обсудить на встрече вопрос восстановления справедливости через исправление причиненного вреда?

Я правильно понял, что для вас важно, чтобы обидчик почувствовал боль, которую он вам принес и принял на себя ответственность? Могу ли я записать в качестве темы, что вы расскажете ему о своих переживаниях, а я попрошу его выслушать не перебивая. Вторым пунктам я записал, что вы обсудите, какую ответственность за решение ситуации он готов на себя принять.

Приведу цитату отражающую, с одной стороны, важность, а с другой – определенные рамки, в которых возможно применение техник коммуникации: Техники слушания тем не менее могут и помешать искреннему диалогу, особенно в тех случаях, когда использующий их человек не в состоянии чувствовать себя комфортно в ситуации молчания. Неспособность уважать молчание, глубоко задумываться над сказанным участниками и над тем, что они чувствуют и переживают в данный момент, мешает посреднику. Наиболее наглядный пример технически безупречного использования приемов рефлексивного слушания, которое препятствует искреннему диалогу, – когда посредник перефразирует каждый кусочек диалога таким образом, что его участник воспринимает это как навязчивое и бесчувственное вмешательство, если не обиду.

Подлинный диалог предполагает, что стороны чувствуют себя в безопасности и могут говорить и слушать, не прибегая к обороне и не занимаясь самооправданиями. Он требует жизненного опыта и навыков, которые органичны для многих незападных культур, но сложны для нас. Это способность говорить и слушать «сердцем», уважать молчание и не ощущать неловкость пауз.

Разделение событий, чувств и состояний, оценок и устремлений

При восприятии следует сразу отделять факты, которые произошли или могут произойти, от эмоций, переживаний и состояний человека.

Насколько глубокой должна быть работа с чувствами, эмоциями и состояниями? Поскольку медиация – достаточно рациональная практика и ориентируется на осознание и понимание, то важно, чтобы участники были способны понимать ситуацию, другую сторону, принимать ответственные решения и осознанно договариваться. Если этому мешают слишком сильные эмоции и переживания, медиатор работает с ними (например, через технику отражения или нарративные практики). Но этот процесс не предполагает полного успокоения и длительной работы, он ограничивается готовностью людей вместе конструктивно обсуждать проблему и выход из нее. В любом случае на медиации будет достаточно высокий уровень эмоций (и это хорошо, значит, участники заинтересованы в процессе), главное, чтобы эмоции не «зашкаливали» и не становились разрушительными.

Выдерживание пауз

Когда Вы задали человеку важный вопрос, нужно терпеливо ждать ответ (не давайте следующий и не подсказывайте решение). Если вопрос важный, изменяющий отношение, затрагивающий ценности, человеку обязательно требуется время на размышление над этим вопросом! Часто пауза – это признак того, что человек задумался, размышляет, пытается понять свои чувства, переосмыслить произошедшее. То есть происходит процесс внутренних изменений. Молчание в работе медиатора – это приглашение человека в пространство диалога. Исследования показывают, что в 80 % случаев человек воспринимает паузу в речи как приглашение к продолжению разговора. Одинаково ценно уважение к паузам собеседника (дать ему «собраться с мыслями») и паузы в собственной речи, когда собеседник может задать уточняющие вопросы.

Признание, использование силы тишины и способность комфортно себя чувствовать, храня молчание (качества, как отмечалось выше, часто встречающиеся не в западных культурах), очень важны для гуманистической модели примирения. Сохраняя молчание, мягко препятствуя нетерпеливым попыткам его нарушить вопросами или предложениями двигаться дальше (например, медленно считая до десяти перед тем, как начать говорить), посредник лучше сможет помочь сторонам конфликта воспринять посредничество как диалог и взаимную поддержку.

Пассивное слушание

Эмоции часто захватывают людей, не давая им возможности принимать разумные решения. И пока Человеку не удастся справиться с **ними**, он не будет видеть **многих конструктивных** путей выхода из ситуации. Сильные эмоции у разных людей могут выражаться по-разному: криком и обвинениями, молчанием или отказом от беседы и пр. Работать с сильными эмоциями позволяют техника пассивного слушания и техника отражения.

Пассивное слушание – это внимательное выслушивание человека почти без внешней реакции на его слова. Применяется при сильном эмоциональном возбуждении собеседника. Это дает ему возможность выговориться, а медиатору – показать, что вы его слушаете и понимаете. Медиатор должен быть готов, что на встрече могут выплеснуться эмоции, что стороны могут начать кричать, высказывать обвинения и пр. Сильное выражение эмоций – знак того, что предмет разговора для людей очень важен, что затронуты какие-то болезненные темы. Поэтому на медиации допускается определенный уровень эмоций и медиатору не стоит этого бояться. В какой-то момент и сами стороны, выговорившись и увидев бесперспективность такой формы общения, могут остановиться и начать общаться более конструктивно. Либо медиатор может сказать: «Я вижу, что эта тема очень важна для всех, и хорошо, что были высказаны многие наболевшие вопросы, пусть и в такой резкой форме. Но я не уверен, что взаимные обвинения помогут нам найти выход. Предлагаю не продолжать обвинять друг друга, а вместе обсуждать решение этой ситуации».

Отражение чувств и состояний

Данная техника обычно используется, когда эмоции «захватили» человека и не дают ему возможности разумно и конструктивно понимать произошедшее и обсуждать это с медиатором. Вы стараетесь понять состояние и чувства человека и называете их в виде вопроса или предположения. Этот способ общения позволяет сообщить партнеру, как мы воспринимаем его эмоциональное состояние на данный момент и что мы ждем от него подтверждения (или уточнения) нашего отражения:

- *Мне кажется, вас это очень огорчает.*
- *Вас это обидело?*
- *Вы были рассержены или даже разгневаны?*
- *Вы чувствуете усталость от нашего разговора?*

- *Вам наш разговор кажется бесполезным? Вопросы могут быть про настоящее, прошлое, желаемое будущее.*

Если собеседник проявляет сильное возбуждение, негативные эмоции или агрессию, важно увидеть за этим его боль, страх, беспокойство и т. п. При этом важно избегать оценочных суждений типа: «Плохо» или «Неправильно, что вы чувствуете то-то и то-то». Каждый имеет право на свои чувства и нельзя называть их неправильными, тем более, когда человек раскрыл их перед вами. В данном случае важно максимально точно отразить чувство партнера или воспользоваться альтернативными вопросами, перечисляя несколько вариантов. Суть отражения заключается в том, что при высказывании (а не при проявлении) своих негативных чувств и эмоций человек постепенно освобождается от них и начинает более уравновешенно относиться к ситуации.

«Я-высказывание» – умение говорить о своих чувствах, состояниях, опасениях от первого лица.

Пример:

Я чувствую, что эмоции слишком накаляются и ситуация может стать небезопасной, что Вы думаете по этому поводу?

Медиатор просит стороны также обращаться друг к другу в форме «я-высказывания», сообщая о своих чувствах или состояниях вместо взаимных нападок:

«Можете ли вы сказать второй стороне, что вы чувствовали, когда это с вами случилось? Могли бы вы начать со слов «я чувствовал...» и дальше рассказать о ваших переживаниях?».

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

Абрамсон Г.И. Сопровождение сторон в процедуре медиации. Руководство для адвокатов и консультирующих юристов / Г. Абрамсон – М.: Изд-во ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2013 – 560 с.

Бабосов Е.М. Конфликтология. – Киев, 2007. – 426 с.

Бабосов, Е.М. Конфликтология: Учеб. пособие/ Е.М. Бабосов. – Минск: Тетраси-стемс, 2006. – 464 с.

Большаков, А.Г. Конфликтология организаций/ А.Г. Большаков, М.Ю. Несмелова. – М.: МЗ Пресс, 2004. – 182 с.

Васильев, Н.Н. Тренинг преодоления конфликтов/ Н.Н. Васильев. – СПб., 2007. – 78 с.

Веснин, В.Р. Практический менеджмент персонала: Пособие по кадровой работе / В.Р. Веснин. – М., 2007. – 532 с.

Виханский, О.С. Менеджмент: Учебник/ О.С. Виханский, А.И. Наумов. – М.: Гардарики, 2005. – 528 с.

Вишнякова, Н.Ф. Конфликтология/ Н.Ф. Вишнякова. – Минск: Университетское, 2005. – 246 с.

Гибсон Д.Г., Иванцевич Д., Донелли Д.Х.-мл. Организации, поведение, структура, процессы. – М., 2000. – 459с.

Гришина, Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. – СПб: Питер, 2004. – 464 с.

Громова, О.Н. Конфликтология: курс лекций / О.Н. Громова. – М.: ЭКМОС, 2006. – 319 с.

Емельянов, С.М. Практикум по конфликтологии / С.М. Емельянов. – СПб.: Питер, 2005. – 360 с.

Зеркин, Д.П. Основы конфликтологии: курс лекций/ Д.П. Зеркин. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 480 с.

Знаков, В.В. Понимание в познании и общении. Самара. СамГПУ. – 1998 г. – 188 с.

Кибанов, А.Я. Конфликтология: Учебник / Под ред. А.Я. Кибанова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 302 с.

- Латынов, В.В. Конфликт: протекание, способы разрешения, поведение конфликтующих сторон // Иностранная психология. – 2003. Т. 1. – № 2. – С. 87–93.
- Лебедева, М.М. Вам предстоит переговоры. – М.: Экономика, 2003. – 156 с.
- Лебедева, М.М. Уметь вести переговоры... – М., 2001 г. – 95 с.
- Леонов, Н.И. Основы конфликтологии: Учеб. пособие/ Н.И. Леонов. – Ижевск, 2006. – 122 с.
- Молчанова, Н.В. Влияние эмоций на коммуникативное взаимодействие. Автореферат дис. ... к. псих. наук. – Яр., 2005. – 22 с.
- Ниренберг, Дж. Гений переговоров. – М., 2007. – 341 с.
- Новиков, В.В. Социальная психология: феномен и наука: учебное пособие / В.В. Новиков. – М.: Изд-во Инст-та психотерапии, 2003. – 344 с.
- Паркинсон, Л. Семейная медиация / Лиза Паркинсон. – М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2010. – 400 с.
- Пугачев, В.П. Тесты, деловые игры, тренинги в управлении персоналом: Учебник/ В.П. Пугачев. – М., 2006. – 43 с.
- Сергеева, О.В. Коммуникативная компетентность студентов гуманитарных направлений подготовки: формирующий аспект: монография – Киров: ВЕСИ, 2013 – 109 с.
- Сталберг, Д., Лав, Л. Третий голос. Успешная медиация конфликта / Д. Сталберг, Л. Лав – М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2014 – 224 с.

Тема 4.2. Тренинг по формированию психосоциальных технологий компетентности медиатора по решению конфликтных ситуаций

сост. Черепанова М.И.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ Основная цель тренинга – обучение адекватным способам эффективного разрешения конфликтов путем осмысления содержания конфликтной ситуации и оптимизации личного поведения. Программа тренинга в основном базируется на идеях поведенческого коммуникативного тренинга, однако в нее входят и некоторые элементы работы с личностью участников групп, включающие в себя осознание индивидуальных качеств, мешающих разрешению противоречивых ситуаций и нарушающих внутриличностное равновесие. Прежде всего, это работа с эмоциями человека, которые являются неизменным спутником конфликтов. Основные подходы к разбору, анализу и интерпретации возникающих ситуаций, дискуссий и ролевых игр лежат в плоскости анализа, принятого в классических социально-психологических тренингах. Ключевая роль ведущего в поведенческих тренингах – помочь участникам группы в переводе импульсивного поведения, весьма характерного для конфликтных ситуаций, на уровень объективированного, осмысленного и конструктивного.

Одной из распространённых форм профилактики и разрешения конфликтов является форма тренинга.

Спланированная программа тренинга разрешения конфликтов рассчитана на три дня восьмичасовой работы по традиционной схеме деления на «сессии» (интенсивная работа в течение полутора-двух часов) – логически выстроенные части, касающиеся освоения основных тем, после которых делаются перерывы для отдыха.

День первый

Цель. Определение содержания понятия «конфликт», его типов и видов, построение различных классификаций конфликтов, осознание не только негативных последствий конфликта, но, также, и его позитивных, развивающих составляющих. В этот день актуализируются знания, полученные ранее на коммуникативном тренинге или, если участники до этого не участвовали в таком тренинге, закладывается их основа.

Любое занятие с группой начинается с вводной лекции ведущего, с обозначения цели, задач и правил взаимодействия, а также знакомства участников группы (или обновления его, если тренинг разрешения конфликтов является логическим продолжением коммуникативного тренинга, что представляется нам весьма эффективным).

В качестве вопроса, настраивающего на основную тему работы, можно предложить вопрос о том, что помогает и мешает каждому участнику группы в решении конфликтных ситуаций. Возможен также вопрос о том, какие ассоциации возникают при слове «конфликт»; с каким животным, погодой, цветом ассоциируется это понятие.

Затем для уточнения понятия «конфликт» и его классификации предлагается провести работу в мини-группах. Обобщенные мнения, полученные при обсуждении, выносятся ведущим на флип-чарт и остаются в группе на весь период ее работы в качестве методического сопровождения. К результатам выработанной классификации Удобно возвращаться при рассмотрении конкретных случаев анализа конфликтных ситуаций. Таким же образом возможно обсуждение причин возникновения конфликта.

Развивает тему первая ролевая игра на тему «День приема руководителя по личным вопросам», когда к «руководителю» организации приходят по личным конфликтным вопросам и претензиям «сотрудники». При анализе игры очень важно обратить

внимание группы как на вербальные, так и на невербальные проявления конфликтного поведения (молчание, взгляд, поза, мимика, тон речи, резкие возражения в разговоре, прозвища, устный и письменный спор и все другие особенности манеры обращения и общения). Кроме этого, результатом анализа может быть подведение итогов, касающихся негативных и, самое главное, возможных позитивных следствий каждой анализируемой ситуации для той и другой стороны взаимодействия. Таким образом, тренинг становится базой для формирования позитивного взгляда на жизненные ситуации, конфликтное содержание которых является основой для личностного развития.

Следующая игра может быть посвящена посредничеству в решении конфликтных ситуаций. Часто посредниками в решении конфликтов выступают руководители, и ситуация такого рода может быть смоделирована в тренинге. Например, сюжетом ролевой игры может быть ситуация, когда двое сотрудников отказываются совместно участвовать в проекте (или супруги не желают продолжать совместную жизнь). Задача руководителя (консультанта) – решить эту ситуацию, применяя необходимый алгоритм: выслушивание одной стороны, повторение этой точки зрения другой стороной, затем проведение этой же процедуры с точкой зрения другой стороны, прояснение руководителем совпадений точек зрения, нахождение общего и решение конфликта. Анализ результатов игры предполагает обращение к техникам установления контакта, активного слушания и аргументации, что позволяет всем участникам в полной мере понимать точку зрения коллег.

Итоги дня обсуждаются в общем круге. Эта процедура позволяет ведущему тренинга подвести итоги первого дня, выяснить наиболее важные направления дальнейшей работы и обратить внимание на личные переживания участников группы, их состояние.

День второй

Цель. Рассмотрение субъективных составляющих конфликта. Это подразумевает разделение субъективных и объективных причин и составляющих решения конфликта. Главное направление этого анализа – эмоции и чувства, которые существенно затрудняют решение проблемных ситуаций. Поэтому особым предметом рассмотрения в этот день является вербализация (проговаривание) чувств своих и участников взаимодействия. Обращается внимание не только на результат – получение выгоды или достижение поставленной цели, но и на чувства, сопровождающие этот процесс. Показывается разрешение конфликтных ситуаций возможно лишь при избегании чисто оценочных суждений, замены их описаниями собственных эмоциональных суждений.

День начинается с настроя на работу – с психогимнастических упражнений, которые, как правило, направлены на диагностику эмоционального состояния участников группы, проявление их чувств.

Одним из упражнений тренинга может быть психогимнастика, содержанием которой будет анализ первого впечатления о человеке, неточность которого часто влияет на ситуацию взаимодействия. Участникам группы задается вопрос о том, какое впечатление произвел партнер во время первого контакта и почему впечатление было именно таким. Обращается внимание на элементы социальной стереотипизации при восприятии окружающих.

Далее в тройках анализируются черты личности, являющиеся субъективными предпосылками конфликта, и на флип-чарте строится классификация так называемых «конфликтных личностей» (демонстративная, ригидная, неуправляемая, сверхточная, бесконфликтная и целенаправленно конфликтная), обсуждаются способы понимания таких людей и умения найти с ними общий язык при помощи установления контакта и вербализации чувств.

Важный момент второго дня – тема контроля эмоционального состояния в конфликтной ситуации и приемов саморегуляции. Для этого возможно моделирование в виде ролевой игры ситуации межличностного взаимодействия в семейном конфликте, а также межличностных претензий. Важно показать, что с точки зрения личностного научения и развития именно «отрицательные» эмоции являются самым «положительным» и информативным фактором. Ситуации, в которых возникают такие эмоции, – это ситуации, к которым человеку нужно подойти наиболее внимательно, как к уроку, который нужно усвоить и учитывать в будущем.

В этот же день может быть проведена индивидуальная психодиагностика, касающаяся, например, преимущественных способов решения конфликтных ситуаций (тест Томаса), обсуждаются преимущества и недостатки каждого из способов реагирования.

День заканчивается групповой рефлексией, подведением итогов в контексте ведущей темы дня.

День третий

Цель. Рассмотрение межгрупповых конфликтов, их специфики и профилактики, а также посредничества в конфликтных ситуациях.

После вводных упражнений по созданию рабочей атмосферы возможно провести ролевую игру по противостоянию двух команд «соперников» (руководители-подчиненные, администрация-профсоюз, ученики-учителя, продавцы-покупатели, отцы-дети и т. д., в зависимости от целевой аудитории), когда каждый из участников команды после группового обсуждения общего списка претензий предъявляет личную претензию представителю противоположной команды. При ответе на претензию учитывается как решение вопроса, так и эмоциональные составляющие этого процесса.

Далее ведущим группы формулируется возможность запроса на решение личной конфликтной ситуации, которая волнует конкретных участников группы. Если эти запросы сформулированы (а это возможно к третьему дню тренинга, когда доверие участников группы друг к другу и к процедуре тренинга возрастает), то можно работать с ними в рамках балинтовской сессии. Поскольку количество таких запросов может быть велико, то и продолжительность сессии может быть очень значительной.

Иным способом ответа на конкретные вопросы участников группы может быть рассмотрение реальных случаев из повседневной или профессиональной практики, связанных с конфликтным взаимодействием, которые представляются самими участниками (сбор проблем) или являются достаточно типичными для данной ситуации (кейсы). В этом контексте правомерно, если об этом не заходила речь ранее обратить внимание на различие в понятиях «повод» и «причина», лежащих в основании конфликта.

На последнем этапе третьего дня тренинга подводятся итоги по конструктивным и неконструктивным способам решения конфликтов, проводится игра на целостное действие. В качестве основной моделирующей ситуации рассматривается ситуация переговоров с ограниченными ресурсами и претензиями сторон друг другу. Тема переговоров формулируется исходя из специфики и интересов группы, а также задач конкретной организации. Важно обратить внимание на разграничение интересов и позиций сторон, четкость их формулировок.

Заключительный круг тренинга дает всем участникам группы возможность высказаться, выразить собственные чувства и сформулировать личные задачи на фоне решения ситуаций конфликтного взаимодействия.

Особый контекст применения программы тренинга разрешения конфликтов полностью зависит от целевой аудитории и задач, поставленных перед ведущим группы, а репертуар игр и ситуаций, анализируемых в тренинге, легко может быть изменен без коррекции его общей концепции.

Дополнительные упражнения:

1. Просьба

Инструкция: «Как много зависит от того, как попросить человека о каком-то одолжении, каким тоном, в какой обстановке, с каким настроением вы изложите свою просьбу. От этого по существу зависит – «быть или не быть». А между тем, существует совсем небольшое количество приемов, которые могут значительно повысить вероятность выполнения вашей просьбы. Ну, давайте попробуем.

Выберите себе партнера и пока, в порядке шутки, попросите его о чем-нибудь. Попросите у него на время, например, очки, авторучку. Можно что-то более существенное, можно попросить о каком-то одолжении с его стороны, но все зависит от той формы, в которой вы изложите свою просьбу. Собеседники всегда ценят тактичность, дипломатичность, а также оригинальность и находчивость. Трудно отказать в просьбе, если она исходит от друга, а ведь можно создать дружеское расположение к себе и у совсем незнакомого человека. Если ваша просьба будет начинаться с комплимента, упоминания заслуг того, к кому вы обращаетесь, его авторитета и значимости, ваши шансы повышаются. Это, конечно, размягчит сердце партнера. Известно, что когда к мужчине обращается с просьбой женщина, можно ожидать большего успеха. Если за просьбой следует тут же, еще до получения ответа, косвенная признательность, благодарность за предстоящую услугу, уже трудно отказать. Итак, давайте попробуем. Выберите себе партнера, подойдите к нему, присядьте рядом и попробуйте, может быть, начиная издали, попросить у него что-нибудь. Пожалуйста, начали. Теперь просьба каждому – подойти к ведущему со своими трофеями. Разумеется, их придется вернуть, но первенство все равно сохранится за тем, кто набрал больше всего трофеев».

2. Нахал

Инструкция: «Ну, бывает же так: вы стоите в очереди и вдруг перед вами кто-то «влезает»! Ситуация очень жизненная, а ведь частенько и слов не находится, чтобы выразить свое возмущение и негодование. Да и не всяким словом легко отбить охоту на будущее такому нахалу. А тем не менее, как же быть? Ведь не мириться же с тем, что такие случаи должны быть неизбежны. Давайте попробуем разобрать такую ситуацию. Пожалуйста, разбейтесь на пары. В каждой паре партнер слева – добросовестно стоит в очереди. «Нахал» заходит справа. Пожалуйста, отреагируйте экспромтом, да так, чтобы было не повадно. Начали!

Теперь, давайте поменяемся ролями. Теперь нахал будет заходить слева, правые игроки каждой пары должны отреагировать. Начали. Спасибо. Ну, а теперь, давайте устроим конкурс на лучший ответ в данной ситуации. Пожалуйста, ведущий, организуйте это соревнование и оцените самого находчивого игрока этого соревнования. Ведущий, пожалуйста! Спасибо. На этом игра закончена.

3. Польза от ошибок

Инструкция: «Кто не ошибается? Разве, что тот, кто ничего не делает. Всем нам, так или иначе, приходилось ошибаться, изменять свою точку зрения. Но как нелегко признавать свои собственные ошибки, особенно когда это нужно делать на людях. Но жизнь есть жизнь. Надо уметь достойно признавать себя на каком-то этапе побежденным, чтобы в следующий раз избежать этих ошибок. Надо уметь показать и другим пример. Пожалуйста, задумайтесь все на несколько секунд, припомните самокритично, какие были самые существенные ошибки в вашей жизни. Представьте себе, что вы вернулись в то старое время, и вот сейчас вы в преддверии совершения этой ошибки. Конечно, задним числом все кажется иначе. И то, что это была ошибка, ясно только сейчас. Но все же как бы вы поступили, если бы с сегодняшним багажом опыта вы вернулись в прошлое? В тот самый момент, когда вы находитесь в преддверии той самой ошибки. Что бы вы сказали окружающим? Представьте себе ситуацию, когда можно

было поставить вопрос иначе. Итак, ваша речь в ситуации, в присутствии тех лиц, когда можно было избежать ошибки. Проговорите это в течение одной минуты мысленно, с закрытыми глазами. Затем все желающие смогут поднять руку и рассказать о своем печальном опыте, а также о том, как бы вы сейчас повели себя в той ситуации. Итак, для мысленной подготовки вам дается одна минута. Начали! Минута закончилась. Сейчас желающие поднимают руку, берут слово. Начали! Спасибо. Теперь давайте обсудим наши впечатления».

4. «Техника вежливого отказа»

Инструкция: «Предположим, к вам пришел рекламный агент с целью вынудить вас что-нибудь купить или еще с каким-то подобным навязчивым намерением. Вы топаетесь и, кроме того, совершенно не заинтересованы в том, что вам предлагается. Как быть? Выгнать – неудобно... А время идет... Рекламный агент специально обучен, действует расчетливо, используя все ваши слабые стороны. Нужно как-то решить эту проблему.

У вас три цели:

1. Не потерять время.
2. Не выйти из себя.
3. Не поддаться на уговоры.

Предлагаем вам поиграть в эту игру в парах. Объединитесь, пожалуйста, в пары.

Один из вас – рекламный агент, другой – сопротивляющийся клиент. Стратегия агента: всеми способами пытаться «зацепить клиента», не давать ему возможность повторять один и тот же «заезженный отказ», пытаться тем или иным способом переиграть его. Стратегия клиента: отвечать таким образом, чтобы в ответе прозвучало «да» человеку: «Вы очень любезны», «Вы так внимательны и добры», и «нет» делу: «Спасибо, но я в этом не заинтересован». При попытках агента расширить каким-либо образом круг обсуждаемых проблем, чтобы все-таки навязать свою «игру» – применяется «принцип заезженной пластинки»: что бы ни говорил человек, ему с неизменной вежливостью повторяется одна и та же фраза, например: «Спасибо, но меня это не интересует». Если коротко, то схема поведения клиента может быть сведена к трем пунктам:

1. Что вам надо?
2. Спасибо, вы очень любезны.
3. «Заезженная пластинка».

Итак, попробуйте провести первый раунд этой игры. Во втором раунде поменяйтесь местами: пусть клиент станет агентом и наоборот».

5. «Внутренний голос»

Участники делятся на две команды. Одна команда сидит по кругу, другая – стоит вокруг сидящей команды. Стоящий участник является «внутренним голосом» сидящего. Сидящие ведут между собой беседу. Стоящие слушают. Затем тренер прерывает беседу и просит стоящих сказать по очереди, что на самом деле думает сидящий человек. Перед началом игры дается инструкция: «Положи руки на плечи сидящего и попытайся прочувствовать того, чьим «внутренним голосом» ты будешь». Опрос ведется по очереди или выборочно. Затем игроки меняются местами. «Внутренний голос» становится «внешним». В конце игры каждый высказывается о том, насколько верным был его «внутренний голос».

После проведенного тренинга или отдельных упражнений работать становится интереснее, появляется цель. Это повышает отдачу как от каждого работника в отдельности, так и от всего рабочего коллектива в целом.

ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРАКТИКУМ

ПОВЕДЕНИЕ НА РАЗЛИЧНЫХ СТАДИЯХ ПЕРЕГОВОРОВ

Что следует и что не следует делать на каждой стадии переговоров

Что не следует делать при подготовке к переговорам

- Не выделять время на обдумывание, чего Вы хотите;
- Путать собственную подготовку и принцип «Посмотрим, что они предложат»;
- Нереалистично оценивать свои точки Входа и Выхода;
- Не расставлять свои приоритеты;
- Не задавать заранее диапазона для своих требований.

Что следует делать при подготовке к переговорам;

- Определять заранее желаемый результат переговоров;
- Определять пункты, по которым будут вестись переговоры;
- Определять, что бы Вы хотели по каждому пункту;
- Ранжируйте пункты по важности:
 - Высокая – имеет решающее значение – в случае отказа, переговоры прекращаются;*
 - Средняя – важно, но не имеет решающего значения;*
 - Низкая – желательно, но не обязательно.*
- Определять свои точки Входа и Выхода;
- Точка входа должна быть реалистичной;
- Точка выхода должна соответствовать минимально приемлемым для Вас условиям;
- Быть готовым изменить свою позицию, если Вы сочтете это разумным.

Что не следует делать на стадии дебатов

- Стараться выиграть по каждому пункту;
- Атаковать и обвинять кого-либо по поводу проблемы;
- Использовать сарказм и другие формы неуважения;
- Наносить личные оскорбления;
- Приписывать скрытые мотивы другим людям;
- Не слушать другую сторону;
- Использовать провокации;
- Игнорировать Сигналы (что это такое – смотрите далее) другой стороны;
- Уступать в ответ на непреклонность;
- Не исследовать внутренний смысл Сигнала другой стороны;
- Не реагировать на Сигнал положительно;
- Задавать закрытые вопросы;
- Спорить, только для того, чтобы «победить»;
- Не подводить итогов;
- Делать «из мухи слона».

Что следует делать на стадии дебатов

- Помогите другой стороне уменьшить напряжение;
- Помните, что Ваша единственная задача на стадии дебатов – определить, что хочет другая сторона и информировать их о том, что Вы хотите;
- Установите контакт;
- Покажите и заслужите уважение;
- Следуйте культурально установленным нормам приветствия и неделового общения;
- Установите повестку дня для организации данной встречи;
- Раскройте пункты того, что Вы хотите, но не диапазон, приемлемый для Вашей стороны;
- Избегайте угроз;
- Слушайте – спрашивайте – слушайте;
- Используйте открытые вопросы;
- Резюмируйте быстро и позитивно;
- Устанавливайте равновесие между твердостью и гибкостью;
- Ведите переговоры по поводу предложений, а не по поводу принципов, мнений и аргументов;
- Сигнализируйте о своем желании договориться;
- Слушайте больше – говорите меньше;
- Вознаграждайте Сигналы, а не непримиримость.

Что не следует делать на стадии предложений

- Жаловаться, а не предлагать;
- Использовать неуверенный язык (Наверное..., Может быть...);
- Делать предложения без условий;
- Договориться с представителями Вашей стороны о Ваших предложениях до встречи с другой стороной;
- Начинать с нереалистических предложений или условий;
- Сглаживать предложение путем многословия;
- Проявлять чрезмерную эмпатию и недооценивать другую сторону;
- Прерывать предложение.

Что следует делать в стадии предложений

- Быть реалистичными;
- Адресовать предложения мотивам другой стороны;
- Двигаться маленькими шагами;
- Ожидать ответной реакции;
- Исследовать сильный язык, напр. 'Нам нужны', 'Мы должны иметь', 'Нам необходимо';
- Будьте твердыми в общих вопросах 'Мы должны получить компенсацию';
- Будьте гибки в конкретике, напр. 'Мы предлагаем 10 000 руб. в качестве компенсации'.

Два элемента стадии «Предложения» и стадии «Торга и заключения сделки»

- Условие – Что Вы хотите от другой стороны;
- Предложение – что вы можете получить взамен;
- Используйте условие и предложение вместе;
- Начинайте всегда с условия.

Что не следует делать в стадии Торга и заключения сделки

- Предлагать что-либо без собственных условий или просто спорить;
- «Спрашивать разрешения» используя вопрос «Если я сделаю..., Вы сделаете...?»;
- Забыть заготовить условия заранее;
- Разделять свои предложения и условия длительными объяснениями;
- Соглашаться по всем пунктам сразу;
- Не связывать соглашение по одному пункту с соглашением по другому.

Что следует делать в стадии Торга и заключения сделки

- Помнить о правиле: «Переговоры не закончены, пока не достигнуто соглашение по всем пунктам»;
- Решать, что Вы хотите за каждое свое предложение;
- Не давать что-то за ничего;
- Помнить: «если Вы..., тогда я ...»;
- Связывать соглашение по одному пункту с соглашением по другому.

Две основные группы сигналов интереса

1. Деловые, основанные на интересах бизнеса и фирмы.
2. Личные, основанные на личных интересах, отношениях, чувствах.

Деловые интересы, высказанные собеседником:

- обойти конкурентов;
- увеличить прибыль;
- избежать новых обязанностей;
- обеспечить условия;
- облегчить бизнес;
- избежать риска;
- иметь надежных старших партнеров;
- иметь надежных младших партнеров;
- иметь надежных равных партнеров;
- развить бизнес;
- сэкономить;
- найти нестандартные схемы.

Возможные личные интересы:

- собственная сила;
- быть не хуже других;
- радость от достижения намеченного результата;
- боязнь некомпетентности;
- лень;
- комфорт;
- экономия сил;
- личная безопасность;
- переложить ответственность;
- признание, уважение;
- добрые отношения;
- радость творчества;
- бережливость;
- новые впечатления;
- не отстать от жизни.

<i>Сигналы</i>	
Интересы Клиента	Словесные ориентиры
Безопасность. Спокойно работать, гарантии, рекомендации, без риска, по порядку, без проблем	«Я привык..» «Меня не раз подводили...» «Я опасюсь, что...»
Новизна. Интересно, риск, новый ассортимент	«Ну, это все предлагают...» «Чем вы отличаетесь от...»
Достижение результата, Самовыражение, расширить бизнес, завоевать, укрепиться, быть впереди, обогнать конкурентов...	«Мы подняли, придумали, сделали, достигли...»
Признание, партнерские отношения. Контакт, отношения, преданность, верность...	«Я хочу доверять...», «Справедливость – вот самое главное...»
Уважение. Мой опыт, наша репутация, известность...	«А кто вы такие?», «Я работал с такими фирмами...»
Комфорт. Удобно, быстро, точные сроки, условия...	«Я не люблю напоминать», «Я плачу деньги за...»
Экономичность. Выгода, прибыль, издержки, скидки...	«Другие предлагают дешевле...» «Что я с этого буду иметь?»

Ключевые слова и реплики клиента

<u>Клиент говорит</u>	<u>Его потребность</u>
«Вы пришли не в какую-то лавку, а в солидный супермаркет».	
«Допустим, я возьму у вас товар, а покупатель не знает, что это такое. Что я буду делать дальше?»	
«Да я наперед знаю все, что вы мне предложите. У меня все прилавки и так завалены».	
«Знаете, мне жалобы клиентов совсем не нужны, к нам приходит очень солидная публика».	
«Я имею дело только с надежными поставщиками, чтобы все было в порядке».	
«Три года назад у нас работало 5 человек в маленьком зале, а сегодня... И впереди у нас большие планы».	
«Хорошо, а вдруг доллар опять поползет? Покупатель растеряется...».	
«Я, знаете, люблю работать в хорошем контакте, на доверии. А для этого нужно человека хорошо узнать».	
«Ко мне таких, как вы, торговых агентов, за день по 30 человек приходит, работать некогда».	
«Я считаю, что в бизнесе надо уметь абсолютно все и быстро реагировать».	
«А в чем для меня выгода работы именно с вами?»	
«Даже не знаю. С этими вашими упаковками столько проблем: вид нетоварный»	

Типы вопросов

ВОПРОСЫ		
Тип	Ситуация	Пример
Открытые. Начинаются со слов «ЧТО», «КАК», «ГДЕ», «ПОЧЕМУ», «КОГДА»	Сбор информации и обстановка доброжелательного общения	«На чем основана ваша позиция?», «Как Вы считаете, это нужно сделать?» «Почему вы выбрали этих поставщиков?»
Закрытые. Подразумевают единственный ответ; «ДА» или «НЕТ».	Обстановка, требующая перехвата инициативы	«Вы уже приняли решение?» «Вы можете ответить на мой вопрос»
Альтернативные. Предполагается несколько вариантов ответа на выбор	При необходимости оказать мягкое давление	«Для вас предпочтительнее первый или второй вариант»
Блокирующие. Уточняют, конкретизируют	Претензии, недовольство, обвинения	«Скажите, кто именно?» «Когда конкретно?»
Риторические. Не требуют ответа	Повышение заинтересованности	«Вы хотели бы иметь большую прибыль при меньших затратах?»

АНАЛИЗ ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА

<p>Сила в переговорном процессе</p> <p><i>Уравнение силы в переговорах</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Араб-странник с 6 верблюдами идет по пустыне в поисках воды. Он видит другого араба-торговца с табличкой «ВОДА! За одного верблюда Вы получите столько воды, сколько сможете выпить». У кого сила? • Ключевой вопрос здесь: предпочтет странник отказаться от воды или согласиться на цену в одного верблюда. Он предпочтет то, что навредит ему меньше всего. Ключевая идея здесь: <u>то, что навредит ему меньше всего.</u> • Верблюжий вопрос • Сила стороны А в переговорах с В = Отрицательные последствия для В в случае его отказа от предложения А (цена отказа) / Отрицательные последствия для В в случае его согласия с предложением А (цена согласия). В данном случае последствия от потери воды / последствия от потери верблюда. <p>0.0 – невозможно; 0.25 – возможно; 0.5 – 50/50; 0.75 – весьма вероятно; 1.00 – почти точно.</p> <p style="text-align: center;">Правила поведения слабой стороны:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Организуют фуршеты, отдых. 2. Может просить (пожалуйста, будьте добры). Адекватное поведение. 3. Слабая сторона привлекает третью сторону (агентов влияния). 4. К человеку с более высоким статусом идем в большем составе (не один на один, вдвоем, втроем). 5. Слабая сторона собирает максимальное количество информации о сильной.

Правила поведения сильной стороны:

1. *Тактика ленивого льва: снисходительна, спасает лицо слабой – иначе можно нажать врага или потерять свою силу, лицо. Хороши фразы типа «Я вижу разумные зерна». Вежливость и ещё раз вежливость.*
2. *Сильная сторона не должна высказываться первой. Только: слушаю вас.*
3. *Больше молчит. Невыгодно говорить. Когда в переговорах начинается перевес на твою сторону, МОЛЧИ.*

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

- Абрамсон Г.И. Сопровождение сторон в процедуре медиации. Руководство для адвокатов и консультирующих юристов / Г. Абрамсон – М.: Изд-во ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2013 – 560 с.
- Бабосов Е.М. Конфликтология. – Киев, 2007. – 426 с.
- Бабосов, Е.М. Конфликтология: Учеб. пособие/ Е.М. Бабосов. – Минск: Тетраси-стемс, 2006. – 464 с.
- Большаков, А.Г. Конфликтология организаций/ А.Г. Большаков, М.Ю. Несмелова. – М.: МЗ Пресс, 2004. – 182 с.
- Васильев, Н.Н. Тренинг преодоления конфликтов/ Н.Н. Васильев. – СПб., 2007. – 78 с.
- Веснин, В.Р. Практический менеджмент персонала: Пособие по кадровой работе/ В.Р. Веснин. – М., 2007. – 532 с.
- Виханский, О.С. Менеджмент: Учебник/ О.С. Виханский, А.И. Наумов. – М.: Гардарики, 2005. – 528 с.
- Вишнякова, Н.Ф. Конфликтология/ Н.Ф. Вишнякова. – Минск: Университетское, 2005. – 246 с.
- Гибсон Д.Г., Иванцевич Д., Донелли Д.Х.-мл. Организации, поведение, структура, процессы. – М., 2000. – 459с.
- Гришина, Н.В. Психология конфликта/ Н.В. Гришина. – СПб: Питер, 2004. – 464 с.
- Громова, О.Н. Конфликтология: курс лекций/ О.Н. Громова. – М.: ЭКМОС, 2006. – 319 с.
- Емельянов, С.М. Практикум по конфликтологии/ С.М. Емельянов. – СПб.: Питер, 2005. – 360 с.
- Зеркин, Д.П. Основы конфликтологии: курс лекций/ Д.П. Зеркин. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 480 с.
- Знаков, В.В. Понимание в познании и общении. Самара. СамГПУ. – 1998 г. – 188 с.
- Кибанов, А.Я. Конфликтология: Учебник / Под ред. А.Я. Кибанова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 302 с.
- Латынов, В.В. Конфликт: протекание, способы разрешения, поведение конфликтующих сторон // Иностр. Психология. – 2003. Т. 1. – № 2. – С. 87–93.
- Лебедева, М.М. Вам предстоят переговоры. – М.: Экономика, 2003. – 156 с.
- Лебедева, М.М. Уметь вести переговоры... – М., 2001 г. – 95 с.
- Леонов, Н.И. Основы конфликтологии: Учеб. Пособие / Н.И. Леонов. – Ижевск, 2006. – 122 с.
- Молчанова, Н.В. Влияние эмоций на коммуникативное взаимодействие. Автореферат дис. ... к. псих. наук. – Яр., 2005. – 22 с.
- Ниренберг, Дж. Гений переговоров. – М., 2007. – 341 с.
- Новиков, В.В. Социальная психология: феномен и наука: учебное пособие / В.В. Новиков. – М.: Изд-во Инст-та психотерапии, 2003. – 344 с.

Паркинсон, Л. Семейная медиация / Лиза Паркинсон. – М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2010. – 400 с.

Пугачев, В.П. Тесты, деловые игры, тренинги в управлении персоналом: Учебник/ В.П. Пугачев. – М., 2006. – 43 с.

Сергеева, О.В. Коммуникативная компетентность студентов гуманитарных направлений подготовки: формирующий аспект: монография – Киров: ВЕСИ, 2013 – 109 с.

Сталберг, Д., Лав, Л. Третий голос. Успешная медиация конфликта / Д. Сталберг, Л. Лав – М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2014 – 224 с.

Тема 4.3. Роль невербальной коммуникации в посреднических переговорах

сост. Меженин Я.Э.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ Переговоры с участием посредника, это в первую очередь переговоры, и обмен информацией в переговорном процессе играет важную роль. Однако не всегда стороны коммуникации раскрывают всю информацию о себе, о ситуации, о собственных эмоциях. Но это не значит, что информацию такого рода невозможно обнаружить. Если медиатор в ходе медиативной сессии сможет уловить невербальные сигналы, свидетельствующие о наличии конфиденциальной информации, и правильно ими воспользоваться, то это значительно повышает шансы на успех всех сторон. Невербальные сигналы позволяют познать истинные чувства и мысли собеседника.

По утверждениям ученых, примерно 60–80% информации передается в непосредственном общении невербальными средствами, которые воспринимаются различными сенсорными системами: зрением, слухом, тактильными ощущениями и тому подобное. 80% информации содержится в манере поведения, положении тела, тоне голоса, жестах, мимике, интонации, ритме и тембре голоса.

1) Внешний вид – говорит о стабильных вещах, таких как личность коммуниканта, его социальный статус, социальная роль, работа. Внешний вид человека отражает свойства определенной социальной группы. Одежда и ее элементы могут быть не столь вольно интерпретированы в определенных ситуациях.

2) Проксемика – т.е. пространственное отношение. Здесь значение оказывают такие вещи, как расстояние между собеседниками. Можно выделить такие типы проксемики, как публичная, социальная, персональная и личная. Расстояние между собеседниками зависит как от возраста, так и от пола коммуникантов, и от степени знакомства между ними. Расстояние между коммуникантами зависит от ряда взаимоотношений типа любовь – дружба – доброжелательность – недоброжелательность – вражда. Обычно недостаточно знакомого человека держат на расстоянии вытянутой руки.

В этом контексте медиатор обеспечивает равноправие сторон их посадкой за столом переговоров. Кроме того, если какая-то сторона переговоров отклоняется от стола – это может свидетельствовать о ее безучастии, отсутствии удовлетворения ее интереса. В этом случае медиатор должен отработать эту ситуацию, в соответствии со сложившейся обстановкой.

3) Мимика – самый важный невербальный канал для выражения отношений и эмоций с другими людьми. Исследователи пытались классифицировать выражения лица и, как правило, точки зрения сходятся на шести: радость, удивление, страх, печаль, гнев, отвращение/презрение. Наличие выражения этих эмоций за столом переговоров может и должно быть обсуждено в кокусе.

4) Кинесика (жесты и позы) – совокупность поз, жестов и движений, которые дополняют речь и делают её более выразительной. Этот метод помогает поддерживать внимание слушателя и акцентировать те моменты, которые являются самыми важными для рассказчика. Здесь важно соблюдать однозначность толкования, так как в ином случае могут возникнуть нежелательные последствия. Язык тела интерпретируется как положительный и подлинный, важно, что он представляется естественным.

5) Гаптика (прикосновения, тактильное общение) – касания могут быть использованы для утешения, поддержки и поздравления в зависимости от отношения. При-

косновения часто регулируются культурными различиями. Все тактильные виды невербального общения можно разделить на профессиональные, любовные, дружеские и ритуальные. Естественно, что в деловой сфере используются профессиональные прикосновения. Они призваны вызвать больше доверия у человека, но при этом нужно учитывать культурные факторы, которые в каждой стране могут сильно отличаться. В отличие от психолога медиатору целесообразно воздержаться от тактильного контакта со сторонами конфликта за столом переговоров.

6) Окулесика (визуальный контакт) – контакт глаз регулирует разговор и указывает на смену ролей оратора и слушателя. Это происходит в 10–30% случаях использования невербальных средств общения. Зрительный контакт используется для подтверждения или избегания присутствия других людей и может раскрыть информацию об отношениях, эмоциях, доминировании и власти в социальных отношениях.

7) Паралингвистика (вокальные особенности, которые сопровождают речь) – голосовые подсказки включают интонации, тембр голоса и вокальные акценты и могут усилить словесный смысл. Смех и плач тоже считаются паралингвистическими элементами. Эти жесты могут раскрыть эмоциональное состояние, отношение к другим людям, социальный класс или происхождение.

8) Хронемика (время) – то, как человек использует время или говорит о нем. Люди имеют различные психологически-временные ориентации, которые влияют на то, о чем они думают и как воспринимают время в своей повседневной жизни. Человек может быть более ориентирован на прошлое, используя его, чтобы сформировать настоящее, либо в будущее, работая над «завтра». Кроме того, человек может быть ориентированным на настоящее, живет в основном на сегодня. Культура может играть важную роль в определении направленности времени, поэтому важно быть в курсе этих различий и их потенциального воздействия на отношения. Например, фраза одной из сторон: «это нужно сделать срочно!» требует конкретики – т.е. установления четких временных рамок, например, в течение 24 часов.

Некоторые из вышеперечисленных видов невербалики рассмотрим подробнее.

К паралингвистическим компонентам невербальной коммуникации, определяющим качество голоса, его диапазон, тональность, относят: громкость, темп, ритм и высоту звука.

Экстралингвистическими компонентами являются индивидуальные особенности и типы произношения – речевые паузы, смех, покашливание, вздохи, плач, заикание и тому подобное.

Громкость голоса, особенно динамика изменений этого параметра во времени, – важное акустическое средство кодирования невербальной информации. Так, для печали характерна низкая громкость голоса, а для гнева – увеличенная. Большая громкость голоса сочетается с выраженной побудительной силой высказывания и часто служит намерению повлиять на собеседника. Говорить громче бывает легче, если одновременно повышать частоту (это и есть разговор «на повышенных тонах»). Если повышение тона превышает допустимый уровень для конкретного партнера, то это воспринимается как покушение на личное достоинство. Малая громкость голоса в процессе общения чаще всего ассоциируется у слушателей со сдержанностью, скромностью, нехваткой жизненной силы. Наиболее эффективной в практике деловой коммуникации признается тактика постоянного изменения громкости голоса. Часто слово, произнесенное тихим голосом на фоне громкой речи, привлекает к себе большее внимание, чем слово, усиленное криком.

Темп речи. Средние статистические характеристики темпа речи человека существенно изменяются с возрастом вследствие ослабления активности артикуляционного процесса. Можно говорить о темпе речи как об индивидуальной личностной особенно-

сти, связанной прежде всего с характеристиками темперамента человека. Быстрый темп речи может свидетельствовать об импульсивности, уверенности в себе, а спокойная медленная манера указывает на невозмутимость, рассудительность, основательность. Кроме того, существуют значительные различия по показателям речи между представителями разных культур: «нормальная скорость» речи у французов и итальянцев обычно выше, чем у немцев и англичан.

Ситуативные изменения присущего человеку индивидуального темпа речи позволяют судить об изменении его состояния. Так, люди начинают говорить быстрее, когда они взволнованы, когда говорят о своих трудностях, хотят в чем-то убедить собеседника или уговорить его. Медленная речь может свидетельствовать об усталости, угнетенном состоянии или плохом самочувствии.

Когда человек говорит на трудные для себя темы, он сбивается, часто неправильно строит фразы. Чем более прерывиста речь, чем больше в ней запинок, назализации (э... э... э...), слов-паразитов («значит», «так сказать» и т.п.), тем более некомпетентным он кажется слушающим. Нужно иметь в виду, что сбивчивая речь часто принимается за попытку обмануть партнера.

Ритмичное говорение (ровное перетекание слов) ассоциируется в представлении слушателей с уравниственностью, хорошим настроением собеседника, богатством чувств.

Высота голоса и ее изменение во времени – носитель информации о возрастных, половых, индивидуально-личностных особенностях человека. У женщин и детей голосовые связки короче и тоньше, чем у мужчин, поэтому высота голоса у них выше примерно на октаву. Этой же закономерностью определяются индивидуальные различия в высоте голоса разных людей: высокие и полные люди имеют, как правило, более крупную гортань и более низкие голоса, чем низкорослые и худые.

Эмоциональное содержание сообщения может несколько изменять звуковысотные характеристики. Так, гнев сопровождается увеличением звонкости, «металличности», а страх делает голос «глухим», «тусклым», «сдавленным».

Паузы во время разговора делают для того, чтобы: предоставить партнеру возможность высказаться; выиграть время на размышления; придать силу словам, следующим за паузой; переждать отвлечение партнера; отреагировать на невербальные сигналы, свидетельствующие о желании партнера что-то сказать.

Если человек не обращает внимания на то, что его прерывают, значит, он больше ориентируется на себя, а если он с трудом выносит паузы в разговоре, он больше ориентируется на межличностное взаимодействие.

Умение держать паузу – порой незаменимое средство ведения разговора. Несколько секунд молчания могут быть красноречивее слов, они помогают собраться с мыслями, дают возможность овладеть собой, привлечь или переключить внимание.

Умение слушать паузу, интерпретировать причины молчания позволяет получить важную дополнительную информацию в процессе общения.

Смех рассматривается как универсальное средство для снятия напряжения в общении. Открытый, естественный смех (смех с широко раскрытым ртом) демонстрирует радость, удовольствие, одобрение. Полные люди, люди веселые по натуре смеются всем телом.

Смех, снимающий напряжение, разряжающий обстановку, чаще всего отражает естественную реакцию на что-то веселое, комичное, он не направлен на демонстрацию своего отношения к партнеру. Демонстративная реакция может сопровождаться язвительным, издевательским, злорадным, ироничным, циничным, смущенным смехом. Наконец, бывает смех искусственный, вымученный как выражение определенной игры, направленной на достижение личных целей.

Вздохи, стоны, покашливания также представляют собой «говорящие» звуки. Их роль в общении сводится, прежде всего, к выражению определенных состояний (безысходности, нетерпеливости, недовольства и т.п.) и «заражению» окружающих путем вызывания у них аналогичных чувств.

Интонация – все явления, звуковые средства языка, которые связаны с голосом и не требуют концентрации внимания на содержании сказанного. Интонация – особый способ выражения чувств, эмоций, отношения говорящего к собственным словам и тем людям, с которыми он общается (властная интонация, насмешливая, ироническая, уверенная и т.п.).

Мимика и взгляд. В процессе общения большинство людей концентрируют свое внимание на лице партнера. Лицо на протяжении всей жизни человека, особенно на ранних этапах развития, осуществляет функции социального контакта.

Мимика – координированные движения мышц лица, отражающие состояние чувства, эмоции. К мимике относят все изменения, которые можно наблюдать на лице человека, включая и психосоматические процессы, например, покраснение или побледнение. Каждая мина является результатом сокращения многих лицевых мышц. Данные экспериментальных исследований свидетельствуют о том, что мимику лица можно проанализировать, опираясь на следующие основания:

Непроизвольные движения, обусловленные эмоциями (сведение бровей, прищуренность глаз, вертикальные складки на лбу и т.д.);

Произвольные движения, служащие сознательной передаче определенных сигналов (подмигивание, гримасы, насмешливое выражение и т.д.);

Таким образом, поза, наклон туловища, поворот головы, утвердительный кивок, выражение «внимания» на лице могут сказать собеседнику намного больше, чем мы могли бы выразить словами. Именно замечая эти вольные или невольные сигналы, которые посылает наше тело, он делает вывод о том, слушаем мы или нет, и как мы слушаем.

Таким образом, мы как бы подтверждаем контакт с собеседником. Для многих очень часто важен именно зрительный контакт и возможность видеть глаза собеседника, чтобы быть уверенным, что его (ее) слушают со всем вниманием.

Умение сделать паузу в разговоре и сохранять молчание является следующим, хотя и сложным, но очень мощным инструментом воздействия. Часто мы используем его несознательно, но при этом достаточно эффективно. Уважительное отношение к собеседнику заставляет нас сохранять молчание в тех случаях, когда мы видим, что ему необходимо собраться с духом, лучше сформулировать свою мысль, обдумать сказанное или справиться с переживаниями. Мы сознательно должны сохранять молчание после того, как задали свой вопрос кому-то из участников медиации и одновременно должны удерживать других от желания заполнить возникшую паузу. Подобное поведение со стороны медиатора всегда воспринимается участниками процесса с благодарностью, как знак проявления уважения. Умение держать паузу, так же, как и в театральном искусстве, придает больше веса сказанному и позволяет избежать «скольжения по поверхности», которое не затрагивает чувств и переживаний сторон. Начинаящий медиатор, как правило, редко использует этот инструмент возможно потому, что не до конца уверен в правильности своих действий, формулировок или вопросов, которые он задает, а также потому, что опасается проявления эмоций со стороны участников, с которыми он не сможет справиться. Чем опытнее и увереннее становится медиатор, тем больше он молчит в медиации и тем сильнее эффект от его молчания.

Молчание практически незаменимо в ситуации, когда вы ждете от собеседника проявления ответственности и сознательного действия.

Использование молчания является одним из наиболее верных отличительных признаков гуманистической медиации и практически незаменимо в медиации потерпевших и правонарушителей (особенно с участием несовершеннолетних).

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

Антонов В.Г., Организационное поведение в таблицах и схемах [Текст] / В.Г. Антонов, Н.В. Бобылева; под научной редакцией д. э. н. Г.Р. Латфуллина, д. э. н. О.Н. Громовой. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 288 с.

Вердербер Р., Психология общения [Текст] / Р. Вердербер, К. Вердербер.- М.: Прайм-Еврознак, 2007. – 416 с.

Куницына В.Н. Межличностное общение. Учебник для вузов [Текст] / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. – СПб.: Питер, 2001. – 354 с.

Машков В.Н. Психология управления: Учебное пособие [Текст] / В.Н. Машков. – Изд. 2-ое.– СПб: Издательство Михайлова В.А., 2002 – 254 с.

Ньюстром Дж. В. Организационное поведение [Текст] / Дж.В. Ньюстром, К. Дэвис; пер. с англ.; под ред. Ю.Н. Каптуревского. – СПб: Питер, 2000. – 448 с.

Пиз А., Гарнер А. Язык разговора [Текст] /А. Пиз, А. Гарнер; пер. с англ. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 280 с.

Практическая психодиагностика [Текст] / под ред. Райгородского Д.Я. – Самара: [б.и.], 2003. – 390 с.

Шевякова Л.П. Коммуникация и образование. Сборник статей. [Текст] / Л.П. Шевякова; под.ред. С.И. Дудника. – СПб.: СанктПетербургское философское общество, 2004. – 260 с.

Тема 4.4. Коммуникативный тренинг «Есть контакт? Есть контакт!»

сост. Трофимова Ю.В.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- ✓ Медиация, по мнению психологов, имеет коммуникативную сущность. Медиация как коммуникация, является намеренной, целенаправленной, планируемой, симметричной субъект-субъектной деятельностью.
- ✓ Основное содержание коммуникации состоит в обмене информацией между общающимися индивидами. Особенности коммуникации по Г.М. Андреевой являются: (1) коммуникация это взаимное информирование, которое предполагает налаживание совместной деятельности общающихся. Обмен информацией направлен на совместное постижение предмета беседы, выработку общего смысла, что возможно при понимании и осмыслении информации. (2) обмен информацией между людьми обязательно предполагает воздействие на поведение партнера. Направленность такого влияния это воздействие одного человека на другого с целью изменения его поведения. Эффективность коммуникации измеряется именно тем, насколько удалось это воздействие. (3) коммуникативное влияние как результат обмена информацией возможен лишь тогда, когда человек, направляющий информацию (коммуникатор), и человек, принимающий ее (реципиент), обладают единой или сходной системой кодификации и декодификации, т.е. «говорят на одном языке». (4) коммуникация не лишена коммуникативных барьеров, значительно усложняющих процесс общения.
- ✓ Понимая, что коммуникация предполагает наличие направленности и взаимного влияния ее участников друг на друга, следует отметить, что важным условием эффективности коммуникации становится формирование единых интерпретаций разных аспектов ситуации общения. Сложность коммуникации связана с тем, что предполагает наличие индивидуальных интерпретаций, осуществляемых каждой стороной вовлеченной в общение. При этом индивидуальные интерпретации осуществляемые разными сторонами не идентичны. Продуктивное взаимодействие требует у общающихся выраженной способности оценить ситуацию с позиции другого человека, предвидеть поведение партнера по общению. Конструирование каждой стороной медиации собственной уникальной интерпретации, или же ориентация на общие интерпретации зависит от общего языка, опосредующего коммуникацию, единого культурного фона. Поиск этих объединяющих факторов и составляет важность медиативного пространства и процесса.
- ✓ Рассматривая цели медиации и функции медиатора, такие как «оценщик конфликтов», «активный слушатель», «генератор альтернативных предложений» и др., можно отметить, что перед медиатором стоят задачи организации процесса медиации, сбор информации из разных источников, обеспечение самого переговорного процесса, согласование позиций сторон и т.д. В этой связи одним из важных качеств медиатора является коммуникативная компетентность, под которой понимают владение сложными коммуникативными навыками и умениями, формирование адекватных умений в новых социальных структурах, знание культурных норм и ограничений в общении, знание обычаев, традиций, этикета в сфере общения, соблюдение приличий, воспитанность; ориентация в коммуникативных средствах, присущих национально-

му, сословному менталитету, освоение ролевого репертуара в рамках данной профессии (В.Н. Куницина).

- ✓ В качестве формы организации встречи рекомендуется использовать социально-психологический тренинг, как один из методов активного обучения и психологического воздействия, осуществляемого в процессе интенсивного группового взаимодействия и направленного на повышение компетентности в сфере общения. Именно такая форма организации взаимодействия участников позволит углубить опыт анализа ситуаций общения, скорректировать и развить установки, необходимых для успешного общения и анализа ситуации группового взаимодействия.

Содержание коммуникативного тренинга «Есть контакт? Есть контакт!»

Предварительная подготовка

Ведущему следует изучить материал об особенностях коммуникации в медиативной деятельности, а именно: понятие и сущность коммуникативной компетентности медиатора; невербальные и вербальные коммуникативные навыки медиатора; коммуникативные навыки медиатора при установлении и поддержании контакта со сторонами; способы реагирования на негативные проявления и сопротивление сторон; манипуляции в переговорном процессе.

Материалы:

1. Два стола, стулья по количеству участников, малярный скотч, ножницы, маркеры, флипчарт, листы формата А-4 и ручки по числу участников,.
2. Игровые атрибуты: карточка к упражнению «копия», по три фишки на каждого участника (можно нарезать куски картона или настоящие монеты небольшого номинала), четыре одинаковые коробочки с крышечкой.

Ход коммуникативного тренинга

Участники рассаживаются по кругу, на груди крепится малярный скотч, на котором маркером участник пишет ту форму имени, которая допустима в процессе семинара-тренинга.

Упражнение «Интервью».

Ведущий предлагает разбиться на пары, выбрав для работы участника, с которым меньше всех знакомы. Каждый участник в течение пяти минут должен рассказать своему партнеру что-нибудь о себе. Следующие пять минут рассказывает о себе тот участник пары, который до этого был слушателем. Ведущий обращает внимание на то, что слушатель должен, не перебивая рассказчика, внимательно следить за его рассказом. После того как каждый из партнеров побывал и в роли рассказчика и в роли слушателя, группа собирается вместе. Каждый участник коротко (не более минуты) представляет своего напарника, рассказывает, что он запомнил из того, что ему поведали. Задача ведущего следить за временем, отмечая каждый интервал времени, каким-либо сигналом (колокольчик, хлопок). По окончании представления участника проводится обсуждение:

1. Что в этом упражнении было для вас интересным?
2. Возникали ли сложности на каком то из этапов? Какие возникали сложности?
3. Всегда ли рассказ о напарнике совпадал с той информацией, которую этот напарник поведал партнеру по игре? Что чаще всего теряется, искажается, добавляется, остается?
4. В какие моменты слушать было скучно, в какие интересно?

5. Почему можно говорить о том, что непредубежденность помогает развитию умения слушать другого?
6. Какие феномены из жизни напоминает данный эксперимент.
7. Какие качества коммуникативные необходимы для того, чтобы максимально точно получать, анализировать и передавать полученную информацию.

Упражнение «Копия»

Ведущий предлагает группе потренироваться в односторонней коммуникации. Ведущий просит участников сесть полукругом. Каждый участник берет себе ручку/карандаш и бумагу.

Ведущий предлагает одному из желающих взять на себя тяжелую роль «коммуникатора». Участник в роли «коммуникатора» садится напротив остальной группы и получает карточку, на которой геометрическими фигурами нарисован абстрактный рисунок. Его задача – так описать картину с листа, чтобы остальные участники могли и нарисовать ее на своих листах идентично образцу. Каждый работает только для себя, переспрашивать Коммуникатора запрещено. Если у коммуникатора сложилось впечатление, что он предоставил достаточно информации, он просто говорит о том, что закончил.

По завершению данной части задания коммуникатор показывает свой рисунок так, чтобы все участники смогли сравнить с ним свое «произведение».

После этого этапа ведущий задает основной вопрос: Все игроки получают одинаковую информацию, но картины все равно различаются. Как можно это объяснить?

Ведущему важно понимать, что во время подведения итогов игроки могут пожаловаться на то, что Коммуникатор дал им недостаточно информации. Это становится основанием обсудить различия одно- и двусторонней коммуникации, поговорить об умении слушать и говорить.

По окончании основного обсуждения рекомендуется подвести итоги упражнения, предложив группе для рефлексии следующие вопросы:

1. Что мне понравилось в манере донесения информации нашего и коммуникатора?
2. Какие были недочеты в его работе?
3. На что нужно обращать особое внимание при односторонней коммуникации?
4. Знаю ли я людей, которые склонны к такого рода коммуникации?
5. Как бы я оценил самого себя в этом отношении?
6. В чем преимущество двусторонней коммуникации?
7. Какие наблюдения я сделал в этом процессе?
8. У кого получилась самая точная картина? Как ему это удалось?
9. Как данную информацию следует использовать медиатору в профессиональной деятельности?

Манипулятивная игра «Вызвать жалость»

Ведущий выполнения сложной роли вызывает четверо добровольцев. Остальным участникам тренинга предлагают выйти за дверь, получив перед уходом по три фишки.

Ведущий сообщает четверым добровольцам, что их задача – заработать как можно больше фишек. Для этого у них есть только одно средство – вызвать жалость у владельца фишек. Ведущий отмечает, что жалость можно вызывать только своим внешним видом, в первую очередь – выражением лица. Ведущий рассаживает «попрошак» в ряд, выдаёт каждому по коробке, куда надо складывать фишки.

Ведущий предлагает остальным участникам заходить по одному. Он им сообщает, что они должны раздать фишки «как подаяние», при этом нет четкого указания как раздавать фишки: можно отдать все фишки одному человеку, можно две отдать одному, а третью – другому, можно раздать по одной, а можно вообще не отдавать фишки или же отдать только часть фишек. Получив свою фишку, «попрошайка» прячет её сразу в коробочку, чтобы следующие игроки не могли видеть предпочтений предшественников.

В конце игры ведущий организует обсуждение:

1. Что двигало игроками, когда они раздавали фишки?
2. Как старались вести себя «попрошайки»? Как и что они изображали?
3. У кого хорошо получилось вызвать жалость, у кого плохо?
4. Какое знание, понимание из данного эксперимента можно взять в профессиональную «копилку» медиатора?

Упражнение «Сканирование чувств»

Ведущий предлагает участникам разбиться на пары и сесть друг напротив друга. Ведущий объявляет, что будет три задания. Каждое из заданий выполняется в новой паре. По сигналу ведущего колокольчик (хлопок) участники слушают инструкции и ведущего и выполняют их:

Задание 1. У каждого участника есть пять минут, чтобы рассказать своему партнеру, что хорошего и радостного случилось с ним за прошлую неделю. Другой партнер слушает первого молча и внимательно. Через пять минут они меняются ролями и в конце этого тура обмениваются впечатлениями.

Задание 2. После выбора себе нового партнера, предлагается рассказать друг другу о трудностях и заботах прошлой недели. В конце этого тура также следует обмен впечатлениями.

Задание 3. В третьем задании, после выбора нового партнера, предстоит новый тур общения, только теперь партнеры рассказывают друг другу о том, что рассердило их на прошлой неделе. В конце, как и в предыдущих случаях, обмен впечатлениями.

После выполнения трех этапов все участники собираются вместе. Ведущий предлагает обсудить упражнение:

1. Что во время этого упражнения было для меня самым важным?
2. Узнал ли я что-то новое?
3. Как члены группы управляют своими чувствами?
4. Есть ли чувства, которые не принято выражать в группе?
5. Легко ли было говорить правду? В каком случае ваш рассказ был более продуман, а слова подбирались более осознанно?
6. С какими сложностями может столкнуться медиатор в ситуациях, связанных «табуированной» информацией?
7. Как данную информацию следует использовать медиатору в профессиональной деятельности?

В качестве подведения итогов ведущий предлагает составить свод правил коммуникативной деятельности медиатора, фиксируя их на флипчарте.

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕСУРСЫ

Научные источники

Голуб О.Ю. О коммуникативной природе медиации: некоторые методологические аспекты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2015. – Т. 15. – № 4. – С. 462–468.

Конфликтология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления и гуманитарно-социальным специальностям / В. П. Ратников, И. К. Батурич, В. Ф. Голубь [и др.] ; под ред. В. П. Ратников. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 543 с.

Манипулятивная игра «Вызвать жалость» [Электронный ресурс] // А. Я. Психология (azps.ru) : [web-сайт]. 19.10.2012. – Режим доступа: http://azps.ru/training/manipulatio/vyzvat_zhalobu.html.

Свободный Ф.К. профессиональное общение медиатора: этапы и приёмы // Гражданское общество и правовое государство. – 2013. – Т. 2. – С. 68–73.

Цветков, В.Л. Психология конфликта: от теории к практике : учеб. Пособие / В.Л. Цветков. – М. : ЮНИТИ-ДАНА . – 2015. – 183 с.

Фопель К. Создание команды. Психологические игры и упражнения : электронный ресурс. – 2-е изд. – Москва : Генезис, 2016. – 394 с.

Подписано в печать 16.07.2020 г.
Объем 19,8 уч.-изд. л. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ №5858.
Отпечатано ИП Колмогоров И.А.,
656049, г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85,
тел.: (3852) 36-82-51, 8-800-700-1583,
nf-kniga@yandex.ru,
сайт: типография-новый-формат.рф